МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.А. ДОБРОЛЮБОВА»

АЛЬМАНАХ

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО КАБИНЕТА ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

“Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей”

ВЫПУСКИ 3-4

Нижний Новгород
2012

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

УДК [373.51:(811.124+811.14’02)]+908 (470.341)
ББК 80.4+81.45
А 571

Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. «Thesaurus scientiarum et virtutum**.** Сокровищница знаний и добродетелей» Выпуски 3-4. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, 2012. – 206 с.

ISBN 978-5-85839-240-8

Предлагаемые вниманию читателей 3-й и 4-й выпуски Альманаха Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа содержат информацию о работе курсов повышения квалификации учителей гимназий, а также отражают учебную, научно-методическую и просветительскую работу Славяно-греко-латинского кабинета, раскрывающую содержание классического гимназического образования.

Редакционная коллегия:
Г.П. Рябов, президент НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор (ответственный редактор), О.Ю. Бараева., канд.пед.наук., В.М. Строгецкий, докт.ист.наук, профессор, Л.П. Клименко., докт.филол.наук, профессор, Е.В.Соболева., доцент, А.В.Хазина, канд.ист.наук, доцент, Л.В. Софронова., докт.ист.наук, доцент, М.П. Самойлова, к.и.н., доцент (ответственный секретарь).

ISBN 978-5-85839-240-8

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

В НОМЕРЕ:

ОТ РЕДАКТОРА 5

МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ:

ОТЧЕТ СГЛК ПФО РФ 9

СУРИКОВ И.Е. (Москва) Античность и проблемы современного образования 12

ТУЛУПОВА О.В. Семинар о современных образовательных методиках 19

ТУЛУПОВА О.В. Профессиональная педагогическая позиция современного учителя 31

КОМАРОВА Е.В. Отмечаем Рождество в гимназии 37

ЛУШИНА О.В. «Возрадуйся, Христос родился!» 49

БОЧЕНКОВА О.В. Из опыта преподавания церковнославянского языка в начальных классах РОУРО «Арзамасская православная гимназия имени святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии 57

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХ и СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ:

СТРОГЕЦКИЙ В.М. Информация о реализации проекта «Развитие деятельности православно-ориентированных образовательных учреждений на базе Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ при Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А.Добролюбова 60

БРАГОВА А.М. Курсы повышения квалификации учителей английского языка православных гимназий в 2010 году 65

БАЛАБАНОВА О.В. План урока английского языка “The Bible stories: Noah’s Ark” 67

ШАЛЯВИНА И.В. План урока английского языка на тему «Путешествие Святого Семейства в Египет» (**«Holy Family’s flight into Egypt»**) 69

БАТУРИНА Л.В**.** План урока английского языка по теме «Babel’s Tower» 73

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ:

НИКИШИН В.О., ГВОЗДЕВА И.А. Древний Рим и Великая Россия: еще раз об имперском мышлении и стабильности великих держав 77

БУРОВ А.В. Победоносцев К.П. о православном воспитании и образовании 95

ЦАРЕВА М.С. Латинская терминология в учебном курсе «Международное частное право» 102

ХИТРУН Н.В. Метафизика красоты в ренессансном неоплатонизме 109

ВАЩЕВА И.Ю. Традиции изучения латинских церковно-исторических сочинений IV-VII вв. в отечественной и зарубежной историографии

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО:
ГВОЗДЕВА Т.Б. К вопросу о формировании конного агона Панафинейских игр **116**
НЕФЁДКИН А.К. Битва при Гранике в современной историографии **123**
ГРУШЕВОЙ А.Г. Надписи о храмовых привилегиях как источнике правовых взаимоотношений города и центральной власти в государстве Селевкидов **128**

РИМСКОЕ ПРАВО:
ЛУШИН А.Н. Значение земельных сервитутов в Древнем Риме: правовой аспект **142**

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИСТОРИЯ:
СУРИКОВ И.Е. Античность и Древняя Русь: некоторые аспекты культурного влияния **145**
САМОЙЛОВА М.П. Влияние античных философских идей на становление древнерусской книжности на примере Изборника Святослава **162**

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСЛАВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
ПЕШКОВ А.А. Критика П.Н. Милюковым национальной идентичности по религиозному признаку (к вопросу о взаимоотношении Церкви и государства в России) **168**

ПЕРЕВОДЫ, АННОТАЦИИ, РЕЦЕНЗИИ:
ДАНИЛОВ Е.С. Рецензия на книгу Саузерна П. Римская армия: Социальная и институциональная история (*Southern P. The Roman Army: A Social and Institutional History. Oxford: University Press, 2007. 383 p.*) **172**
СТРОГЕЦКИЙ В.М. Рецензия на книгу *Сурикова И.Е. «Геродот» Серия «Жизнь замечательных людей». - М., 2009. 397* **177**

ТВОРЧЕСТВО:
ШИЧАЛИН Ю.А. Снег не скрипел **189**
ЗАЙЦЕВ Н.И. Парафрастическая поэма (фрагмент) **192**
МУРАТОВ С. Фрагменты из сборника «Ты хотел поговорить…» **193**

ПЕРСОНАЛИИ:
СТРОГЕЦКИЙ В.М. Фрагмент автобиографической исповеди «Путь сквозь тернии» **197**

Идея неразрывного единства образования и воспитания не нова, она признавалась во всех цивилизованных обществах и во все времена. Эту идею проповедовал и Владыка Дамаскин, который возглавлял в 1783-1794 г.г. Нижегородскую Епархию и был ректором Нижегородской Духовной Семинарии. Осуществляя подготовку православных пастырей, он руководствовался идеей о том, что «спасение общества заключается в просвещении разума и развитии нравственного чувства». Достижение этих целей возможно на основе возрождения классической системы образования.

Совершенно очевидно, что классическое образование невозможно без овладения культурным наследием прошлого и без возрождения в гимназиях изучения древних языков - славянского, греческого и латинского, являющихся фундаментом многих современных языков.

Сущность классического образования лучше всего выразили выдающиеся ученые и мыслители: русский психолог Ф. Бреаль и немецкий физик, основатель квантовой механики В. Гейзенберг. Ф. Бреаль, обращаясь к молодым людям, говорил, возражая «реалистам», ратовавшим за создание школ с преобладанием естественнонаучных и технических знаний: «Не слушайтесь голосов извне, которые советуют Вам бежать от классического образования. Оно несравненно. Образцы красоты, которые оно дает нам, никогда не будут превзойдены, потому что они просты, очертания их точны и отчетливость их выделяется на ярком свете. Древние добродетели: любовь к семье, чувство собственного достоинства и уважения к другим людям и их мнениям, принесение себя в жертву Родине – никогда не будут преподаны лучше, чем словами древних авторов и их историй».

В. Гейзенберг в речи, посвященной 100-летию Геттингенской классической гимназии, которую он окончил, высоко оценивает знание древних языков, античной истории, литературы и философии. Откликаясь на вечные, время от времени возникающие споры между классицистами и реалистами, Гейзенберг подчеркивал, что наша культура, поступки, мысли, чувства коренятся в духовном

наследии античности, у истоков которого стояло греческое искусство, греческая поэзия, греческая философия и история. Поэтому, - говорил он, – классическое образование, основанное на античной культуре и христианской этике, формирует в человеке такую шкалу ценностей, в которой духовные ценности ставятся выше материальных, и это образование вызывает у него потребность в постоянном поиске истины, независимо от того, будет ли он занят гуманитарными науками или естественно-математическими».

Этими идеями руководствуются специалисты-ученые Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ при НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (СГЛК) в своей научной и просветительской деятельности. Задачи классического образования ставятся во главу угла программ по церковно-славянскому, древнегреческому, латинскому и современным европейским языкам и реализуются в ходе проведения курсов повышения квалификации учителей православных гимназий, которые СГЛК уже провел трижды в 2008 - 2011 гг., а также в статьях и материалах, опубликованных в двух выпусках Альманаха СГЛК «Сокровищница знаний и добродетелей (Thesaurus scientiarum et virtutum)».

Вашему вниманию предлагается объединенный третий и четвертый выпуски Альманаха.

Главные цели, которые редакционная коллегия поставила перед собой при подготовке данного выпуска, заключаются в следующем:

Во-первых, показать, что классическая филология, как ее понимали до 20-х годов XX в., не утратила своего значения, более того, в эпоху технократии ее идеи и выводы становятся крайне необходимыми. Именно поэтому данный выпуск мы открываем отчетом о деятельности СГЛК ПФР РФ, а затем статьей доктора исторических наук, профессора И.Е. Сурикова, посвященной античности и проблемам современного классического образования, в которой автор анализирует бессмертные идеи выдающегося русского антиковеда Ф.Ф. Зелинского.

В соответствии с пониманием классической филологии в широком смысле в этом выпуске Альманаха публикуются статьи по Римскому частному праву,

древнегреческой и римской истории, средневековой и древнерусской истории, а также проблемам православного исторического сознания в отечественной культуре. Редакционная коллегия надеется, что публикуемые в данном объединенном выпуске материалы привлекут внимание читателей неоднозначностью и дискуссионностью делаемых авторами статей выводов. В последующих выпусках Альманаха надеемся на обсуждение публикуемых материалов.

Во-вторых, чтобы идеи классической филологии нашли отклик в умах гимназистов, сегодня, как и в век расцвета классического образования в России, большое значение имеет работа умного, образованного и способного согреть души и зажечь сердца гимназистов учителя. Чтобы познакомить широкую аудиторию с возможностями просветительской и методической деятельности учителя современной классической православной гимназии, мы поместили в этом выпуске методические материалы, касающиеся преподавания древних языков, церковно-славянского и современного английского, широко привлекая сюжеты на соответствующих языках из Священного Писания и произведений отцов Церкви.

В связи с этим мы дали возможность самим учителям православных гимназий опубликовать в этом выпуске Альманаха разработки некоторых своих уроков. Эту практику мы планируем продолжать и в последующих выпусках.

Большое значение редакционная коллегия придает содержанию разделов Альманаха «Переводы, аннотации, рецензии» и «Творчество». В данном издании мы представляем читателю недавно опубликованные работы *П. Саузерна «Римская армия: Социальная и институциональная история» (Southern P. The Roman Army: A Social and Institutional History. - Oxford University Press, 2007. 383 p.) и И.Е. Суриковa «Геродот»: Серия «Жизнь замечательных людей». - М., 2009. 397 с.*, а в разделе «Творчество» вы с удовольствием насладитесь великолепными стихами Ю.А. Шичалина Н.И. Зайцева и С.Д. Муратова.

Завершает Альманах раздел «Персоналии», в котором мы публикуем фрагменты автобиографической исповеди «Путь сквозь тернии» специалиста в

области истории образования, известного ученого, доктора исторических наук, профессора кафедры культурологии, истории и древних языков НГЛУ, профессора Нижегородской духовной семинарии, главного организатора работы СГЛК **Владимира Михайловича Строгецкого**.

Надеюсь, данное издание Альманаха будет с интересом встречено широким кругом читателей.

Геннадий Рябов

Отчёт о работе Славяно-греко-латинского кабинета (СГЛК) ПФО РФ при кафедре культурологии, истории и древних языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

СГЛК ПФО РФ открыли в 2007 г. по благословлению Архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия и по инициативе бывшего полномочного представителя президента, ныне Министра юстиции А.В. Коновалова и бывшего ректора, ныне президента НГЛУ Г.П. Рябова.

В 2008 г. приказом по НГЛУ утверждено Положение о СГЛК ПФО РФ. В соответствии с приказом по НГЛУ руководителем СГЛК является президент НГЛУ проф. Г.П. Рябов, зам. руководителя проф. кафедры культурологии, истории и древних языков В.М. Строгецкий, работающие на общественных началах. Приказом по университету утверждён также профессорско-преподавательский состав СГЛК ПФО РФ.

К 2008 г. СГЛК ПФО РФ стал членом Ассоциации православных гимназий и школ ПФО РФ.

С этого времени СГЛК приступил к выполнению своих непосредственных функций.

СГЛК был создан с целью развивать систему православного классического образования в Нижегородской Епархии и других Епархиях Приволжского Федерального округа; вести подготовку и повышение квалификации учителей православных школ и гимназий по языковым и историко-филологическим предметам, а также по дисциплинам духовно-нравственного цикла Основам православной культуры (ОПК) и по Основам православной веры (ОПВ);

развивать принципы неразрывного единства учебно-воспитательной деятельности; осуществлять издательскую деятельность, разрабатывать и создавать программы, учебники, учебно-методические материалы, рабочие тетради для учащихся и печатный орган СГЛК ПФО РФ Альманах, в котором публикуют свои научные методические и творческие работы учёные, преподаватели и учителя православных гимназий и школ.

В течение 2008/9, 2009/10 и 2010/11 г. СГЛК ПФО РФ подготовил программы повышения квалификации и учебные программы силами преподавателей СГЛК и учителей православных гимназий по следующим дисциплинам:

1) Латинский язык и античная культура
2) Древнегреческий язык
3) Церковно-славянский язык
4) Русский язык
5) Английский язык
6) Немецкий язык
7) Основы православной культуры

СГЛК ПФО РФ готов предоставить учебные программы по указанным предметам при необходимости для аккредитации учебной деятельности гимназий.

В течение указанного времени были проведены три тура курсов повышения квалификации, в которых приняли участие учителя из Нижнего Новгорода (Автозавод, Сормово, Зелёный Город), Нижегородской области (Заволжье, Дзержинск, Семёново, Дивеево) и из других Епархий ПФО (Саратов, Пенза, Ульяновск, Пермь). Всего обучившихся на курсах и получивших свидетельство о повышении квалификации с 2008/2009 по 2010/2011 уч. годы более 30 человек.

За отчётное время СГЛК ПФО РФ провёл несколько методических семинаров в православных гимназиях Дзержинска, Арзамаса, Семёнова и Нижнего Новгорода.

Была проведена совместно с НИРО встреча с заслуженным учителем 2011г. А.В. Елисовым, учителем истории и ОПК сельской школы Кулебакского района, посвященная обсуждению проблемы методики преподавания истории и ОПК, а также методам нравственного и патриотического воспитания молодежи.

Два семинара, посвященных укреплению семейных и патриотических ценностей были проведены совместно с Нижегородским мемориальным музеем Н.А. Добролюбова с приглашением студентов, учащихся православных гимназий Нижнего Новгорода и учителей православных гимназий.

За отчётный период СГЛК ПФО РФ подготовил и издал два выпуска Альманаха, учебники по латинскому (авторы В.К. Кочеткова и Е.В. Соболева), древнегреческому (автор В.М. Строгецкий) и церковно-славянскому языкам. Учебник по церковно-славянскому языку для 5-7-х кл., изданный коллективом преподавателей СГЛК во главе с доцентом Т.Д. Марковой. По учебнику церковно-славянского языка дважды проводилась презентация на встрече с учителями православных гимназий и школ в Нижнем Новгороде и Арзамасе. Учебник получил хорошие отзывы учителей православных гимназий. Он был издан тиражом в 1500 экземпляров и по нему сейчас занимаются гимназии

Нижнего Новгорода, а также ряд гимназий других Епархий ПФО. Синодальный отдел образования Московской патриархии решил положителдь вопрос о присуждении грифа и рекомендации его православным гимназиям РФ. В 2012 г. Т.Д. Маркова вместе с учителями православных гимназий во время очередного тура курсов повышения квалификации будет разрабатывать и готовить к изданию вторую часть учебника для старших классов гимназий.

В 2011г. преподаватели СГЛК совместно с учителями православных гимназий подготовили и издали рабочие тетради по латинскому языку для 4-го класса, церковно-славянскому языку для 5-го класса, русскому языку для 1-го класса, немецкому языку для 3-го класса и тетрадь по Основам православной культуры для 1-го класса.

К сожалению, из-за недостатка средств мы смогли издать тиражом в 700 экз. тетрадь по латинскому языку, 350 экз. по церковно-славянскому языку и по нескольку экземпляров тетрадей по русскому, немецкому языкам и по ОПК. Трудность заключается в том, что цветные иллюстрации очень удорожают издания.

В связи с тем, что СГЛК выиграл конкурс проектов Фонда Серафима Саровскго на 2012 г. и получил финансирование в сумме 304 тыс.руб. продолжится издание рабочих тетрадей для других классов православных гимназий и издание Альманаха.

Преподаватели СГЛК ПФО РФ совместно с учителями православных гимназий работают интенсивно и за отчётный период СГЛК ПФО РФ добился, хотя и небольших, но успешных результатов.

Учитывая высокую квалификацию преподавателей и сотрудников СГЛК, активность и высокий профессионализм администрации православных гимназий Нижегородской Гнилицкой гимназии (директор Беленкова Е.О.), Арзамасской гимназии (директор Залялиева Ю.В.), Дзержинской гимназии директор Лушина О.В.), Семеновской гимназии (директор Кондакова С.А.) и учителей этих гимназий активных слушателей курсов повышения квалификации по латинскому, церковно-славянскому, русскому языкам и основам православной культуры. СГЛК ПФО РФ мог бы стать постоянным действующим научно-методическим, обучающим и издательским центром, подобным тому, каковым является Греко-латинский кабинет проф. Ю.А. Шичалина в Москве, но для этого необходимо фиксированное, стабильное централизованное финансирование. Сейчас же мы можем интенсивно и эффективно работать, только, когда выигрываем конкурс Фонда Серафима Саровского и получаем грант, обеспеченный финансированием.

Директор СГЛК ПФО РФ
президент НГЛУ проф. Г.П. Рябов

Зам. директора
проф. кафедры культурологии,
истории и древних языков В.М. Строгецкий

Суриков И.Е.
(Москва, ИВИ РАН)

АНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Необходимо сразу подчеркнуть, что нижеследующие заметки имеют глубоко личный и, может быть, даже субъективный характер. Хочется быть максимально беспристрастным, полностью освободиться от эмоций – и не во всём это получается, ибо уж слишком наболевшую тему приходится затрагивать.

Вряд ли мы скажем что-то новое, если констатируем, что вся наша система образования переживает на текущем этапе жестокий кризис. Безусловно, кризис этот – явление многомерное, обусловленное многими факторами, может быть, в чем-то органичное для современных российских условий. Говорить о нем подробно здесь не время и не место. Хотелось бы коснуться более конкретного вопроса – состояния преподавания античной истории в школе и тех перспектив, которые в данной сфере могли бы быть реализованы. А это уже выведет нас на проблему более общую, связанную с местом античности в системе образования как таковой.

Безусловно, можно сказать, что из традиционных разделов истории тот, который имеет дело с античностью, с древним миром, в каких-то отношениях всё же сравнительно благополучен. Это – не история новейшего времени (особенно отечественная), где каждая очередная политическая конъюнктура приводит к переписыванию учебников, где легко может получиться так, что об одном и том же событии учащимся в начале учебного года сообщают одно, а в конце – совсем другое, и в результате возникает такое патологическое явление, как «плюрализм мнений в одной голове».

К счастью, в случае с античностью такого почти нет или, по крайней мере, немного. Появляются учебники, вне сомнения, высокого уровня, написанные видными учеными и обработанные опытными методистами. С какими-то их содержательными положениями или структурными приемами, конечно, можно поспорить. Но сейчас речь идет не об этом. Хотелось бы задать простой вопрос: как же получается, что, несмотря на эти хорошие учебные пособия, подавляющее большинство выпускников школ не знает об античности ровным счетом ничего или практически ничего, либо же обладает по этому предмету сведениями самого превратного характера (речь, разумеется, не идет о специализированных средних учебных заведениях гуманитарной направленности, которых в стране заведомое меньшинство)?

Мы не сгущаем краски. Это суждение – плод многолетнего общения со студентами–первокурсниками одного из лучших (но не гуманитарных) вузов страны, Московского физико-технического института, где автору этих строк уже 15 лет доводится читать курсы лекций по античности. Студент-первокурсник, особенно в первые месяцы своей учебы, – это, в сущности, тот же выпускник школы, со всем приобретенным там «интеллектуальным багажом». Причем первокурсник МФТИ, – с одной стороны, выпускник, за редкими исключениями,

весьма способный и продвинутый (в названном вузе существует система тщательного отбора студенческих кадров из лучших школьников по всей России), но, с другой стороны, это, конечно, человек без специальной гуманитарной ориентации, иными словами, не имеющий каких-либо дополнительных, сверхпрограммных знаний, скажем, по той же истории. Разумеется, и в данном отношении тоже встречаются исключения – молодые люди, которые, например, читали произведения античных авторов в переводе и т.п. Но мы сейчас имеем в виду не их, а массу, а в массе своей, повторим, эти юноши и девушки имеют ровно такое представление о древних греках и римлянах, которое им дала средняя школа.

В результате у нас было практически идеальное поле для эксперимента, для проверки: что и сколько в среднем знает об античности развитой, умный выпускник школы? И как он к этой античности относится? Все наши наблюдения заставили с полной уверенностью прийти к двум выводам.

Во-первых, с грустью приходится констатировать поразительное невежество нашей аудитории (подчеркнем еще раз речь не об исключениях, а о среднем уровне) во всём, что касается античных сюжетов. Свою задачу мы видели и видим в том, чтобы это невежество хотя бы в какой-то степени ликвидировать; не нам, конечно, судить, насколько эти труды увенчиваются успехом. Во всяком случае, в первые недели и месяцы занятий, приходится буквально продираться через «дебри незнания», отвечать на самые курьезные вопросы и т.п. Складывается ощущение полной tabula rasa.

Другая же «сторона медали» – это не менее поразительный громадный интерес слушателей лекций к проблемам античных цивилизаций. От всей души хотелось бы пожелать всем коллегам столь же благодарной аудитории, которая внимает буквально затаив дыхание. В МФТИ принята альтернативная система чтения гуманитарных курсов, когда каждый студент сам делает свой выбор. И курсы по истории Древней Греции и Рима, несмотря на свою значительную сложность, были и продолжают находиться в числе самых популярных и востребованных. Ни в малейшей мере не считаем это нашей персональной заслугой: такова уж специфика самого предмета, самой эпохи.

Из вышесказанного смело можем сделать ответственное заключение: наш старший школьник горячо любит античность, тянется к ней, хочет знать о ней как можно больше, – а школа ему этих знаний не дает. И, поскольку «свято место пусто не бывает», то, соответственно, появляются разного рода суррогаты, приносящие немалый вред, вроде пресловутых откровений г. Фоменко. Каждый год приходится на лекциях потратить изрядное время, чтобы разъяснить слушателям (а они уже в силу своей естественнонаучной ориентации склонны априорно питать уважение к Фоменко как «коллеге») истинную суть его построений.

Еще раз оговорим: причиной плачевного положения дел в рассматриваемой области является, на наш взгляд, не низкое качество школьных учебников. Нет, их авторы делают всё, что от них зависит, – но, увы, не всё от них зависит. Истинный корень проблемы заключается в том, что объем античного материала в наших средних школах непростительно мал, а также в том, что античная история

преподается слишком рано. В настоящее время она «проходится», насколько нам известно, в пятом классе, то есть является уделом десятилетних детей. А после этого учащийся больше уже ничего не узнает об античности до самого окончания школы, а заодно с успехом забудет и то, что когда-то изучал.

Никогда не согласимся с тем, что подобное положение является нормальным. Оно, помимо прочего, ставит в сложное и, мы бы сказали, ложное положение, как авторов учебников, так и учителей, увлеченных античной эпохой. Так много хочется сказать детям об античности! И главное – есть глубокая убежденность, что это будет и нужно, и важно, не только интересно, но и полезно. Но ведь, как говорится, «выше головы не прыгнешь», то есть в данном случае выше уровня восприятия пятиклассников. И получается из учебника развеселая книжка с картинками, в которой любую сколько-нибудь серьезную проблему приходится если и не обходить, то «разжевывать», излагать по необходимости в до крайности упрощенном виде.

* * *

Необходимо подчеркнуть, что античность в большей степени, нежели какая-либо другая историческая эпоха, имеет право на приоритетную позицию в среднем общеобразовательном учебном заведении. Вряд ли стоит тратить лишние слова на специальное обоснование этого тезиса. Уже неоднократно авторитетнейшими специалистами говорилось о ключевом, основополагающем, ни с чем не сопоставимом значении античности для всей европейской истории, культуры и жизни, так что нам трудно было бы что-либо добавить к этому. Кажется, вполне ясно, что совершенно невозможно стать сколько-нибудь образованным человеком, не приобщившись в должной мере к неисчерпаемой сокровищнице античной цивилизации.

Сошлемся лишь на некоторые сохраняющие интерес и актуальность мысли о значении античности в образовании, высказанные выдающимся отечественным антиковедом начала XX века Фаддеем Францевичем Зелинским. Ф.Ф. Зелинский был ярким представителем того культурного движения, которое сам он называл «славянским Ренессансом», универсально одаренным человеком. Напомним, что Зелинский – не только ученый мирового уровня (его научные труды и по сей день не утратили своего значения и известны повсеместно), не только блестящий переводчик, в совершенстве владевший обоими классическими языками, не только прекрасный популяризатор науки (его многочисленные научно-популярные книги и статьи имели в свое время шумный успех, но и в наши дни, переиздаваемые, становятся бестселлерами). Он был еще и редкостно одаренным педагогом, преподавателем. Мы имеем в виду не только его многолетнюю деятельность в качестве профессора Санкт-Петербургского университета (в частности, его считал одним из своих учителей сам М.И. Ростовцев). Ф.Ф. Зелинский был связан и со средней школой, с гимназией. В частности, в последние предреволюционные годы он создал уникальный учебник для старших

классов гимназий «История античной культуры»[1]. Это был едва ли не первый не только в России, но и в мире опыт подобного рода пособия.

В 1903 г. Ф.Ф. Зелинский прочел гимназистам-старшеклассникам курс лекций, озаглавленный «Древний мир и мы», вскоре изданный отдельной книгой. Книга получила огромную известность, в течение краткого периода выдержала несколько переизданий[2], а также была переведена на пять иностранных языков, но ныне у нас, к сожалению, незаслуженно забыта. По нашему глубокому убеждению, эта книгу, практически ни в чем не устаревшую (кроме разве что отдельных частностей), следовало бы и в наши дни переиздать по возможности максимальным тиражом, дабы она была доступна каждому педагогу – настолько она полезна и интересна. Прославленный ученый делится с читателем своими размышлениями о месте античности в системе среднего образования в связи с общими задачами этого последнего. Не можем удержаться от того, чтобы привести здесь некоторые из этих мыслей – ярких, порой парадоксальных, но, при ближайшем рассмотрении, совершенно верных.

Вполне естественно, что филолог-классик Зелинский выступает апологетом классического образования, которое как раз в его время подвергалась нападкам со стороны так называемой «прогрессивной общественности», воспринималось как ретроградное, реакционное, обскурантистское и т.п. Аргументировано полемизируя с этими обвинениями, Зелинский уверенно утверждает: общий культурный уровень, культурная значимость той ли иной страны напрямую зависит от уровня ее классического образования. «Культурная сила народа тем значительнее, чем серьезнее в нем поставлено классическое образование»[3]. Конечной целью классического образования ученый признает «умственное и нравственное совершенствование человечества»[4].

Здесь он выходит на чрезвычайно серьезную проблему назначения образования как такового. Его мнение по этому вопросу представляется нам не просто интересным, а крайне актуальным, хотя на первый взгляд и вызывающим несогласие своей акцентированной полемичностью. Ф.Ф. Зелинский подчеркивает, что ни в коем случае не следует увлекаться в школе принципом «профессионального утилитаризма»[5], ранней и узкой специализации, поскольку последняя, безусловно, вредна. Образование, поскольку оно хочет действительно отвечать своему названию, должно по необходимости иметь общий характер и готовить учащегося *к жизни*, а не к той или иной конкретной профессии. Но каким в таком случае должен быть состав общего образования?

Зелинский решительно отвергает тот путь, который как раз восторжествовал впоследствии, в советское время и поныне: взять понемногу из одной науки, понемногу из другой, из третьей, пятой, десятой… – и составить из

---

[1] См. недавнее переиздание: Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. 2 изд. СПб., 1995.

[2] Далее мы будем ее цитировать по изданию: Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы: Лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. 3 изд. (Из жизни идей. Т. 2). СПб., 1911.

[3] Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы… С. 8.

[4] Там же. С. 11.

[5] Там же. С. 16.

всего этого программу средней школы. Из этого, пишет он, «получится ошеломляющая и притупляющая многопредметность»[6]. К тому же в таких условиях каждый учащийся на одну десятую долю знаний, которые действительно пригодятся ему в будущем, получает девять десятых бесполезного балласта.

И тут Ф.Ф. Зелинский высказывает мысль, безусловно, парадоксальную, но, на наш взгляд, в основе своей глубоко верную: школа должна оставить в стороне будущую деятельность учащихся и видеть свою единственную задачу в том, чтобы готовить *образованных людей*. Но что это означает? Образованность понимается Зелинским не как некая совокупность знаний, которую должна дать школа. Можно иметь эту совокупность знаний и в то же время не быть образованным, культурным человеком. Не о том должна заботиться школа, чтобы вложить в голову ученика определенную сумму сведений, бóльшая часть которых всё равно непременно вскоре заботится, а в том, чтобы, повторим, дать образование. Как же все-таки это образование понимать?

Ф.Ф. Зелинский выдвигает в связи с данным вопросом в высшей степени принципиальный тезис: образование – не набор знаний, а (ввиду важности пассажа процитирую его in extenso), «*такая подготовка ума, которая приспособит его с наименьшей затратой сил и времени и с наибольшей пользой воспринимать те знания, которые ему понадобятся впоследствии*» (курсив Ф.Ф. Зелинского)[7].

Итак, образование – *подготовка ума*. Исходя из этого, и следует строить программу средней школы, отбирая туда те предметы, которые в наилучшей степени могут послужить такой подготовке. «Предметы общего образования»[8], которым, по мнению Зелинского, должно принадлежать преобладание в школе, включают в себя три группы наук: математические, физические и те науки, которые автор называет филологическими, а в наше время принято определять как гуманитарные. Вот в этой-то третьей группе и должны занимать особое, первенствующее место дисциплины, связанные с античностью (изучение классических языков, античной литературы в ее лучших образцах, истории, культуры, древностей античного мира).

На протяжении многих страниц своего курса лекций Ф.Ф. Зелинский развивает мысль о настоятельной необходимости изучения древнегреческого и латинского языков в средней школе. Его аргументация совершенно неопровержима. Но, к сожалению, как раз это место его книги ныне выглядит наиболее далеким от наших дней. Что и говорить, система преподавания древних языков (а ведь это – основа, фундамент приобретения дальнейших знаний об античности) в масштабе страны оказалась разрушена почти полностью. И, что самое прискорбное, в этой области не приходится рассчитывать на сколько-нибудь быстрое восстановление прерванной традиции. Можно, конечно, в приказном порядке ввести в школах хотя бы ту же латынь. Но это было бы чистой

[6] Там же. С. 17.
[7] Там же. С. 18.
[8] Там же.

воды профанацией, ибо этот предмет просто некому будет преподавать. Вначале требуется вырастить поколение учителей, знающих классические языки, для этого – углубленно изучать упомянутые языки в педагогических вузах, а для этого, в свою очередь, подготовить достаточное количество высококвалифицированных вузовских преподавателей… На всё это в совокупности уйдут даже не годы, а десятилетия – и это еще в лучшем случае, если в обществе сложится твердая воля реализовать задуманное.

Можно вспомнить, что в свое время, в XIX в., когда происходило становление системы классического образования в России, в страну активно приглашали учителей-чехов из Австро-Венгрии. Чех – преподаватель древних языков – был весьма распространенной фигурой в Российской империи, и отнюдь не только в столицах. Так, даже в провинциальном Новочеркасске А.Ф. Лосеву привил любовь к античности чех – И.А. Микш (кстати, однокашник Ф.Ф. Зелинского по обучению в Лейпциге)[9]. Он стал настоящим кумиром талантливого гимназиста.

Но нам сейчас приглашать, очевидно, некого, так что приходится решать проблему собственными силами. Задача неимоверно трудная, порой кажется, что невыполнимая. Однако нужно всё же держать перед глазами некий идеал, программу-максимум: когда-нибудь, хотя бы в отдаленной перспективе (вряд ли в обозримом будущем) возродить преподавание классических языков в средней школе.

Чем же обусловлено, по мнению Ф.Ф. Зелинского, приоритетное положение античных сюжетов в системе среднего образования? Собственно, этому посвящена вся его книга «Древний мир и мы», а излагать подробно ее содержание было бы делом неблагодарным и вряд ли нужным. Позволим себе привести лишь еще одну цитату, в которой всё сказано самым исчерпывающим образом: «Наука об античности, – говорит ученый, – не есть специальность наряду с другими специальностями, замкнутыми в себе и самодовлеющими; это – предмет энциклопедический, постоянно сближающий своего представителя с другими областями знания, поддерживающий в нем сознание единства науки и уважение к отдельным ее отраслям и всем этим сообщающий ему такую широту горизонта, какой не может сообщить никакая специальная наука»[10].

Зелинский отвечает на потенциальные возражения, подчеркивая, что он вовсе не адепт повсеместного и насильственного насаждения классического образования. Должны быть, по его мнению, самые разные типы средней школы, соответствующие различным задаткам учащихся. Крайне отрицательно относится ученый лишь к идее «единой школы», которую называет «мертворожденным детищем педагогического авантюризма, подгоняющим все дарования под один общий для всех шаблон»[11].

Еще одно решительно опровергаемое им принципиальное замечание: не сделает ли обилие «классических» дисциплин обучение слишком трудным? Ф.Ф.

---

[9] Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 1997. С. 24.
[10] Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы… С. 64.
[11] Там же. С. 121.

Зелинский с жаром восстает против идеи «легкой школы». Учение – труд, и, как всякий труд, он *должен* быть трудным. «Легкая школа – это социальное преступление»[12], – пишет Зелинский. Сказано очень сильно, но, честно говоря, очень хочется подписаться под этими словами.

* * *

Сказанное век назад имеет значение и для наших дней. Безусловно, с чем-то в концепции Ф.Ф. Зелинского можно спорить и не соглашаться. Но, как нам кажется, очень трудно что-то противопоставить ключевому тезису: если наша средняя школа хочет выпускать не людей, что-то о чем-то знающих, а людей *образованных*, то ей совершенно необходимо решительно повернуться лицом к античности.

В чем конкретно должен выражаться такой поворот? Это могло бы стать предметом отдельной работы. Здесь мы ограничимся некоторыми самыми предварительными суждениями.

Прежде всего, ни в коем случае не следует сводить всю «школьную античность» к курсу истории древнего мира для пятого класса. Абсолютно необходимо изыскать возможность введения в старших классах *всех* (а не только специализированно-гуманитарных) школ обязательного предмета, который можно условно назвать «История античной культуры» (в максимально широком понимании – от религиозных и философских озарений, до деталей быта, повседневной жизни).

Повторим и подчеркнем, что такой курс должен преподаваться именно в старших классах, чтобы это стало поводом для серьезного, осмысленного разговора об античности с начинающими уже взрослеть и самостоятельно мыслить людьми. Это тот minimum minimorum, который может быть всерьез реализован уже в нынешних условиях. Предпосылки, заделы к этому имеются: подобного рода «продвинутые» курсы уже читаются в некоторых (во всяком случае, московских, но думаем, что и не только) средних учебных заведениях гуманитарной направленности. Их опыт можно и должно использовать.

Оппоненты могут поставить вопрос: каким образом найти место для такого курса в плане учебных занятий, и без того чрезвычайно перегруженном? На наш взгляд, проблема отнюдь не является неразрешимой; более того, в ее решении нет и ничего особенно сложного. Ибо пресловутая перегруженность старшеклассников (действительно имеющая место) возникла прежде всего за счет изобилия в школьных расписаниях бесполезных предметов, которые без всякого ущерба могут быть оттуда исключены или, по крайней мере, «потесниться» и дать место более углубленному изучению античности. Невозможно поверить, чтобы этого нельзя было сделать.

Нужно дать юношеству возможность «окунуться» в античность. Вреда от этого, во всяком случае, не будет никакого, а польза может оказаться весьма существенной.

---

[12] Там же. С. 138.

Можно было бы, далее, куда активнее привлекать памятники античной словесности в школьном курсе литературы. Это еще один мощный резерв. Смешно сказать – вся античная литература в школе сводится к одной песни «Одиссеи» (Одиссей у циклопа), изучаемой где-то в средних классах. Необходим несравненно больший объем этого материала, причем знакомить с ним нужно в более зрелом возрасте. Трудно будет учащимся читать Еврипида, Менандра, Вергилия? Да, конечно, нелегко: это не Дарья Донцова. Но – повторим еще раз – кто сказал, что в школе должно быть легко?

Подчеркнем, что сказанное имеет самый предварительный характер. Самое же главное – необходимость поворота (пусть постепенного) школы к античности. Работы в этой сфере непочатый край, но не делать ее нельзя, иначе вряд ли что-то может спасти нас от надвигающейся деградации.

Тулупова О.В.
Нижний Новгород, НИРО

Семинар о современных образовательных методиках

В рамках проекта развития православного гимназического образования в апреле 2010 года ПФО РФ при НГЛУ с участием кафедры общей педагогики и педагогических технологий НИРО организовали семинар для директоров и завучей православных гимназий на тему «Новый педагогический профессионализм: от образовательных идей к образовательной практике». Необходимость проведения подобных семинаров обусловлена тем, что сегодня средние и высшие учебные заведения переходят на новые образовательные стандарты и в вузах внедряется двухуровневая система образования. За время обучения в лицеях и гимназиях у учащихся должны сформироваться склонность и стремление к интеллектуальному труду и чувство радости и удовлетворения от его результатов. Учащиеся должны научится самостоятельно выбирать сферу дальнейшей деятельности , направления и пути реализации своего дальнейшего образования. На семинаре были обсуждены следующие проблемы:

Характеристика новой модели школьного образования включает в себя:

- Выделение специфических методов и подходов к обучению на разных возрастных ступенях
- Обновление к 2015 году всех учебных программ и методов обучения на основе компетентностного подхода, что предполагает ориентацию на практические навыки, на способность применять знания, реализовывать собственные проекты, овладение обучающимися умениями коммуникации, анализа, понимания, принятия решений
- Методическое и технологическое обеспечение широкого выбора индивидуальных образовательных траекторий, в том числе с использованием современных обучающих инновационных технологий.

- Изменение сети образовательных учреждений, формирование базовых школ на основе качественно работающих образовательных учреждений, их приоритетное оснащение современным учебным оборудованием, что позволит создавать в них насыщенную образовательную и коммуникативную среду, а также обеспечит возможности эффективного выбора и реализации индивидуальных образовательных маршрутов
- Расширение сферы дополнительного образования школьников, становящейся пространством инициативного действия школьника, в котором свободное от уроков время станет ценнейшим ресурсом самообразования и саморазвития
- Переориентирование как внешней, так и внутренней системы оценки качества образования на новые качественные результаты, применение наряду со стандартизированными внешними экзаменами новых методов оценивания, отражающих индивидуальные творческие образовательные достижения ребенка.
- Изменение системы подготовки и переподготовки педагогов на основе новой модели профессионализма, включающей владение ИКТ, такими видами деятельности как исследование, проектирование, программирование

Новая модель гимназического образования предполагает освоение обучающимися в процессе получения базового образования в рамках стандарта *инновационного поведения*, что означает развитие востребованных сегодня и в будущем творческих способностей и умений добывать и применять знания, инициативности и ответственности.

Новая модель образования предполагает учет возрастных особенностей учеников, поэтому возрастная школа включает в себя следующие принципы самоценности возраста ребенка:

- Полнота реализации возможностей проживаемого ребенком возраста
- Опора на достижения предыдущего этапа развития
- Нацеленность на развитие в образовательном процессе в каждом возрасте в первую очередь фундаментальных способностей, обеспечивающих успешность обучения на следующей ступени образования

Начальная школа составляет важнейшее звено в системе среднего образования, поэтому в данном проекте делается акцент на особенности организации образовательного процесса в начальной школе.

- Изменение системы оценивания
- Организация разных форм детской и детско – взрослой совместности
- Изменение позиции учителя

Главный результат начального школьного образования – воспитание учебной самостоятельности как умения расширять свои знания, умения и способности по собственной инициативе. Усилия педагога должны быть направлены на формирование у детей разных видов деятельности:

Чему учиться? (рефлексивные действия)
Как научиться? (поисковые действия)

Следующим возрастным звеном в системе среднего образования является основная школа, где организация образовательного процесса также имеет свои особенности, а именно:

- Обеспечение условий для постепенного перехода от коллективно-распределенных форм учебной деятельности к ее индивидуальным формам, опирающимся на самостоятельную работу учащихся с различными источниками информации;
- Создание предпосылок для перехода к саморегуляции учебной деятельности на основе самоконтроля и самооценки ее содержания, способов и результатов. Определение индивидуальных траекторий самодвижения учащихся в образовательных областях;
- Предоставление учащимся возможности свободного выбора способов и источников информации для решения самостоятельно поставленных перед собой учебных задач в рамках индивидуальных форм учебной деятельности
- Проектная форма деятельности учащихся - система учебно-познавательных, познавательных действий школьников, направленных на самостоятельный поиск и решение нестандартных задач (или известных задач в новых условиях) с обязательным представлением результатов своих действий в виде проекта

Данный проект учитывает также и особенности образовательного процесса в завершающем звене общего среднего образования - в старшей школе. Здесь главной целью является формирование готовности к образовательному и профессиональному самоопределению, умение действовать активно и самостоятельно в соответствии со степенью индивидуальной ответственности за принимаемые решения. Это предполагает, что в организации учебного процесса присутствуют:

- Модульная или модульно-курсовая организация учебного материала
- Многообразие видов и форм организации деятельности учащихся: проектные, лабораторные работы, самостоятельная работа с различными базами данных, социальная практика, допрофессиональные пробы
- Проектная деятельность как основная форма организации учебной деятельности старшеклассников с выходом на получение социально-значимого результата и обязательным использованием средств информационных и информационно-коммуникационных технологий
- Индивидуальный учебный план и индивидуальная образовательная программа
- Накопительная система оценивания; внешняя экспертиза и сертификация образовательных достижений

С учетом важнейших требований данный проект предполагает в качестве результатов образования по ступеням школы следующие положения:
- В начальной школе основным результатом образования является формирование общеучебных навыков, обеспечивающих возможность продолжения образования в основной школе; воспитание умения учиться – способности самоорганизации с целью решения учебных задач.
- В основной школе главным результатом образования является формирование умений организации и программирования эффективной индивидуальной и коллективной деятельности, как учебной, так и социально-творческой; подготовка к осознанному и основанному на предметных знаниях выбору будущей образовательной траектории; приобретение знаний о мере своих прав и обязанностей.
- Старшая школа - завершающий этап общего образования – ставит своей целью подготовить выпускников к полноценному участию в жизни своего государства в форме продолжения образования и/или трудовой деятельности. Основой этой готовности является овладение основами наук и приобретение опыта программирования и осуществления целесообразной и результативной деятельности.

Данный проект предполагает изменения в профессиональной деятельности педагога. Смысл нового педагогического профессионализма заключается в способности педагога решать задачи общего развития детей своими педагогическими средствами, своим содержанием педагогической деятельности, адекватными для каждой ступени образования. Деятельность педагога должна быть направлена на:
- развитие – по сущности природы – созревание и рост
- развитие – по сущности социума – деятельность по формированию способов и средств целевой деятельности
- развитие – по сущности человека – саморазвитие как фундаментальная способность человека становится и быть подлинным субъектом собственной жизни

Предметом развития в новой модели образования являются:
- Индивидуальные способности человека
- Детско-взрослые общности и общество в целом
- Образовательные системы и педагогическая деятельность как социокультурная технология развития и человека, и общества.

Образование - всеобщая культурно-историческая форма, определяющая содержание и направленность процессов развития ребенка в онтогенезе
Развитие, имеющее культурную форму обучения, воспитания, формирования и др., именуется образовательным процессом. Аспекты новой модели образовательного процесса представлены в следующей таблице:

Образование как процесс	Психологический аспект	Педагогический аспект	Деятельностный аспект
Воспитание	Управление собственными потребностями	Специально организованный процесс оформления потребностей в цели	Самоопределение как принятие решения в конкретной ситуации
Обучение	Усвоение новой информации об окружающем мире и самом себе	Специально организованный процесс усвоения новой информации	Овладение критериями, нормами, правилами деятельности
Формирование	Выращивание собственных способностей	Специально организованный процесс выращивания способностей	Формирование способов деятельности

Главными основаниями постановки *целей педагогической деятельности* должны служить:

1. Анализ имеющихся потребностей и проблем, с одной стороны, и анализ личных возможностей, средств, ресурсов – с другой.
2. Цели должны быть актуальными, то есть отвечающими наиболее значимым проблемам.
3. Цели должны быть напряженными, но реальными, то есть находиться в зоне ближайшего развития школьников.
4. Цели должны быть сформулированы настолько конкретно (включая определение уровня желаемого результата и сроков его достижения), чтобы можно было четко определить, достигнуты ли они.
5. Цели должны иметь мотивирующий, стимулирующий, побуждающий характер.
6. Цели должны соответствовать базовым ценностям образовательной системы, ее миссии.
7. Цели совместной деятельности должны быть известны всем ее участникам, поняты и осознанно приняты ими, что требует специальной работы по коллективной выработке и согласованию целей.
8. Конкретные частные цели должны подчиняться более крупным и долгосрочным ориентирам и устремлениям.

Содержание образования представляет собой педагогически адаптированный социальный опыт человечества, этот опыт учитывается при составлении образовательного стандарта.

Образовательный стандарт включает в себя опыт познавательной деятельности и предполагает формирование у личности ребенка разных уровней индивидуальной деятельности с учетом способностей к творчеству и эмоциональных особенностей ребенка.

Начальным уровнем опыта познавательной деятельности является осуществление известных способов деятельности, связанной с *умением действовать по образцу*.

Другим направлением развития личности является создание условий для творчества, учет ценностных ориентаций личности ребенка и формирование его способностей *принимать решения в нестандартной ситуации.* Дидактической основой формирования этих видов деятельности является *учет межличностных эмоционально-ценностных отношений*.

Поэтому педагогическая технология предполагает следующие факторы:

- совокупность, специальный набор форм, методов, способов, приемов обучения и воспитательных средств, системно используемых в образовательном процессе, на основе декларируемых психолого-педагогических установок
- последовательная, взаимосвязанная система действий педагога, направленных на решение педагогических задач, или как планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса
- строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий
- учение о средствах, основаниях и способах решения задач и достижения определенных целей педагогической деятельности

Признаками новой педагогической технологии следует считать:

- Технология разрабатывается под конкретный педагогический замысел, в основе ее лежит определенная методологическая, философская позиция автора
- Технологическая цепочка педагогических действий, операций, коммуникаций выстраивается строго в соответствии с целевыми установками, имеющими форму конкретного ожидаемого результата
- Технология предусматривает взаимосвязанную деятельность учителя и учащихся на договорной основе с учетом принципов индивидуализации и дифференциации, оптимальной реализации человеческих и технических возможностей, диалогического общения
- Элементы педагогической технологии должны быть, с одной стороны, воспроизводимы любым учителем, а с другой - гарантировать достижение планируемых результатов (государственного стандарта) всеми школьниками
- Органической частью педагогической технологии являются диагностические процедуры, содержащие критерии, показатели и инструментарий измерения результатов деятельности

Типология технологических образовательных подходов может быть представлена в следующей таблице:

Подход	Главный результат	Тип обучения	Тип содержания образования
Когнитивно-ремесленный подход	Знания, умения, навыки	Ремесленный тип обучения - усвоение практических навыков и действий общекультурного или производственного характера	Предметно-дисциплинарный
Деятельностный подход	Формирование и освоение всеобщих способов мышления и деятельности	Развивающее обучение, основанное на структуре учебной деятельности	Деятельностное содержание образования, построенное как система учебных задач
Компетентностный подход	Компетентность как некоторая актуальная и уже оформленная способность эффективно действовать в разнообразных социальных и практических ситуациях	«Обучение путем делания», проектные формы обучения	Система образовательных компетентностей

Гуманитарно-антропологический	Развитие субъектности человека в жизни и деятельности и его личностной позиции во взаимоотношениях с другими	Обучение в режиме образовательных ситуаций	Антропологически ориентированное содержание как единство внешне заданного и внутренне формируемого

Образовательные стандарты нового поколения созданы на основе учета компетентностного подхода. Образовательная компетенция – *заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке*, выраженное в конкретной совокупности взаимосвязанных ориентаций, знаний, умений, навыков, реального опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности.
Компетентность – *владение, обладание учеником соответствующей компетентностью*, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности. В соответствии с традиционным разделением содержания образования на общее - для всех предметов, межпредметное - для цикла предметов и предметное - для каждого учебного предмета принято выделять следующие образовательные компетенции: ключевые (относятся к общему содержанию образования в целом), межпредметные (относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей), предметные (формируются в рамках конкретных учебных предметов).

В зависимости от технологических образовательных подходов строится проектирование образовательного процесса. В современной методике образования можно выделить следующие авторские виды проектирования:

Автор	Виды проектирования
Г.П.Щедровицкий	*Адаптация* к социальной среде и ее условиям
	Преобразование среды в соответствии с определенными ценностями, целями и убеждениями субъектов образовательной деятельности
В.И. Слободчиков	*Психолого-педагогическое проектирование* развивающих образовательных процессов в рамках определенного возрастного интервала, создающих условия становления человека подлинным субъектом собственной жизни и деятельности

	Социально-педагогическое проектирование образовательных институтов и развивающих образовательных сред, адекватных определенным видам образовательных процессов; а главное - адекватных традициям, укладу и перспективам развития конкретного региона России.
	Собственно *педагогическое проектирование* - как построение развивающей образовательной практики, образовательных программ и технологий, способов и средств педагогической деятельности.
И.А.Колесникова	*Социально-педагогическое проектирование*, направленное на изменение социальной среды или решение социальных проблем педагогическими средствами;
	Психолого-педагогическое проектирование, целью которого становится преобразование человека и межличностных отношений в рамках образовательных процессов
	Образовательное проектирование, ориентированное на проектирование качества образования и инновационные изменения образовательных систем и институтов

Педагогическое проектирование как особая технология профессиональной педагогической деятельности предусматривает:
- *Педагогическое* м*оделирование* - разработка обобщенного образца, модели как общей идеи создания нового педагогического объекта, и определение основных путей ее достижения. К педагогическим моделям относятся концепции развития учебных заведений и ученических объединений, уставы и положения учебных заведений, педагогические теории и т.д.
- *Педагогическое программирование* - дальнейшая разработка созданной модели и доведение ее до уровня практического использования. К продуктам программирования относятся учебные планы и учебные программы, методические рекомендации, планы воспитательной работы и т.д.
- *Педагогическое конструирование* - детализация проекта до базовых компонентов объектов, в том числе до конкретных действий реальных участников педагогических процессов. К педагогическим конструктам относятся: планы и конспекты уроков, сценарии внеклассных мероприятий, дидактические материалы, расписание и т.д.

Педагогический проект включает следующие этапы:
- *фаза проектирования*, результатом которой является построенная модель создаваемой педагогической (образовательной) системы и план ее реализации
- *технологическая фаза*, результатом которой является реализация системы

- *рефлексивная фаза*, результатом которой является оценка реализованной системы и определение необходимости либо ее дальнейшей коррекции, либо «запуска» нового проекта

Новые подходы к образовательному процессу предполагают изменения в организации и проведении современного урока.
Тенденции развития современного урока:
1. Переход от учебно-воспитательных мероприятий, выполняющих до сих пор функцию социального тренинга и административного надзора, к образовательным процессам, реализующим функцию развития родовых, возрастно-нормативных способностей, самостоятельной личности в целом
2. Переход от класса как группы рядом обучающихся школьников к учебному сообществу - группе детей и взрослых (учителя, ведущие разные предметы, родители, представители социума), объединяющихся для совместного решения следующих педагогических задачи:
- обеспечить каждому ребенку эмоциональную поддержку;
- мотивировать включение каждого учащегося в совместно-распределенную деятельность на принципах позитивной взаимозависимости и индивидуальной ответственности;
- предоставить условия для построения собственного действия на основе соотнесения своего мнения и разных точек зрения;
- создать область эффективно действующей зоны ближайшего развития.

В настоящее время в образовательном процессе используются различные виды организации уроков, как традиционные, так и современные в зависимости от подхода педагога к результатам образования. Можно выделить следующие виды уроков:

Урок – закрытая система
Технология: воспроизведение определенных стандартом эталонов и нормативов;
Структура:
Иерархическая, имеющая жесткую ориентацию на однозначное решение единой задачи
Результат образования:
Социальный функционер, эффективный исполнитель

Урок – открытая система
Технология:
Воспроизведение определенных стандартом эталонов и нормативов
Получение опыта творческой деятельности
Структура:
Иерархическая, с наличием каналов конструктивной обратной связи, основанных на принципах кооперации и сотрудничества.
Результат образования:

субъект учебной, социальной, профессиональной и личной жизнедеятельности, способной осуществлять целеполагание, планирование, контроль и оценку своих действий.

Урок – образовательное пространство
Технология:
Воспроизведение определенных стандартом эталонов и нормативов
Получение опыта творческой деятельности
Построение собственного знания
Структура:
Самоорганизующаяся система на основе компонентов человеческого "само": личностных смыслов, личной значимости творчества, открытости, интуиции, критичности, рефлексии, потребности в самоактуализации, инициативы, отклонений, случайностей, множественности вариантов нелинейного развития и т.д.
Результат образования:
Субъект собственной деятельности, способный не только реализовывать деятельность, но способный ее строить, преобразовывать, проектировать, исследовать, управлять ею, владеющий обратным, рефлексивным ходом (от целеполагания к выявлению и формированию новых ресурсов деятельности).

Можно выделить следующие содержательные аспекты проектирования урока:

- *Предметно-логический аспект* (логика развертывания учебного материала),
- *Структурно-деятельностный* (ситуации включения учащихся в учебную деятельность),
- *Организационно-коммуникативный аспект* (ситуации, в которых могут возникнуть необходимые формы общения: учитель - ученик, ученик - ученик, групповые, фронтальные формы).

С учетом современных подходов к образовательному процессу можно предложить такую структуру современного урока:

Этапы урока	Действия учителя	Действия учащихся
Выявление личного опыта и отношений учащихся касательно изучаемого объекта	Актуализирует индивидуальный опыт учащихся, вживается чувственно и мысленно в их состояние, выявляет их интересы в изучаемой области, их отношение к теме	Демонстрируют личный познавательный и житейский опыт по отношению к предстоящей теме, высказывают различные суждения относительно своих интересов к изучаемому предмету

Создание ситуации образовательной напряженности	Создает мотивационную ситуацию, обеспечивает личностную включенность каждого ученика в решение проблемы, создает необходимую образовательную среду	Осознают ситуацию, ставят цель деятельности, анализируют границы своих возможностей адекватно действовать в ситуации образовательной напряженности
Выполнение учебной работы	Сопровождает и консультирует в процессе создания учащимися собственных образовательных продуктов	Выполнение учебных заданий лично каждым учащимся (группой учащихся)
Демонстрация результатов учебной деятельности, систематизация образовательных продуктов учащихся	Организует обсуждение, дискуссию, сопоставляет мнение и результаты учащихся. Оказывает помощь в систематизации полученных результатов, их объединению в коллективный продукт.	Демонстрируют свои результаты, участвуют в обсуждении, переопределяют собственную образовательную продукцию с точки зрения ее места в общем результате
Работа с культурно-содержательной нормой	Вводит культурно-содержательную норму, обозначает свою позицию по отношению к изучаемой теме	Сопоставляют разные точки зрения и способы решений, самоопределяются по отношению к ним
Рефлексия	Организует индивидуальную и коллективную рефлексию деятельности. Фиксирует достигнутые результаты, оценивает их. Дает методологическую характеристику Деятельности как отдельных учеников, так и всего класса	Рефлексируют собственные действия в ситуации образовательной напряженности (Был ли достигнут первоначальный замысел? Какие изменения наблюдают в себе?)

Тулупова О.В.
Нижний Новгород, НИРО

Профессиональная педагогическая позиция современного учителя

Знамением нашего времени можно считать поворот системы образования от ориентации на прагматическое, рациональное знание к миру духовных исканий человеческих поколений. Насущная необходимость возвращения образованию его исторически сложившейся функции «образования» человека как формирования средствами культуры его духовного образа требует, прежде всего, осмысления, понимания, принятия каждым педагогом ценностей гуманизма, демократизации, свободы, творчества. Современная динамично развивающаяся школа требует новых учителей, глубоко владеющих психолого-педагогическими знаниями, понимающих особенности развития школьников, и одновременно являющихся профессионалами в других областях деятельности, способными помочь ребятам найти себя в будущем, стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми. Чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников, открытые ко всему новому учителя – ключевая особенность современной школы.

Учитель, воспитатель всегда были центральными фигурами в образовании. Необходимые изменения в образовании не могут происходить, если педагоги не будут стремиться совершенствовать свою профессиональную деятельность. Время и усилия, которые требуются, чтобы новые идеи и новые способы образования вошли в практику, в большой степени зависят от готовности и способности учителей, воспитателей изменять свою деятельность, осваивая новшества и становясь сотворцами новой практики.

В теории и методике современного профессионального педагогического образования фиксируется смещение исследовательского интереса с разработки описательно-нормативных моделей личности и деятельности специалиста, на основе которых формулировались требования к содержанию профессиональной деятельности учителя (профессиографический подход), к исследованию профессионального сознания и самосознания субъекта профессиональной педагогической деятельности - его ценностей, смысловых образований, рефлексии. Данная область исследований тесно связана с проблемами профессионально-позиционного самоопределения педагога, профессионального развития учителя как некоей этапности становления его профессиональной педагогической позиции.

В.И. Слободчиков определяет *позицию* как «наиболее целостную характеристику поведения значимого взрослого, свободно и ответственно определившего свое мировоззрение, принципы и поступки в пространстве детско-взрослой совместности»[13] В соответствии с разработанной им совместно с Г.А. Цукерман оригинальной типологией базовых педагогических позиций взрослого

[13] Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. – 2-е издание, переработанное и дополненное. Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005. С.136.

в детско-взрослой общности, собственная позиция педагога образуется из онтологического аспекта, включающего основания взаимосвязи жизнедеятельности взрослого и жизнедеятельности ребенка (исторически сложившиеся нормы, эталоны культуры или непосредственная жизненная ситуация), и процессуального аспекта, характеризующего исходные движущие силы развития детско-взрослой общности (собственная жизненная позиция взрослого или самобытность каждого ребенка).

Педагогическая позиция является особенной в том смысле, что она синтезирует и личностную позицию педагога, проявляемую во встрече взрослого и ребенка, и профессионально-деятельностную позицию, связанную с созданием условий для достижения целей образования и характеризующую видение им собственных педагогических функций, определяемое политическими, правовыми, моральными, религиозными, научными, эстетическими и другими убеждениями педагога.

Находясь в личностной позиции, педагог взаимодействует с воспитанником как с другим человеком, обладающим собственным уникальным субъектным опытом. Представление о ребенке как о личности, обладающей наряду с присущими всем людям качествами собственной уникальностью, которая в процессе воспитания может быть развита до присвоения нравственно-духовных ценностей как основы самозаконодательства, императива, определяющего самостоятельное, ответственное нравственное действие, выступает исходной антропологической предпосылкой профессиональной педагогической деятельности. Истинный воспитатель, - по мысли Иоганна Фридриха Гербарта (1776 – 1841), немецкого философа, психолога и педагога, по праву считающегося основателем научной педагогики, - тот, кто отправной точкой своей деятельности избирает индивидуальность воспитанника и направляет ее к достижению «единственной славы, к которой она восприимчива, именно славы быть резко очерченной и узнаваемой поразительным образом; свою же честь он полагает в том, что в человеке, который предоставлен его усмотрению, виден чистый и неискаженный отпечаток личности, семьи, происхождения и народности».[14]

Первый компонент педагогической позиции - «мудрец», мы, следуя терминологии В.И. Слободчикова, можем обозначить как «бытийную», ориентированную на непосредственную жизненную ситуацию, позицию, исходящую из признания неповторимости, уникальности каждого человека. Базовый педагогический процесс, соответствующий данной позиции – это «воспитание Всечеловеческого в человеке». Главная задача педагога, находящегося в этой позиции – помочь ребенку открыть в общечеловеческой сокровищнице духовно-нравственных ценностей, принадлежащей одновременно всем и никому в отдельности, богатство собственной души. В позиции «мудрец» воплощена идея высокого назначения учителя - носителя культуры, духовности, педагога-профессионала, сочетающего в себе широкий теоретический кругозор,

[14] Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении / Пер. А.В.Адольфа. М.: Изд. М. Л. Тихомирова, 1906. С.29.

внешнее обаяние, уникальный стиль педагогической деятельности («педагогический такт»).

Реализация главной воспитательной цели – обеспечение готовности подрастающего поколения к ответственному жизненному самоопределению зависит от решения вопроса о свободе педагогической практики. Так, И.Ф. Гербарт в разработанном им проекте альтернативной государственной школы особое внимание уделил новому видению позиции педагога, требуя предоставления учителям свободы педагогического творчества в рамках обязательств, накладываемых необходимостью развития человеческой уникальности каждого воспитанника до «стойкого нравственного характера», как основы его самопринятия, самоуважения и самоутверждения. Педагогу должны быть даны средства, которые делали бы его «полным хозяином в воспитании», так чтобы, не оказывая давления на душу воспитанника, он мог «заложить широкую и правильную духовную жизнь в питомца и обеспечить ему дальнейший самостоятельный рост, чтобы он везде умел находить себе духовную пищу и стимулы к деятельности».[15]

В одном из афоризмов «Об учителях» немецкий педагог писал: «Самое важное то, чтобы разнообразные педагогические таланты приносили как можно больше пользы в том, к чему они способны; а для этого необходимо предоставить им свободу действий».[16] Только «творческий дух», которому «искусство и наука обязаны своим происхождением и распространением», основанный, с одной стороны, на собственном многостороннем образовании, а с другой стороны, на собственном педагогическом мастерстве позволяет учителю передать свою любовь к преподаваемому предмету ученикам, посредством этого развивая их «духовную самодеятельность».

Второй – «культурный» компонент педагогической позиции – «учитель» соответствует педагогической функции вооружения детей культурными нормами, средствами, способами деятельности, в частности образовательной. Находясь в данной позиции, учитель решает задачу формирования у ребенка позиции учащего*ся* («учащего себя»), приобретения им «умения учиться», овладения способами учебных действий. Обладание этими способностями является основой постановки и решения воспитанником тех задач, которых не было в освоенном им опыте прежних поколений. Реализуя позицию «учитель», педагог превращает процесс учения для ученика в процесс самообучения: «приобретение познаний становится плодом самодеятельности самого ученика, его собственного умственного труда, роль же учителя сводится к тому, чтобы руководить процессом умственной работы ученика и таким образом обеспечить достижение правильных результатов».[17]

Педагогический процесс, ориентированный на овладение учащимися

---

[15] Там же.

[16] Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении / Пер. А.В. Адольфа. М.: Изд. М. Л.Тихомирова, 1906. С. 347.

[17] Запольский Н.Н. Теория и практика преподавания по учению гербартовской школы в педагогике // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1887. № 9. С.179.

культурой самообразования, организуется в дидактической форме, которая способствует постоянному обмену идей между учениками и учителем. «Такое обучение, - писал Ф.Ге, - посредством системы искусных расспросов учителя заставляющее ученика размышлять, ведет свое начало от Сократа и оказывает «неизмеримую помощь воспитанию» так как вносит порядок и ясность в данные внутреннего и внешнего опыта и содействует пробуждению различных форм интереса ко всем отраслям человеческой деятельности».[18] «Образованный человек, - утверждал И.Ф.Гербарт, - никогда не перестанет работать над зданием своих мыслей. Но, чтобы он мог всесторонне работать над ними, он должен получить образование во время своей юности. Образование должно дать ему, помимо элементов, еще способ и умение ими пользоваться».[19]

Уникальность позиции учителя как организатора образовательного процесса заключается в особой взаимосвязи ее «бытийного» и «культурного» компонентов («мудрец» и «учитель»). Признавая их равноценность в образовательном процессе, мы закрепляем приоритет за позицией «мудрец», как непосредственно относящейся к главной цели развивающего образования - формирование многосторонне и нравственно – образованного человека, готового к свободной и ответственной самореализации в обществе.

В современных документах, определяющих стратегические направления инновационной образовательной политики профессиональная педагогическая позиция трактуется как *миссия современного педагога*. Она включает несколько компонентов, без которых педагогическая деятельность лишается потенциала развития:

1. *Создание условий безопасности*. По утверждению В.И. Слободчикова, суть безопасного образования – это возможность сказать себе и другим: в рамках своего профессионализма я сделал все, чтобы охранить и обеспечить здоровье ребенка.[20] Основу безопасного образования составляет нормальное развитие субъективной реальности (непосредственное самобытие человека) в онтогенезе, т.е. формирование у воспитанника личностного способа жизни, предполагающего сознательный и ответственный выбор поведения на основе его ценностно-смыслового самоопределения. При этом в качестве нормы развития полагается то лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного человека при соответствующих условиях.

2. *Создание ситуаций развития*. Смысл нового педагогического профессионализма заключается в способности педагога решать задачи общего развития детей своими педагогическими средствами, своим содержанием педагогической деятельности, адекватными для каждой ступени образования. Ступень образования определяется как пространство развития базовых способностей растущего человека «здесь и теперь»; и где каждый возраст и смысл

---

[18] Ге Ф. История образования и воспитания / Пер. Первова. М.: (Тип. Русского тов-ва), 1912. С.387.

[19] Ге Ф. История образования и воспитания / Пер. Первова. М.: (Тип. Русского тов-ва), 1912. С.151-152.

[20] См. Учитель и ученик: возможность диалога и понимания. Том 2. / Под общ. ред. Л.И. Семиной. М.: Изд-во «Бонфи», 2002.

образовательных задач, решаемых в нем, определяется общим образовательным смыслом данной ступени образования (с психологической точки зрения - общим типом базовых способностей личности), реализуемым в данном образовательном институте. С точки зрения идеи антропологической педагогики, главным смыслом педагогической деятельности становится сегодня создание условий для развития ребенка «по сущности человека», формирования способности к саморазвитию как фундаментальной способности человека становиться и быть подлинным «хозяином», «автором» собственной жизни.

3. *Позитивное стимулирование, поддержка инициатив.* Инициатива представляет собой разновидность социальной активности, социального творчества, предпринимаемого лицом или группой. В моральном смысле инициатива характеризуется тем, что человек берет на себя большую меру ответственности, чем этого требует простое соблюдение общепринятых норм. Как личностное качество инициативность, означающая способность личности к самостоятельным общественным начинаниям, активности, предприимчивости, развивается в большей степени в подростковом возрасте, когда складываются способности к свободному мышлению и самостоятельности, а творческая деятельность, в том числе социальная, становится реальной личностной потребностью. При этом следует учитывать, что детская инициатива – это всегда инициатива взрослых, поддержанная ребятами, увлекшая ребят, а процесс воспитания инициативности, как специально организуемый и управляемый, должен строиться на основе сотрудничества, взаимного уважения и доверия взрослых и детей

4. *Обучение различным способам деятельности*. Исходным положением объяснения данного компонента миссии современного педагога выступает характеристика субъектности человека как деятельностной категории, входящей как сущностная составляющая в общую структуру деятельности. С этих позиций современный образовательный процесс должен рассматриваться как становление не просто активного, а деятельного, и даже более того, - самодеятельного существа, где впервые возникает вопрос об освоении всего универсума деятельности, во всех его планах, чтобы быть способным к проектированию, организации и управлению своей деятельностью, а значит - становиться подлинным субъектом собственной жизнедеятельности**.**

5. *Обучение жизненному проектированию*. Основная цель жизненного проектирования - сформировать личностный проект развития внутри сознательно выбранного жизненного пути (жизненной стратегии, программы, перспективы). Технология обучения жизненному проектированию предполагает: ознакомление с социальными ролями и смыслами жизни, считающимися успешными и неуспешными; выработку жизненной программы относительно социальных целей и задач внутри своей жизненной стратегии; овладение способами обеспечения личного роста и развития в любых условиях; формирование представлений об оптимальных личных отношениях. Реализация данной технологии в образовательном процессе есть индивидуальный маршрут личностного развития от целеполагания к целеопределению и затем к выявлению и формированию новых ресурсов самопреобразования и саморазвития.

6. *Организация учебного сотрудничества*. Переход от модели взаимодействия «конкуренция» - к модели взаимодействия «кооперация» является насущным требованием инновационного развития экономики и общества. Способность эффективно кооперироваться с другими людьми выступает сегодня неотъемлемой частью гражданского образования, подготовки к жизни в демократическом обществе. Педагогическая техника кооперации в обучении – один из важных инструментов воспитания полноправных граждан современной России. Высокая педагогическая эффективность учебного сотрудничества связана с тем, что оно позволяет обеспечить: более высокий уровень результативности и продуктивности образовательного процесса, формирование более дружественной, доброжелательной обстановки в классе, повышение самооценки и коммуникационной компетентности школьников и, в конечном итоге, сохранение психического здоровья учащихся.[21]

7. *Формирование потребности в рефлексии и самооценке*. Проблема организации и корректировки образовательной деятельности связана с успешностью ее осмысления. Ориентация на развитие личности в образовательных процессах означает организацию рефлексии учащихся, связанную с постановкой ими целей обучения, разработкой планов их достижения, осуществлением самоконтроля и самооценки процесса и результата своей деятельности. Без понимания способов своего учения, механизмов познания и мыследеятельности, учащиеся не смогут в полной мере присвоить те знания и умения, которые составляют содержание изучаемых ими предметов. Рефлексия помогает ученикам сформулировать получаемые результаты, переопределить цели дальнейшей работы, скорректировать свой образовательный путь. Если физические органы чувств для человека есть источник его внешнего опыта, то рефлексия - источник внутреннего опыта, способ самопознания и необходимый инструмент мышления.[22]

Превращение процесса образования в ценностно - и смысло-определенный образовательный процесс, в чем собственно и состоит антропологический пафос современного образования, не может совершиться само по себе, стихийным образом. Подобный переход возможен лишь на основе и с помощью специальной, целенаправленной проектно-преобразующей деятельности педагога, причем деятельности сообразной с адекватной деятельностью образуемого ребенка. Отправной точкой этого вида педагогической деятельности служит позиционное самоопределение педагога, выбор собственного способа «реализации базовых целей и ценностей личности в ее взаимоотношениях с другими», составляющего, по определению Н.Г.Алексеева, основу позиции.[23] Целью позиционного самоопределения педагога выступает достижение единства профессионального сознания и профессиональной деятельности, в котором педагогическая деятельность оказывается одним из способов реализации базовой ценности.

---

[21] Учитель и ученик: возможность диалога и понимания. Том 2. / Под общ. ред. Л.И. Семиной. М.: Изд-во «Бонфи», 2002. С. 216.

[22] Хуторской А.В. Современная дидактика: Учебник для вузов. СПб: Питер, 2001. С. 287.

[23] Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. 2-е издание, переработанное и дополненное. Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005. С. 195.

Педагогическая деятельность обеспечивает в полной мере реализацию целей и ценностей образования в обществе, если она рассматривается как искусство стимулирования и создания условий для саморазвития, самовоспитания, самообразования. Учитель, обладающий соответствующей педагогической позицией, призван, с одной стороны, помочь ребенку максимально раскрыть все стороны его индивидуальности (организация культурной среды, рациональной интеллектуальной деятельности). С другой стороны, он должен был профессионально готов к построению гуманных отношений с коллективом учащихся.

Е.В. Комарова, воспитатель высшей категории НОУРО «Православная гимназия г. Дзержинска»

Отмечаем РОЖДЕСТВО в гимназии

Рождество – один из самых светлых, ярких и желанных праздников в нашей жизни. Каждый ждёт от этого праздника чего-то необычного.

Вот педагоги нашей гимназии и решили отметить этот праздник тоже по особому, чтобы не было ни наблюдающих, ни добровольно-принуждённых к действию. При выборе сценария ориентировались на то, что проведение праздника попадает на Святки. А на Руси в эти дни принято было наряжаться в костюмы животных, т.к. существовало поверье, что в рождественскую неделю вся злая сила выходила из своих убежищ и начинала хулиганить. Проведение утренника пришлось ещё и на конец каникул, поэтому привлекать детей к репетициям, как это было всегда, показалось нам неудобным. И организаторы праздника, Комаровой Е.В. и Ерофеевой Е.А., не смотря на то, что все роли были в стихах, предложили их на себя взять... педагогам. И о, чудо! В нашем дружном коллективе все роли разошлись, как говорится, на «Ура!»

Все педагоги репетировали не считаясь со своим личным временем и занятостью с большим задором, каждый старался придать своему герою значимость и яркость характера. В это время казалось, что они сами стали детьми. Но какая яркость персонажа без костюма? Вот здесь и проявились у коллег таланты и дизайнера, и портного, и визажиста. Воспитатель 2 «Б» класса, Тутарова Н.А., создала костюм Лешего с дизайнерской шляпкой из шишек, веточек и мха. Неповторимую причёску для своей героини - Кикиморы сделала учитель 1 «А» класса Долганова Т.М. Учитель 1 «В» класса Мерзлякова Т.М. так воплотила в реальность образ своей героини – Бабы Яги, что не только дети, но и сотрудники не сразу узнали её. А воспитатель 3 «А» класса Комарова Е.В. смастерила костюм для Снеговика, которого превосходно сыграла воспитатель 1

«Б» класса – Вязгина С.М.. Роль Снегурочки в Рождественском представлении взяла на себя Старикова Ю.П. – учитель 2 «В» класса.

В то время, когда одни педагоги трудились над созданием сказочных персонажей, воспитатель 1 «В» класса Каракина О.В. кропотливо вечер за вечером наряжала елку и создавала сказочный мир в зале гимназии, где и проходило театрализованное представление.

Торжественность и глубину празднику придала мультимедийная установка, которой мастерски управляла Ерофеева Е.А. За подбор музыки для действующих лиц и конкурсов была ответственной О.Н. Наумова, хороводы, песни и частушки исполнялись под сопровождение музыкального руководителя – И.В. Натаровой.

Большой неожиданностью для ребят оказалось и то, что Дед Мороз был настоящий, а не Василий Владимирович (учитель по физкультуре), как они ожидали.

Изюминкой Рождественского представления была новая аппаратура – это зеркальный шар и светомузыка, которую купила администрация гимназии к этому празднику.

Яркость и ещё большую эмоциональность праздник получил от карнавальных костюмов детей, которые были изготовлены благодаря стараниям их родителей.

Ни один ребёнок не остался безучастным на этом празднике. Кроме рождественских подарков все ребята получили награждения за костюмы и участие в конкурсах. А новое решение – провести праздник по параллелям – сделал его по-домашнему тёплым.

Для учащихся 4 – 5 классов после театрализованного представления, при освещении новой установки была организована праздничная дискотека.

Вопреки всем переживаниям педагогов и благодаря их юношескому задору праздник получился замечательным! Этому свидетельствовали, как радостное настроение детей, так и восхищённые отзывы их родителей.

Сценарий праздника

Звучит торжественная музыка на новогоднюю тематику.

Настала снежная зима
И наступили холода,
Но греет сердце, как всегда,
Весёлый праздник Рождества.

Пришёл Спаситель в грешный мир,
И в небе яркая звезда
Путь освещает людям всем
Через века, через года.

И для чего нам унывать,
Когда добро сильнее зла.
Встречайте радостно, с душой
Наш светлый праздник Рождества!

Ведущий:

Рождество – один из самых великих и светлых праздников в нашей жизни. Не случайно его называют « матерью всех праздников». Ведь с рождением Иисусом Христа – сына Божиего, Спасителя мира – начинается его земная жизнь, страдания, смерть и воскресение во имя людей.

Рождество на Руси всегда праздновали весело и радостно. Украшали дома и улицы. Наряжали всей семьёй ёлочку, которая стала символом обновления новой жизни. Верхушку каждой ёлочки обязательно украшала звезда, как предвестница Рождества. Игрушки старались изготовить яркими, красивыми. Вешали на ёлку конфеты, пряники, орехи. В радостном предвкушении праздника все готовили друг другу подарки,
Различные сладости и угощения. 6 января, в Сочельник, заканчивался рождественский пост, никто не садился за стол до появления первой звезды. Первая вечерняя звезда возвещала о рождении Иисуса Христа.

На Рождество было принято ходить в гости. Маленькие девочки и мальчики ходили по дворам, от дома к дому и устраивали представления – шутили, пели песни, прославляющие Христа, поздравляли хозяев с праздником. Хозяева должны были пригласить певцов в дом , угостить их и щедро наградить. Не принять христославов считалось грехом – нарушением божиих заповедей. Этот обычай назвался колядованием, а песни – колядками.

Выходят колядующие с исполнением колядок. Их одаривают.

Звучит игривая музыка на новогоднюю тематику.

Ах, мало времени осталось
Раскроем занавес – вуаль
И задержав едва волненье

Войдём в мир сказок и чудес,
Ведь перед нами на мгновенье
Раздвинул ветви зимний лес!
В него мы входим без опаски.
Пусть где - то кружится метель
И вот полянка, словно в сказке,
А посреди большая ель!
(*раскрывается занавес)*
Стройна, нарядна, просто диво!
И всех к себе она зовёт.
Но неспроста ведь нынче праздник
Весёлый праздник – Рождество!
Тише, тише, не шумите.
Свои ушки навострите.
Сквозь глубокие снега
Кто – то к нам идёт сюда.
Шуба, шапка, красный нос
Может это Дед Мороз?

(начинает крутиться зеркальный шар и звучит фонограмма «Метель»)

И в лесу вдруг стало вьюжно.
Позовём его мы дружно:
Дедушка Мороз! Дедушка Мороз!

Выходит Дед Мороз (один)

Здравствуйте, мои родные, маленькие и большие!
Торопился в гости к вам по нехоженым полям.
По сугробам, сквозь метели кони резвые летели!
Оказался в самый раз я на празднике у вас!
Видеть всех я очень рад, как и целый год назад!

Снеговик:

Дед Мороз, Дед Мороз, Кощей Снегурочку унёс.
Мы на праздник торопились, со своей дороги сбились.
Забрели в дремучий лес, полный сказок и чудес.
Вдруг метель, и в этот раз, налетел Кощей на нас.
Он Снегурочку схватил в лес дремучий утащил.
Весь устал я и продрог, отыскать её не смог.

Дед Мороз:

Что же делать? Как нам быть? Как нам праздник проводить?
Дети к ёлке собрались. Ну, Бессмертный, берегись.
Злой, бессовестный проказник, не сорвать тебе наш праздник.
Не укроешься нигде! Мы найдём тебя везде!
Хоть за тридевять земель, мы сквозь вьюгу и метель
Отправимся в дорогу, к твоему идём чертогу.

Дед Мороз и Снеговик собираются уйти. Вдруг появляются Кикимора и Леший и распевают на ходу.

Кикимора:
Тили – тили, тили – бом.
Леший:
Мы на праздник к вам идём!
Дед Мороз:
Это что ещё за чудо? Вы куда или откуда?
Кикимора:
Мы идём куда хотим и ответ вам не дадим.
Леший:
Мы идём своей дорогой, так что нас, старик, не трогай.
Снеговик:
Не старик, а Дед Мороз.
Отвечайте на вопрос: «Вы Кощею помогали и Снегурочку украли?
Так что вам не отвертеться. Зададим сейчас вам перца!»
Дед Мороз:
Помогали? Вот те на! Ах, болотная шпана!
Это так вам не пройдёт. Превращу вас в звонкий лёд
Или в два больших сугроба – пострадаете вы оба.
Леший:
На испуг нас не возьмёте, м и так живём в болоте.
Кикимора:
Так что по лбу или в лоб, нам чихать на ваш сугроб.
Дед Мороз:
Не боитесь меня значит? Мы заставим вас сказать,
Где Кощей Снегурку прячет. Хватит в прятки – то играть.
Кикимора:
Кстати, может поиграем? Может спляшем и споём?
Мы дорогу вам укажем, если конкурс проведём!
Конкурс №1:
«Меткий стрелок» (*командная)*
Леший:
Мы с подружкою вдвоём и танцуем, и поём.
А ну- ка, все вместе уши развесьте!
Кикимора и Леший поют частушки:
Леший:
На сугробе я сидел,
Во все стороны глядел.
Я сегодня грустный –
Жаль, что снег не вкусный.
Кикимора:
Что ж ты, Леший, натворил,
Снег не глядя проглотил.
Как бы после не жалеть –
Горло может заболеть.
Леший:

Я катался на пруду,
Оглянулся на ходу.
Треснул лёд, сломался,
Весь я испугался.
Кикимора:
Что б кататься, мой дружок,
Есть для этого каток,
И запомни наперёд –
Не ходи на тонкий лёд.
Леший:
Бабу снежную лепил,
Руки только застудил.
Пальцы не шевелятся,
Что же это деется?
Кикимора:
Леший, Леший вот чудак,
Разве делается так?
Что бы снег руками брать
Надо варежки связать.
Леший:
Я собрался съездить в гости.
Как остались целы кости?
Сани на бок и в сугроб,
В синяках теперь весь лоб.
Кикимора:
Горемыка, вот беда!
Будь внимательным всегда.
По дороге не зевай,
Все преграды объезжай.
Леший:
Мы – то пели, но сейчас мы хотим послушать вас.
Дед Мороз:
Что бы внучку раздобыть, значит так тому и быть.
И хоть петь я не привык, пособи мне, Снеговик.
Снеговик:
Всем известно детвора – на все руки мастера!
Кто желает выходите, нам немного помогите.
Конкурс №2:
«Частушки»
Кикимора:
Вы все были молодцом, не упали в грязь лицом!
Леший:
Что ж укажем мы вам путь, только он не близок. Жуть!
Чтоб к Кощею – то добраться, надо вам сперва размяться.
Кикимора:

Есть пара валенок у нас – скороходы первый класс!
Хоть один из них надень – будешь бегать целый день.

Конкурс №3:

«Эстафета с валенками»

Кикимора:

Знать была разминка впрок, если даже Леший взмок!

Леший:

Ладно, ладно, так и быть, рад м вам услужить.
Путь лежит ваш через чащи, где зверьё и темнота.
Змей – Горыныч настоящий охраняет те места.
Если вы пропасть хотите, то без нас туда идите.

Кикимора:

Или, так вам невтерпёж пропадайте ни за грош.

(начинает крутиться зеркальный шар и звучит фонограмма «Метель»)

Дед Мороз:

Задержались мы немного, а теперь нас ждёт дорога.
Через дикий бурелом в царство лютое пойдём.

Снеговик:

А чтоб не было нам скучно, песню зимнюю споём.

Снеговик, Дед Мороз и дети поют в хороводе рождественскую песню

Игра №1:

«Голоса животных»

Влетает на метле Баба Яга:

Берегись! Берегись! Везделёт, остановись!
Что за сборище у вас в неурочный час?
Я к Кощею пролетала, вас случайно увидала.

Дед Мороз:

Ты к Кощею? В самый раз. Проводи к нему и нас.

Баба Яга:

Тише, тише. Оглушили. Чуть старуху не убили.
И с чего вы в самом деле на старуху налетели?
Голос мой и так простужен.
Для чего Кощей вам нужен?

Снеговик:

Он Снегурочку украл, чуть наш праздник не сорвал.

Баба Яга:

Да, весёленькое дело. Ладно, дальше полетела.

Дед Мороз хватает её за метлу.

Дед Мороз:

Ну- ка, стой, не уходи. Нам дорогу покажи.
А иначе не пойдёт.

Баба Яга:

Отпусти мой вездолёт. Трачу время я напрасно.
Ладно уж, на всё согласна. Отпираться не умею.
Покажу вам путь к Кощею.

Но вначале испытанье – проведём соревнованье.
Кто быстрее на метёлке пробежится вокруг ёлки.
Конкурс №5:
«Кто быстрее»
Баба Яга:
Обманули, провели и поддаться не могли…
Снеговик:
Проиграла, будь добра путь к Кощею показать,
А то нам уже праздник пора начинать.
Баба Яга:
Даже не подумаю, дайте мне метлу мою.
Лучше песню вам спою я про молодость свою.
«Во саду ли, в огороде…»
Ой, слова забыла вроде.
Извиняюсь, вот они.
Снеговик:
Бабка, время не тяни.
Баба Яга:
Вот, бесстыжий, вот нахал! Где ты бабку увидал?
Я моложе всех вас вместе. Мне к обеду будет двести.
Забодай тебя лишай. Отойди и не мешай.
Выйду, выйду я плясать
В новеньких ботинках,
Все в округе говорят,
Что я как картинка.
На мне новый сарафан,
Ни одной заплатки!
А у вас наряды есть,
Милые, ребятки?
Дед Мороз:
Попрошу взглянуть тебя я теперь вокруг себя.
Разве ты не замечала, что детей у нас не мало?
Кого хочешь встретишь тут.
Баба Яга:
Дайте мне на вас взглянуть.
В самом деле! Ай, ай, ай, кого хочешь, выбирай!
Все костюмы хороши! Постарались от души!
Конкурс №6:
«Презентация костюмов»
Баба Яга:
Настоящий карнавал! Даже лес нарядней стал!
Нет Снегурки, но зато вы к представлению готовы.
И теперь сомненья прочь, я согласна вам помочь.
Все дорогою лесной дружно следуйте за мной.
(начинает крутиться зеркальный шар и звучит фонограмма «Метель»)

Баба Яга улетает на своей метле.
Дед Мороз:
Далека была дорога, отдохнуть бы нам немного.
Входят Кикимора и Леший. Дед Мороз и Снеговик их не замечают.
Леший:
Посмотри, не заблудились?
Сели, видно притомились.
Кикимора:
Время лишнее не трать.
Может будто их не знаем, а возьмём и напугаем?
Но тут их замечает Снеговик.

Снеговик:
Эй, нечистая вы сила!
Леший:
Где же вас так долго носило?
Мы давно уж тут как тут,
Ну, а вас сюда не ждут.
Дед Мороз:
Приглашений мы не ждём. Нужно будет – так войдём.
Кикимора:
Нет, порядок есть порядок. Вот вам несколько загадок.
Отгадаете – вперёд проходи, честной народ.
Ну, а если нет – прощайте, лихом нас не поминайте.
Снеговик:
Но смотрите, чтоб опять, Леший, вам не прогадать.
Леший:
Не боись, не прогадаем. Мы такие шутки знаем!
Кикимора:
Зимой и летом одним цветом. (Ель)
Без стука, без звука в дом входит. (Холод)
Леший:
Кто зимой голодный ходит злой, голодный? (Волк)
И свистит и бьёт, а драться с ней нельзя. (Метель)
Дед Мороз:
Мы то ваши отгадали, ну, а наши вы – едва ли!
Конкурс №7:
«Загадки о зиме, снеге, зимних забавах, зимних праздниках»
Леший и Кикимора проигрывают.
Леший:
Намудрили. Намудрили.
Снеговик:
А мы что вам говорили?
(начинает крутиться зеркальный шар и звучит фонограмма «Метель»)
Кикимора:

Ну, а нам - то всё одно. Вас не пустим всё равно.
Дед Мороз и Снеговик пытаются пройти. Нечисть их задерживает. Появляется Кощей.
Кощей:
Что за шум, а драки нет?
А, пожаловал сам дед. Ну, здорово, старый пень.
Где мотался целый день? Думал раньше ты придёшь.
Дед Мороз:
Разве путь к тебе найдёшь?
Так запутываете, бесы, не найти его до смерти.
Кощей:
А ко мне зачем пришёл?
Дед Мороз:
Ты Снегурочку увёл?

Кощей:
Может я, а может нет. Хочешь дельный дам совет?
Дед Мороз:
Обойдёмся без совета. Твоя песня уже спета.
Ты, бессовестный злодей, крадёшь праздник у детей.
Кощей:
Налетели, накричали. Хоть бы «Здравствуйте» сказали.
Некультурные вы видно.
Снеговик:
Да тебе должно быть стыдно.
Во дворце своём живёшь, радость детскую крадёшь.
Кощей:
Жил я мирно до сих пор, а тут на тебе и вор.
Сами праздники встречают, а меня не приглашают.
Я Снегурочку украл, чтобы свой устроить бал.
Дед Мороз:
Ты украл, а всё без толку. Лучше шёл бы к нам на ёлку.
Очень весело у нас! Есть и музыка и пляс!
Кощей:
Я готов. Куда идти?
Дед Мороз:
Сперва внучку отпусти.
Хоть дворец твой разнесём, а без внучки не уйдём.
Кощей:
Вот пристали, кость вам в бок, словно требуют оброк.
Разошлись – ка, погляди. Ладно, Леший, приведи.
Леший и Кикимора выводят «Снегурочку»
Кощей:
Забирайте, вот она. Нам она больше не нужна.
Дед Мороз подходит к «Снегурочке» и снимает с неё накидку. А там Баба Яга.

Кощей:
А вот и я - красавица которая всем нравится.
Может поиграем?
Игра №2
«Снежки»
Выбегает Снегурочка и прямо к Деду Морозу
Дед Мороз:
Вот она, моя родная, моя внучка дорогая!
Отправляться в путь пора, заждалась нас детвора.
Кощей:
Во дворце моём измена! Кто выпустил её из плена?
Кощей набрасывается на Лешего и Кикимору, они отворачиваются от него.
Кикимора:
Трали – вали, тили – бом…
Леший:
Мы здесь вовсе не причём.
Снегурочка:
Здравствуй, Дедушка Мороз!
Злой кощей меня унёс. Бал хотел устроить, вроде, но теперь я на свободе!
Ох, как много ребятишек – и девчонок и мальчишек!
Дед Мороз:
Ель зелёная в лесу выросла во всю красу,
Но зима опять и вот, ель пришла на Рождество!
Вмиг преобразилась – в бусы нарядилась!
В яркие игрушки, шарики, хлопушки! Удивительно!
На ней не хватает лишь огней.
Ну – ка, вместе раз – два – три – скажем: «Елочка, гори!»
Ёлочка зажигается огнями.
Снегурочка:
Дедушка Мороз, ребята стихи рождественские знают, их сейчас нам прочитают.
Дети читают стихи.
Снегурочка:
Старый год окончен, здравствуй, новый год!
Много дней счастливых вас, ребята ждёт!
А со старым годом пусть умчатся вдаль серые невзгоды, горе, да печаль.
Снеговик:
Есть ещё игра для вас, мы начнём её сейчас.
Игра №3
«Заморожу»
Леший:
Вы простите нас, ребята.
Кикимор:
Что вели себя мы плохо.
Кощей:
Уж не будем больше лгать и Снегурку воровать.

Баба Яга:

Пригласите нас в кружок поиграть с вами чуток.

Свободная пляска всех ребят с героями праздника

Дед Мороз:

И над этим хороводом говор, песни, звонкий смех…
Поздравляю с Рождеством! С новым счастьем сразу всех!
Всех бы обнял вас сегодня, да не хватит рук моих!
К яркой ёлке новогодней я зову друзей своих!

Вручение подарков

Становитесь – ка, ребята, поскорее в хоровод.
Песней, пляской и весельем встретим с вами новый год!

Хоровод
«Маленькой ёлочке»

О.В. Лушина
Директор НОУРО
«Православная гимназия
г. Дзержинска»

ТЕМА: «Возрадуйся, Христос родился!»
(занятие, посвященное Рождеству Христову)

Тип занятия – игра-путешествие.
Оборудование: карты Палестины, Иерусалима и Вифлеема, проигрыватель аудиодисков, мультимедийная установка или интерактивная доска, компас, подготовленные карточки, в кабинете маленькая елочка, украшенная конфетами, (набор из Иерусалима – масло, ладан, земля, вода из Иордана), аудиозапись «Чудесная лампада» - архимандрит Тихон (Затекин) отрывок из книги Шмелева «Лето Господне», фотогалерея «Вифлеем- Храм Рождества Христова,» альбом с библейскими сюжетами (из наглядных пособий по ОПК), маршрутная карта путешествия, фигурки серого и коричневого осликов на магнитиках, символические фишки в виде вифлеемских звездочек за ответы на дополнительные вопросы.
Гости: гимназический вокальный ансамбль «ЛИК» (можно использовать запись песнопений)
ЦЕЛЬ: обобщить знания о празднике Рождества Христова.
ЗАДАЧИ:
1. обучающие:
- обобщить знания детей о Рождестве Христовом: событиях, смысле праздника, традициях;
- помочь детям осознать историческую реальность библейских событий;
- формировать умение работать в группе;
2. развивающие:
- развивать способность анализировать и обобщать,
-мышление и познавательный интерес;
3. воспитательные:
- воспитывать уважительное отношение к традициям празднования Рождества в России,
- воспитывать доброжелательное отношение друг к другу, готовность сотрудничать;
- воспитывать доброту, отзывчивость, стремление помочь;
- создать ситуацию осознания детьми радости доброделания;
- формировать самостоятельность, активность в процессе совместной деятельности.

ХОД ЗАНЯТИЯ:

I**. Организационный момент**. (музыка: звон колоколов).
- Разрешите задать вам вопрос: вы любите путешествовать? Каким образом, на чем?
- Предлагаю вам отправиться в путешествие, согласны?
А куда мы отправимся – угадайте:
Где родился наш Спаситель, место то известно всем
Так скорее назовите.
Это город ……. (Вифлеем).

Верно, отправляемся в далекую Палестину, город Вифлеем, к Рождественскому вертепу. Как же мы будем путешествовать?

Вспомните, каким образом совершали путешествие в библейские времена? (на ослике, муле, верблюде, на коне – только богатые люди).

Мы с вами отправимся путешествовать на ослике, как когда – то Пресвятая Дева Мария и старец Иосиф. Путь будет нелегким. Чтобы достичь Рождественского вертепа, кстати, почему он так называется?

(на старославянском языке пещера называлась «вертеп»).

- Верно. Итак, чтобы его достичь, необходимо преодолеть немало препятствий. Вся дорога разделена на участки – задания, выполняя которые, шаг за шагом мы будем продвигаться к намеченной цели. Если с каким – то заданием не справитесь, надо будет приложить дополнительные усилия – ответить на дополнительный вопрос, и только после этого можно будет двигаться дальше. По дороге мы вспомним подробности величайшего события в истории человечества – Рождества Христова, традиции его празднования на Руси; порассуждаем, почему для нас лично Рождество Христово так дорого, радостно и значимо. Да только в гости, тем более на День рождения, не принято ходить без подарка. Как же нам быть?

(Что же мы сможем принести в дар к Рождеству?)

- Конечно, поэтому, самое главное в нашем путешествии – понять, что же мы сможем принести в дар Младенцу Христу. Словом, мы с вами несколько занятий готовились к этому путешествию, и теперь смело можем отправляться в дорогу. А что нам поможет все преодолеть?

(знания, дружба).

- Как легче путешествовать: в одиночку или с друзьями? Почему?

(с друзьями радостней, интереснее).

- Верно. Путешествовать в одиночку трудно, поэтому мы будем двигаться командами.

Состав команд тот же, что и на прошлом занятии

(группы определены заранее)

А сейчас, внимательно прослушайте правила игры.

Каждая будет двигаться на своем ослике: 1я – на сером; 2я – на коричневом. Правила успешной работы в группе вы уже знаете, назовите их (дети перечисляют). В конце занятия вы оцените успешность работы вашей команды по перечисленным критериям.

- Итак, цель путешествия знаем?

Средство передвижения есть? Каким образом будем путешествовать понятно? Тогда, как говорится, с Богом, в путь.

II. Основная часть. Работа в группах.

1. Работа с картой.

- Скажите, пожалуйста, как называется город, в котором жили Пресвятая Дева Мария и старец Иосиф, который заботился о ней? (Назарет).

- Верно. А город рождения Иисуса Христа? (Вифлеем)

Сейчас каждая команда получит карту Палестины. Вам необходимо найти города Назарет и Вифлеем, а также ответить на вопрос:
1 – ой команде: почему Дева Мария и праведный Иосиф, живя в Назарете, на момент рождения Спасителя оказались в Вифлееме;
2-ой команде: определить с помощью подсказки, которая есть на карте, в какой части страны – на севере, юге, западе или востоке находятся Назарет и Вифлеем и назвать имя действительно существовавшего исторического лица, с которым связано путешествие Девы Марии и Иосифа в Вифлеем.
Обсуждаете вместе, выбираете представителя команды, который будет отвечать (дети обсуждают).
- Выйдите представители команд (дети по карте Палестины города, отвечают, что Назарет находится на севере Палестины, Вифлеем – на юге).
- Как определили? (по компасу).
- Таким образом, в своем путешествии они пересекли практически почти всю страну с севера на юг. Зачем же они это сделали, совершили такое тяжелое опасное путешествие? (дополнительные фишки за ответы).
- Как считаете, мы справились с заданием - первым участком пути?
- Значит, первую часть пути мы уже преодолели (передвинуть осликов на одно деление).

2. Работа с карточками.
Я немного дополню ваш ответ. Действительно, Палестина находилась в то время под властью Рима, Римская империя владела половиной мира (показать по карте). Поэтому евреи там ждали Христа, Всемогущего Царя, предсказанного пророками за много столетий до Его рождения. Неслучайно имя Христос означает?.. Спаситель). Да, Спаситель. К сожалению, многие ждали Спасителя как грозного освободителя и завоевателя, который займет место Римского императора, и подчинит Израилю весь мир. Им не нужен был кроткий и милосердный Христос, потому и произошла затем величайшая трагедия - распятие Христа. А в действительности, от чего пришел спасти Христос и чему научить людей, а значит и нас с вами?
(от зла, бед, смерти, научить добру, любви друг к другу, прощению).
- И не только научить, на примере собственной жизни Иисус Христос показал, каким должен быть человек, к чему он призван, каким высоким достоинством наделен. Именно для этого Великий, Всемогущий Бог принял на себя образ маленького, беспомощного Младенца, стал человеком, чтобы на понятном нам человеческом языке открыть эти истины, призвать к Любви и Добру как источнику нашего счастья. Он родился и для нас с вами.
- Поэтому вместе с Его Матерью Девой Марией и приемным отцом Иосифом мы прошли путь от Назарета до Вифлеема, путь этот был трудным и опасным не только потому, что длился три дня и шли они по плохим горным дорогам, но и из-за того, что в те времена было много разбойников в горах. Представьте, в каком состоянии они добрались до Вифлеема?! Как им хотелось найти приют и отдохнуть?! Почему же они оказались в пещере?
(было холодно, все места в гостиницах города заняты…)

- А еще потому, что никто не посочувствовал, не захотел помочь старому, покрытому дорожной пылью человеку и Той, которая вот – вот должна была родить. На месте этих людей оказываемся и мы сейчас, когда Христос стучится в наши сердца, просит помочь людям, а мы равнодушно отворачиваемся, тем самым закрываем перед Ним двери своего сердца, не пускаем Его.
- А сейчас вспомним, что же случилось после того, как Пресвятая Дева Мария и старец Иосиф приютились в пещере? Для этого вы получите карточки, где описаны библейские события и есть пропущенные слова. Вам необходимо составить эти отрывки по историческому порядку происходивших событий, вписать пропущенные слова.
(Работают с карточками)
От команды выберите 1 человека, который выразительно прочитает предложенный вам библейский сюжет о рождении Богомладенца.
(дополнительный вопрос)
Почему первыми о рождении Христа узнали бедные, простые люди?
А сейчас посмотрите на эти изображения (показываем из альбома иллюстрации волхвов и фотографию вифлеемской звезды.)
- Как они связаны друг с другом?
- Они ехали с пустыми руками? (с дарами).
- Какими? (золото – как Царю, ладан – как Богу, смирну - как человеку).
- Посмотрите, как выглядит ладан, и ощутите его благоухание (показать ладан детям).
- Ребята, хочу вас удивить – эти дары волхвов сохранились до сих пор! Золото – 28 небольших пластин разной формы с тончайшим орнаментом, который ни разу не повторяется, ладан и смирна в виде небольших шариков, их около 70. Хранятся они в монастыре Святого Павла на горе Афон в Греции. Их выносят верующим для поклонения, и от них до сих пор исходит удивительное благоухание.

Можно считать, что эту часть мы пути преодолели? (передвинуть осликов).

А сейчас посмотрите фотогалерею Вифлеема Храма Рождества Христова, где весной этого года в составе делегации от Нижегородской Епархии была и я. (просмотр слайдов)
4. А теперь, я думаю, вам несложно будет ответить на вопросы.
1я команда - Почему в этом храме (Храме Рождества Христова) такие низкие двери? Как они называются?
(врата смирения). .
-2я команда: Что сохранилось, кроме самой пещеры?
(место рождения Христа, ясли).
- Что ж мы хорошо потрудились на этом участке пути и преодолели его (передвинуть осликов), таким образом, половина дороги уже позади и можно подвести небольшой итог.
Сын Божий не случайно родился на земле не в богатом роскошном дворце, как подобает Великому Царю, а избрал для своего рождения вертеп и ясли. Вместо

царедворцев Его окружали простые и добрые пастухи. Как думаете, почему? (Он не захотел быть похожим на земных царей, которые силой заставляют своих подданных повиноваться, не хотел, чтобы подчинялись Ему, видя славу и величие. Христос хотел, чтобы люди последовали вслед за Ним потому, что полюбили всем сердцем. Также показал этим, что не богатство и слава составляют истинное счастье человека, а любовь к Богу и друг другу).

Поэтому Рождество Христово – удивительный праздник, очень светлый, добрый и радостный. Его начали встречать еще Апостолы. Кто они? (ученики Христа). Верно. А на Руси с какого года начали его праздновать, сможете допредположить? (с 988г - момента Крещения Руси). Да, с 988г. от Рождества Христова (на доске табличка «988г. от Р.Х»). Почему я так сказала – от Рождества Христова? (Потому что Рождение Спасителя – Сына Божия было таким великим событием для всего человечества, что даже года стали считать по – новому, ввели новое летоисчисление).

- Время до рождения Христа называют теперь - до нашей эры, после – наша эра. А по православному – эра Христа или христианства, время новой жизни с Богом, Нового Завета с ним – Завета Любви. Поэтому для христиан Рождество Христово – 2й по значимости праздник после Пасхи. На Руси его встречали всегда радостно, с русским размахом, с множеством замечательных традиций.

III. Физ. минутка.

Предлагаю их вспомнить. Для этого устроим привал, ведь путь был нелегким – вы устали. Отдохнем и поиграем. Отодвиньтесь от столов, чтобы можно было свободно двигаться. Игра проста – если традиция, которую называю, относится к Рождеству – надо встать, хлопнуть над головой и сказать «Да». Если такого в Рождество не бывает или не должно быть – останьтесь сидеть и скажите «Нет». Готовы?

- Как мы Рождество встречаем:

Кто – что знает – отвечает.

- Ходят в гости друг к другу с поздравлениями

(да)

- Дарят подарки

(да)

- Христославы со звездой ходят по домам, славят Христа и поют колядки, да? (да)
- Красят яйца, да?

(нет)

- Говорят друг другу гадкие слова, да?

(нет)

- Покрывают стол сеном, да?

(да)

- В сочельник не едят до первой звезды, да?

(да)

- В рождественскую ночь приходят в Храм, молиться, да?

(да)

- Пекут куличи, да?

(нет)

- Наряжают елку, да?
(да)
- Украшают ее звездой, да?
(да)
- Выпускают птичек на свободу, да?
(нет)
- Ходят по городам с вертепом – ящиками для кукол и показывают Рождественскую историю, да?
(да)
- Освящают воду в водоемах, да?
(нет)
- В Святки навещают больных, бедных, одиноких, да?
(да)
- Молодцы, хорошо, с пользой отдохнули и можем двигаться дальше.

IV.Прослушивание и обсуждение отрывка из книги Шмелева «Лето Господне» - …накануне Рождества….(запись из аудио-сборника архимандрита Тихона (Затекина) «Чудесная лампада»

А что же такое Святки, когда они начинаются и сколько длятся?
- Святки – святые дни. А это значит, что наши предки старались проводить их свято. Как это понимаете? (без ссор, зла, обид, в добрых делах).
- Да, все старались сделать как можно больше добрых дел и тем самым принести свой дар Младенцу Христа.
- Действительно, по благочестивой традиции русские государи любили ознаменовать все великие праздники делами благотворения. Совершали тайные царские выходы с раздачей милостыни, в царском дворце ставились праздничные столы для бедных и сирых. Также раздавалось щедрою рукою беднякам царское жалованье. Другие состоятельные люди ходили в больницы, тюрьмы, сиротские дома, чтобы и туда принести радость Рождества Христова.
- Будем возрождать традиции благотворительности, то есть добрых дел?
(да)
- Я рада за вас, ребята. Вы преодолели и эту часть пути, можно двигаться дальше (передвинуть осликов).

До намеченной цели осталось совсем немного, но зато самое главное – подумать, а как же мы должны встретить Рождество Христово? Что принести в дар Младенцу Христу? Что для Него наиболее дорого?

V. Чтение, обсуждение домашних сочинений.

Вы написали домашнее сочинение на тему «Сердце Рождество ждет», я зачитаю некоторые отрывки, и вы подумайте можно ли то, о чем вы пишите, считать подарком Спасителю? (зачитывание выборочных отрывков, где говорится о милосердии, любви, добрых делах).

VI. Итог занятия.

На слайде надпись: «Доброе сердце – подарок Христу».
Да, ребята, я согласна с вашими размышлениями. Недаром говорится, прочитаем вместе: «Доброе сердце – подарок Христу». И это для Него самое важное, самое

дорогое: простить, если вас обидели – это дар Христу; сдержаться от плохого поступка – и это дар Христу; увидеть нуждающегося и помочь ему – дар Христу; быть друг другу доброжелательными – тоже дар Христу.
Я рада, что вы это поняли, а значит, цели своей мы достигли (передвинуть осликов к пещере). Остается лишь обсудить в группах, как вы сегодня трудились, насколько успешным было ваше путешествие. Правила перед вами, обсуждайте. (обсуждают, выступают).
(Карточка «Правила работы группы учащихся»
1. умение внимательно слушать друг друга.
2. уважать чужое мнение.
3. спорные вопросы решать спокойно, без ссор и крика (в случае не согласия решение принимает капитан).
4. каждый участник должен внести свой вклад в работу группы (от личного вклада каждого зависит успех всей группы)).
(дети самостоятельно определяют, какая группа работала лучше)
- И я вас я хочу сегодня поблагодарить за ваши труды и интересное занятие, а также услышать, что самым важным, интересным, новым было для вас сегодня. Прошу высказаться всех желающих.
- Мы с вами расстаемся на каникулы, которые теперь тоже называются Рождественскими. Предлагаю поздравить друг друга с чудесным праздником – Рождеством Христовым, сказать добрые слова пожеланий, и этим передать друг другу частицу своего сердца. - Будем передавать это сердечко, дарить рождественские пожелания, не забывая обращаться друг к другу по имени (поздравляют).
- И я вас дорогие ребята, поздравляю с наступающим Рождеством Христовым.
А еще сегодня к нам пришли ребята из нашего гимназического ансамбля «ЛИК» с музыкальным подарком для вас. Они исполнят тропарь Рождества и песню, которую написала специально для праздника наш учитель музыки и клиросного пения Натарова Ирина Владимировна «Благовест».
(ансамбль исполняет песнопения).
Желаю, чтобы то, о чем мы сегодня говорили, не осталось только красивыми словами, а стало частью вашей жизни. До свидания.
- Ой, ребята, для вас сюрприз. Чем раньше украшали елку, кроме игрушек?
- Да, сладостями, которые означали великое милосердие Спасителя. Господь любит каждого из вас. Так что угощайтесь, с Рождеством Христовым! (снимают с елки конфеты).

Боченкова О.В. (Арзамас)

Из опыта преподавания церковнославянского языка в начальных классах РОУРО «Арзамасская православная гимназия имени святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии».

Церковнославянский язык изучается в гимназии пять лет. Конечно, это не столь большой срок для обобщения опыта, но какие-то наблюдения и некоторые выводы можно сделать.

Цель уроков церковнославянского языка в начальном звене - ввести детей в этот удивительный, божественный язык, отличающийся во многом от русского языка. Уже одно то, что мы разговариваем на нем с Богом, воспитывает в детях уважение к языку, помогает понять место языка в жизни православного человека.

Занятия церковнославянским языком начинаются в первом классе, во втором полугодии. Дети к этому времени изучили русский алфавит, пришло время знакомства с церковнославянским. На каждом уроке акцентируется внимание на значении церковнославянского языка для верующего человека, на месте его в Богослужении.

Работаем мы с прописями, составленными Еленой Владимировной Макаровой. На наш взгляд, прописи этого автора очень удачны. Все буквы поделены на группы: «Буквы, сходные с русскими», «Буквы, с которыми простился русский язык», «Буквы кириллицы, отсутствующие в русском алфавите». При изучении каждой буквы происходит обогащение и расширение словарного запаса ребенка словами церковнославянского языка. На каждую букву в церковнославянском языке начинаются определенные слова. Учитель просит детей назвать слова, которые начинаются с изучаемой буквы. Сначала дети не понимают разницы между словами русского и церковнославянского языка, и на букву «аз» называют «арбуз», но постепенно они осознают, что слова церковнославянского языка звучат в церкви, во время богослужений, и уже называют на букву «добро» - «Дева», «Давид», «Дух Святой». На уроках некоторые слова, такие как «паникадило», «потир», «Евхаристия», «филонь», «камилавка» и другие, дети слышат впервые. Для того чтобы запомнить значения новых слов, мы составляем с ними предложения, обращаемся к этим словам во время урока неоднократно.

Автором прописей предусмотрено подробное изучение надстрочных знаков: придыхания, титлов, ударений, паерка. Как известно, ударений в церковнославянском языке три: оксия, вария, камора. Так как камора существует для отличия множественного числа имен существительных и местоимений, а дети в первом классе еще не знакомы с данными формами, тем более в церковнославянском языке, то это ударение объясняется детям во втором классе, при чтении псалмов.

При изучении букв Елена Владимировна предусмотрела и их рисование. На каждой странице есть большие квадраты, в которых дети с удовольствием

рисуют те буквы, с которыми они познакомились на уроке. Детям предлагаются образцы заглавных букв, данные в «Азбуке для православных детей» Н. Орловой, (издание Сретенского монастыря, 2005), «Православной азбуке» Е. Екимовой, (издательство Свято-Елизаветинского монастыря, 2008), в «Прописях славянских», (издательство «Знаки», СПб., 2004). Глядя на образцы, но не копируя их, маленькие гимназисты самостоятельно рисуют буквы, вкладывая в них всю свою фантазию и умение. Иногда получаются очень оригинальные, красивые, необычные буквы.

По прописям Е.В. Макаровой уже с 4-го урока дети читают отдельные слова, с 5-го - составляют и записывают словосочетания, с 8-го - читают и работают с предложениями. На каждом следующем уроке - обязательное чтение церковнославянских предложений.

Во втором классе начинается знакомство с величайшей книгой Библии - с Псалтирью. Учитель рассказывает об авторе этой книги, времени ее создания, содержании, значении для людей. Псалтирь сопровождает жизнь верующего человека от рождения до смерти, поэтому, на наш взгляд, при изучении церковнославянского языка следует уделять особое внимание именно этой книге как наиболее часто используемой в жизни православным человеком. На уроках мы читаем псалмы 1, 33, 50, 90, 102, 103, 150, опубликованные в книге «Псалтирь для детей», изданной в 1998 году Единецко-Бричанской Епархией. На уроках дети прослушивают аудиозаписи псалмов, учатся читать нараспев, соблюдая церковнославянские ударения. Но мы не только учимся читать, мы учимся понимать содержание, анализируем каждое предложение. Данный вид работы прививает детям осознанное чтение псалмов, хотя и не понятных с первого прочтения, но раскрывающих всю свою глубину при подробном анализе каждой строки.

На уроках дети учат наизусть 50 и 90 псалмы. Конечно, во втором классе дети (да и некоторые родители) не до конца осознают значимость знания наизусть этих псалмов, но, выучив их в раннем возрасте, выпускники гимназии псалмы не забудут, и, надеюсь, вспомнят добром учителя, который заставлял запоминать эти богодухновенные произведения. Названные псалмы выбраны потому, что они наиболее известны, употребляются как в церковном Богослужении, так и в домашнем чтении. Общепризнано, что 50, «Покаянный», псалом является образцом искреннего, глубокого покаяния, и, зная образец, человек может словесно оформить и свое личное раскаяние. 90 псалом, называемый «Живые в помощи», также необходим верующему человеку в различных трудных жизненных ситуациях.

Во втором классе дети закрепляют знания о надстрочных знаках, знакомятся с ударением камора, начинают изучать буквенную цифирь. В конце учебного года они с большим интересом решают примеры до 30, записанные по-церковнославянски.

Занятия церковнославянским языком в третьем классе начинаются с повторения видов титлов. Затем дети учатся читать слова под титлами на

различных иконах: Богородичных, Иисуса Христа, праздничных, иконах святых. Дети приносят на занятия либо небольшие иконы, либо календари с иконами. Мы стараемся прочитывать все, что написано на них: и слова под титлами в нимбах, и название, и содержание свитков. Очень подробно изучаем Голгофский крест и все слова под титлами, которые пишутся рядом. Итоговое занятие по данной теме проходит в храме, где учащиеся увлеченно прочитывают надписи на больших настенных иконах.

Дальнейшие занятия посвящены чтению Молитвослова. На уроках дети знакомятся с различными видами этого сборника, его структурой. Подробно читаем и анализируем утренние и вечерние молитвы. Во время чтения повторяем слова под титлами, знаки ударения и придыхания. Во время анализа молитв особое внимание обращаем на то, к кому обращена молитва, о чем просит человек словами этой молитвы, почему именно это прошение обращено к адресату молитвы. В работе нам помогают книга священника Иоанна Анурьева «Объяснение церковных молитв детям» (издательство «Паломник», М.,2006), сборник «Как научиться понимать молитвы» (издательство «Отчий дом», М., 2005).

Параллельно с чтением Молитвослова изучаем и буквенную цифирь. В третьем классе учим цифирь до 100.

Работа в четвертом классе начинается со знакомства с новой богослужебной книгой - Часословом. Детям объясняется, что такое «Часы», когда они читаются в храме, почему существуют 1, 3, 6 и 9 часы. Псалмы, которые входят в состав Часослова, детям трудны для понимания, поэтому достаточно кропотливо идет работа над анализом каждого псалма. Во время чтения и анализа встречается много незнакомых, непонятных слов. Лучшим выходом из такой ситуации была бы работа с церковнославянским словарем, но, к сожалению, в нашей гимназии он отсутствует.

С Часословом мы работаем первое полугодие. Второе полугодие посвящено знакомству с жанром акафиста и подробному анализу акафиста Пресвятой Богородице. Учитель рассказывает детям версии написания этого произведения, объясняет структуру акафиста, отличие кондака от икоса. На уроках подробно анализируем содержание каждого кондака и икоса, беседа сопровождается чтением икон, на которых изображены различные моменты жизни Пресвятой Богородицы. Содержащиеся в икосах хайретизмы раскрывают догматическое учение Церкви о Богородице, образно объясняют детям роль Пресвятой Девы для людей. Таким образом, при чтении акафиста, учащиеся впервые знакомятся с изобразительными средствами церковнославянского языка, его богатыми возможностями в этом плане.

Обучение церковнославянскому языку в начальном звене носит ознакомительный характер, дети знакомятся с языком как бы с внешней стороны, внутреннее наполнение, грамматика, будет изучаться в среднем звене, когда дети смогут понять законы языка, принципы, на которых он существует.

Строгецкий В.М.
Нижний Новгород, НГЛУ

Информация о реализации проекта «Развитие деятельности православно-ориентированных образовательных учреждений на базе Славяно-греко-латинского кабинета ПФО при Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А.Добролюбова

1. Перечень фактически проведенных мероприятий:
1.1 В апреле 2010 г. проведен семинар для директоров и завучей православных гимназий «Новый педагогический профессионализм: от образовательных идей к образовательной практике».
1.2. С 3 по 14 мая 2010 были проведены курсы повышения квалификации учителей православных гимназий по церковно-славянскому, латинскому, древнегреческому и английскому языкам. Перед началом занятий был проведен семинар для участников курсов с презентациями содержания программ повышения квалификации по каждому направлению. С содержанием презентаций можно также ознакомиться на сайте СГЛК и на прилагаемом к отчету диске.
1.2.1. Ответственная за проведения повышения квалификации учителей по церковно-славянскому языку Т.Д. Маркова представила «Учебную программу курсов повышения квалификации» а также ознакомила участников курсов с проектом учебника по церковнославянскому языку для 5-7 классов православных гимназий, который разрабатывается ею в соавторстве с иереем Михаилом Голиком (Дзержинская гимназия). Готовый учебник будет представлен к сентябрю 2010 г.
1.2.2. В результате повышения квалификации учителя православных гимназий под руководством Т.Д. Марковной подготовили учебно-методические материалы:
- Лызлов А.В. – учитель семеновской православной гимназии подготовил конспект урока по церковно-славянскому языку для 7 класса;
- иерей Михаил Голик подготовил план-конспект урока по теме «Знакомство с глаголом»; принял участие в отборе текстов для учебника по церковно-славянскому языку для 5-7 классов;
- Боченкова О.В. учитель Арзамасской православной гимназии подготовила статью об опыте преподавания церковно-славянского языка в начальных классах РОУРО «Арзамасская православная гимназия имени святых мучениц веры, Надежды, Любови и матери их Софии»
- Суздальцева Н.В. (учитель церковно-славянского языка НОУРО «Саровская православная гимназия) подготовила работу «Методические рекомендации к изучению темы «Повелительное наклонение глагола в церковно-славянском языке»;

1.2.3. Ответственная за проведение повышения квалификации по латинскому языку Е.В. Соболева подготовила учебную программу повышения квалификации «Латинский язык» для преподавателей православных гимназий, а также презентацию содержания курсов.
1.2.4. В результате повышения квалификации по латинскому языку под руководством Соболевой Е.В. учителя подготовили следующие работы:
- Якушина М.В., воспитатель НОУРО «Православной гимназии г.Дзержинска» подготовила конспект урока латинского языка в 5 класса по теме «Глагол. Категории латинского глагола»;
- Брага Н.В. учитель НОУРО Арзамасская православная гимназия подготовила конспект урока во 2-м классе по теме «Буква D d»;
- Мерзлова О.Ф. подготовила программу дополнительного образования «Латинский язык и античная культура» (начальный курс обучения);
- Рязанов П.А. подготовил комплексный проект урока по дисциплине «Латинский язык и античная культура» в VIII классе по теме: «Ablativus absolutus (аблатив самостоятельный)».
1.2.5. Ответственная за проведение повышения квалификации по древнегреческому языку М.П.Самойлова подготовила программу повышения квалификации «Древнегреческий язык» для учителей православных гимназий; разработала «Методические рекомендации по преподаванию древнегреческого алфавита в 6 классе»; разработала учебную программу по древнегреческому языку в 6-9 классах для Дзержинской православной гимназии.
1.2.6 Е.С. Половинкина, учитель Дзержинской православной гимназии, под руководством М.П. Самойловой подготовила конспект урока древнегреческого языка в 6 классе по теме «Грамматические категории имени существительного. Существительные 1 склонения»; приняла участие в разработке учебной программы по древнегреческому языку для 6-9 классов Дзержинской православной гимназии.
1.2.7. Ответственная за проведение курсов повышения квалификации по английскому языку А.М. Брагова разработала программу «Повышение квалификации учителей английского языка православных гимназий»; подготовила презентацию содержания этой программы; сделала подборку текстов на английском языке по православной тематике с учетом требований освоения грамматики английского языка в разных классах.
1.2.8. В результате повышения квалификации под руководством А.М. Браговой учителя подготовили следующие работы:
- Бурдыкина Л.В., учитель НОУ православная классическая гимназия» г. Саратова подготовила план урока английского языка по теме «Вавилонское столпотворение»;
- Шалявина И.В., учитель английского языка заволжской православной гимназии, подготовила план урока английского языка по теме «Путешествие святого Семейства в Египет»;
- Балабанова О.В., учитель Нижегородской православной гимназии им. Сергия Радонежского (Зеленый город), подготовила планы-конспекты уроков

английского языка по темам “Saint Seraphim of Sarov”, “Saint Sergius of Radonezh”, “The Bible stories. The Noah’s Ark”.
- Батурина Е.М., учитель английского языка НОУ Православная классическая гимназия» г. Тольятти подготовила планы уроков по темам “The Great Flood”, “Clothes”.

1.3. Совместно с православной гимназией г. Дзержинска подготовлена программа опытно-экспериментальной работы по теме «Создание и апробация УМК по классическим языковым дисциплинам: церковно-славянскому, латинскому, древнегреческому языкам».

1.4. Проведено анкетирование учителей, прибывших на курсы повышения квалификации. Копии анкет прилагаются.

1.5. Проведено мероприятие, посвященное вручению дипломов об окончании курсов повышения квалификации педагогами православных образовательных учреждений на базе Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет», 25 мая 2010 г. Свидетельства о прохождении курсов повышения квалификации были вручены 12 учителям по следующим направлениям курсов повышения квалификации: церковно-славянский язык, латинский язык, древнегреческий язык и английский язык.

2. Собран материал для издания третьего и четвертого выпусков Альманаха Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ.

3. Представители СГЛК (проф. В.М. Строгецкий, М.П. Самойлова) приняли участие в семинаре, посвященном разработке содержания гимназических дисциплин для православных гимназий и обсуждению примерного учебного плана для православных гимназий на переходный период (до утверждения образовательных стандартов православных образовательных учреждений).
На семинаре выступил В.М. Строгецкий со своими предложениями по содержанию учебного плана православных гимназий. Текст выступления приводится ниже:

Гимназия в переводе с греческого означает место, где греческие юноши упражняли душу и тело. В наше время это соответствует понятиям духовного и физического воспитания. С XVIII в. гимназии стали подразделяться на светские и религиозные. Наиболее прогрессивные пути развития гимназического образования были выработаны в Германии.

Российские гимназии начали активно развиваться, начиная с XIX в. При Александре I. гимназии были всесословными. Важнейшие положения в гимназиях (уставы, циркуляры, указы и т.д.) контролировались министерством народного просвещения. Важно отметить, что с момента возникновения в России гимназического образования и до 1921 года, когда Ленин и большевики его ликвидировали, гимназии не подчинялись бюрократическим структурам. Гимназии были приписаны к учебным округам во главе с университетом, причём границы учебных округов совершенно не совпадали с границами губерний. Это давало возможности гимназиям развиваться более свободно. Педсоветы,

директора, родительские комитеты и попечительские советы самостоятельно решали многие важные учебно-воспитательные и финансовые вопросы.

В России до установления диктатуры большевиков существовало многообразие образовательных учреждений (церковно-приходские, народные, земские, ведомственные, солдатские и другие школы). Право же поступать в высшие учебные заведения было дано только выпускникам гимназий, которые со времени Александра II разделились на классические и реальные (со времени Александра III они стали называться реальными училищами, но не надо путать с ФЗУ или ПТУ советского времени).

Ученые и мыслители XIX-XX вв. отмечали, что поскольку гимназическое образование основывается на античной культуре, оно формирует в человеке такую шкалу ценностей, в которой духовные ценности ставятся выше материальных, это образование нацелено на постоянный поиск истины, независимо от того будет ли гимназист занят гуманитарными науками или естественно-математическими. Такое образование, считают ученые, способно научить человека творчески мыслить, создавать для себя значимые цели и добиваться их достижения.

С XIX в. Главными предметами в гимназиях стали древние языки (латинский и древнегреческий) и математика, ибо эти предметы развивают логику мышления, умение рассуждать и объяснять. Гимназии не допускают отрыва воспитательного процесса от учебного. Выдающиеся педагоги и психологи, опираясь на греческий принцип пайдейи, разработали теорию воспитывающего обучения (И.Ф.Гербарт) или обучающего воспитания (В.В.Зиньковский).

Православные гимназии отличаются от светских дополнительным набором соответствующих дисциплин. Но учебно-воспитательный процесс должен быть единый и стержнем воспитательного процесса в младших классах служат уроки благочестия, а в старших – Закон Божий. Общее название этой духовной дисциплины: Основы православной веры. При этом, цель уроков благочестия и закона Божия – не учить лишь религии и всему что с ней связано (это делает семинария), а в гимназии батюшка на этих уроках учит уважению к вере.

К сожалению, современные светские гимназии сохранили только название. Стержня воспитательного процесса там нет, учебный план составляется по принципу механического соединения предметов. В светских гимназиях процветает грубый практицизм, утилитаризм; учебный процесс упрощается, в то время как содержание учебников усложняется. В гимназистах не воспитывается радость труда в процессе обучения и постижения знаний в области гуманитарных и естественно-математических наук.

Поскольку православные гимназии только начинают свой путь развития, учебный и воспитательный процесс должен строиться на подлинных гимназических традициях и основах, а не копировать разрушающуюся систему среднего образования.

Важнейшими предметами гимназического образования являются:

1. блок филологических предметов:

латинский, древнегреческий, церковнославянский, русский, два иностранных языка (английский, а также французский или немецкий),

литература (или словесность). Учителя этих предметов должны создать свое методическое объединение и совместными усилиями разрабатывать поурочную систему, которая бы дала возможность учителям работать сообща, помогая друг другу вести занятия так, чтобы гимназисты могли легко обнаруживать связь между этими языками.

2. блок естественно-математических предметов: здесь также целесообразно учителям создавать свое методическое объединение, потому что естественно-математические дисциплины подобно блоку филологических предметов тесно связаны между собой.
3. блок истории, географии, обществознания;
4. блок предметов, связанных с искусством
5. блок технологии и физической культуры.
6. К сожалению, сегодня мы можем гимназические дисциплины (церковно-славянский, латинский древнегреческий, второй иностранный, уроки благочестия и Закон Божий, церковное пение), преподавать только за счет школьного компонента или факультативов, но часть школьного компонента нужно полностью отдать для реализации указанных, крайне необходимых для гимназического образования предметов. В таблице приведено примерное количество часов, которые необходимо выделять в блоке филологических и религиозно-нравственных гимназических дисциплин, а также на информатику, для которой также выделяются часы школьного компонента. Конечно, этого крайне недостаточно, но, к сожалению, федеральные образовательные стандарты одинаковые как для светских, так и для духовных учебных заведений. Предотвратить дальнейшее разрушение светской системы образования и помочь развитию и совершенствованию духовных учебных заведений, православных гимназий и школ, возможно, лишь восстановив то отношение к образованию, которое имело место в исторической России до 1917 г., по крайней мере после реформ Александра II. Необходимо отказаться от остаточного принципа финансирования образования и от бюрократически технократического названия « Министерство образования и науки» (А.И.Солженицын назвал его «министерством образованщины») и возродить российское Министерство народного просвещения, ибо просвещение включает в себя образование, науку, воспитание и культуру. Правительство исторической России придавало Министерству народного просвещения главенствующее значение, так как понимало, что России нужны самостоятельные, творчески мыслящие, высококлассные специалисты в равной мере как в гуманитарной, так и в естественно научной сферах общества. Но кроме этого, необходимо провести и социально – правовые реформы, подобные тем, которые были проведены при Александре II. Основу их составлял приоритет частного права и защита личности над публичным правом и защитой институтов власти. Результатом тех реформ были Золотой и Серебряный век российской науки, культуры и образования.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Уроки благочестия	1	1	1	1	1						
Закон Божий						1	1	1	1	1	
Церковно-славянский		1	1	1	1	1	1				
Латинский язык					1	1	1	1	1		
Древнегреческий язык						1	1	1	1		
2-й иностранный язык			1	1	1	1	1	1	1	1	
Клиросный хор		1	1	1	1	1	1	1	1		
Информатика					1	1	1				

Таким образом, на указанные дисциплины должно отводить:
1-й класс – 1 час
2-й класс – 3 часа
3-й класс – 4 часа
4-й класс – 4 часа
5-й класс – 6 часов
6-й класс – 7 часов
7-й класс – 7 часов
8-й класс – 5 часов
9 класс – 5 часов
10 класс – 2 часа
11 класс – консультации по ЕГЭ

Брагова А.М.,
Нижний Новгород, НГЛУ

Курсы повышения квалификации учителей английского языка православных гимназий в 2010 году

В рамках Славяно-греко-латинского кабинета при НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в мае 2010 года в очередной раз состоялись курсы повышения квалификации учителей православных гимназий. В список предлагаемых дисциплин впервые был включен английский язык. Передо мной как перед преподавателем, ответственным за данный язык, встала серьезная задача: составить программу занятий с учетом специфики обучения в православной гимназии, а именно с учетом необходимости включения православного компонента в школьный учебный процесс.

Таким образом, в программу вошли несколько модулей. Первый модуль включал рассмотрение как отечественных, так и зарубежных методик

преподавания английского языка на примере следующих учебно-методических комплексов:

1. начальный уровень (starter / elementary): УМК “Excellent starter”; “Excellent 1”; “Friends starter”; “Friends 1”; “Snapshot elementary”; “New Matrix starter”; УМК Верещагиной И.Н. для 2-го / 3-го классов; the grammar book “Round-up starter”; the grammar book “Round-up 1”;
2. уровень ниже среднего (pre-intermediate): УМК “Friends 2”; “Snapshot pre-intermediate”; the grammar book “Round-up 2”; the grammar book “Round-up 3”;
3. средний уровень (intermediate): УМК “Snapshot intermediate”; the grammar book “Round-up 4”; the grammar book “Round-up 5”.

Учебно-методические комплексы, отобранные для занятий, в максимальной степени соответствуют основной цели обучения иностранным языкам - формированию коммуникативной компетенции. Наряду с социально-культурной компетенцией, предусматривающей знание культурных особенностей носителей языка, их привычек, традиций, норм поведения и этикета, умение понимать и адекватно использовать их в процессе общения, коммуникативная компетенция включает в себя языковую компетенцию, наиважнейшую из всех. Она подразумевает развитие языковых умений по всем видам речевой деятельности – аудированию, говорению, чтению, письму.[24] Аутентичные учебники, использованные в работе курсов повышения, дают оптимальный набор упражнений, развивающих речевые умения. Кроме них, на занятиях были использованы оксфордские учебники по грамматике серии “Round up”. Они содержат большой объем практических заданий по отработке всех грамматических тем, представленных в школьной программе. Некоторые из заданий данных учебников были выполнены на курсах повышения.

В процессе ознакомления с уроками из каждого названного учебника учителя православных гимназий сделали вывод о том, что, действительно, данные учебники могут быть использованы (и используются) ими для обучения английскому языку в православных гимназиях, где они работают, с той лишь оговоркой, что должны быть исключены из учебного процесса уроки, содержащие иллюстрации нечистой силы, чудовищ, инопланетян. При возникновении вопросов у учащихся в отношении иллюстраций необходимо проводить воспитательную работу, объясняя на понятном, детском языке и с использованием цитат из Библии неприемлемость включения данных материалов в занятия.

Второй модуль курсов повышения квалификации предполагал работу с учебно-методическими комплексами, посвященными подготовке учащихся к сдаче единого государственного экзамена (ЕГЭ). В качестве такого УМК был выбран учебник Марка Харрисона «Оксфордские тесты по английскому языку для подготовки к ЕГЭ» (Oxford, 2008). Надо отметить, что специфика подготовки к ЕГЭ заключается в дриллинге,[25] который необходим учащимся для успешной

[24] См. книгу: Методика преподавания иностранных языков (под ред. А.Н. Шамова). М., 2008. С.47-49.

[25] От английского слова drilling – «подготовка», «тренировка», «отработка», «зубрежка».

сдачи экзамена. Умение быстро и четко выполнять те или иные задания ЕГЭ в условиях дефицита времени зависит от того, насколько хорошо учащиеся знакомы с форматом экзамена, а также от того, насколько хорошо они умеют «почувствовать» правильный ответ, используя, кроме фундаментальных знаний, языковую догадку, умение, которое формируется в результате долгих тренировок. Учителя, участвовавшие в курсах повышения квалификации, выполнили один тест объемом 64 задания за 170 минут и сделали вывод о том, что тексты для чтения среднего и повышенного уровня сложности, представленные в тесте ЕГЭ, содержат слишком большой процент незнакомых ученикам средней школы слов и на чтение этих текстов отводится явно недостаточно времени.[26]

Третий модуль являлся самым важным из всех и включал в себя чтение старозаветных и новозаветных библейских текстов с последующим составлением к ним комплекса упражнений, а также чтение текстов о православии и снабжение их упражнениями (на понимание прочитанного, лексику, грамматику, говорение и письмо). В приложении к данной статье даются примеры таких текстов и упражнений к ним.

Наконец, четвертый модуль занятий на курсах повышения квалификации был посвящен использованию технических средств обучения на уроках английского языка, таких как видеопленки, записи на DVD-дисках, а также использованию компьютерных технологий, например, программы Power point, для создания презентаций. В ходе курсов повышения было создано 18 подобных презентаций. Они содержат иллюстративный материал к таким библейским текстам, как «Адам и Ева», «Всемирный потоп», «Избиение младенцев», «Вавилонское столпотворение», «Рождение Христа и поклонение волхвов», «Тайная вечеря и поцелуй Иуды», «Распятие Христа», а также к текстам по православию, например, «Сергий Радонежский», «Апостол Андрей», «Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь» и др.

В целом курсы повышения квалификации в секции английского языка прошли продуктивно и в атмосфере взаимного сотрудничества.

Балабанова О.В.,
учитель английского языка
Нижегородской православной
гимназии имени Серафима Саровского
Нижний Новгород

План урока английского языка “The Bible stories: The Noah’s Ark”

[26] 170 минут, которые даются на выполнение теста на ЕГЭ, распределяются по видам речевой деятельности следующим образом: аудирование (30 минут – 20 заданий), чтение (30 минут – 20 заданий), грамматика и лексика (40 минут – 20 заданий), письмо (60 минут – составление письма и монолога в письменном виде), говорение (10 минут – неподготовленная монологическая и диалогическая речь).

Цель урока: формирование навыков говорения, повторение лексического материала, отработка грамматических структур (вопрос *Who are you?,* конструкции с глаголом *can*).
Лексические единицы: animals - a cat, a dog, a horse, a crocodile, a frog, a bird, a tiger, a lion; verbs of motion - jump, swim, fly, run, walk; the Bible story, Noah's ark.
Грамматические структуры: Who are you? What can you do? I am……, I can….
Задачи урока:
1. образовательные:
-- повторение выученных лексических единиц по теме "Animals" и глаголов движения;
-- повторение грамматических структур "Who are you? What can you do? I am a….. ; I can…;
-- обучение говорению;
-- обобщение выученного материала;
-- повторение библейской истории из Ветхого Завета "The Noah's Ark";
-- формирование интереса к изучению английского языка.
2. воспитательные:
-- воспитание умения общаться в группе через игру;
-- приобщение к культурным и христианским ценностям.
Возраст учащихся: 5-8 лет (младшая группа воскресной школы).
Наглядные пособия: пластиковые фигурки животных, картинки из детской Библии.
Оснащение урока: «ковчег», построенный из стульев -- игровая зона.

Ход урока

1. Организационный момент (1 минута):
(T) Hello, boys and girls! Sit down, please! Glad to see you!
2. Фонетическая зарядка (2 мин.): вспоминаем «Сказку о язычке», повторяем звуки: [ð], [k], [d], [w], [l], [t], [ju:], [ai]
3. Повторение лексических единиц по теме "Animals" (7 мин.): a cat, a dog, a horse, a crocodile, a frog, a bird, a tiger, a lion (показывая фигурки животных).
Повторение глаголов движения — jump, swim, fly, run, walk.
После повтора лексических единиц раздать каждому ребенку по одной фигурке животных.
4. Повторение грамматических структур (6 мин.):
(T) Who are you? (задать вопрос каждому ребенку). Ребенок отвечает в соответствии с полученной фигуркой: I'm (a cat, a dog, a horse, a crocodile, a frog, a bird, a tiger, a lion).
(T) What can you do? (P) I can (jump, swim, fly, run, walk).
5. Физкультминутка (1 мин.).
Дети встают с мест и выполняют команды на английском глаголов движения (Please, jump — дети имитируют движение; если команда употребляется без слова please, дети стоят на месте).
6. Игра «The Noah's Ark" (12 мин.).
Перед началом игры учитель показывает картинку по истории «Ноев ковчег» из детской Библии. Дети вспоминают сюжет истории.

(T) And now let’s play the game “The Noah’s Ark”.
(Правила игры объясняются на русском языке.) Каждый ребенок должен подойти к входу в «ковчег», построенный из стульев. Учитель стоит внутри и задает вопросы:
(T) Who are you? (Ребенок отвечает на английском языке на вопрос в соответствии с полученной фигуркой животного).
(T) What can you do? (Ребенок отвечает на вопрос, используя структуру “I can…” и соответствующий глагол движения. При условии правильного ответа ребенок с фигуркой своего животного получает «пропуск» на Ноев ковчег и заходит внутрь).
7. Конец занятия (1 мин.).
Дети хором повторяют рифмовку:
Who are you? I am a bear.
Who are you? I am a hare.
Who are you? I am a dog.
Who are you? I am a frog.
(T) Good-bye, all!

Шалявина И.В.,
учитель английского языка
Православной Заволжской гимназии
Заволжье

План урока английского языка на тему «Путешествие Святого Семейства в Египет» («Holy family’s flight intj Egypt»)

Цель: развитие навыков аудирования и чтения на основе библейских сюжетов с последующим использованием лексических единиц и грамматических структур в Past Simple.
Задачи:
- введение новых лексических единиц;
-тренировка навыков чтения с полным пониманием прочитанного;
-тренировка навыков аудирования;
-развитие памяти;
-расширение кругозора;
-развитие филологического мышления.
Языковый материал: to appear, a dream, to escape, to search (for), to be furious, to bless, the Nile river, sacred places.
Возраст учащихся: 5-й класс.
Оснащение урока: карта Египта, слайды, раздаточный материал с текстами и заданиями.
Ход урока

I. а) Приветствие учащихся, организационный момент (2 минуты).

T.: Good day, children. I am glad to see you. Today we are going to speak about travelling. The visit of the Holy Family to Egypt is our topic today.

(на интерактивной доске - картинка-заставка с изображением Святого Семейства по пути в Египет)

б) Фонетическая зарядка (6 минут).

T.: Look at the picture (картинка-заставка) and the signs of the transcriptions. Listen and repeat.

[G] – Jesus, Egypt, Joseph, Virgin, angel, Jerusalem

[ŋ] – donkey

T: Now, let's read a short poem «The Holy Family in Egypt». Look and listen.

Joseph, Mary and the Child
Rode donkey lot of time
In the desert, in the sands
River Nile they crossed at once
Jesus blessed all whom He met
Sacred places there were set
These are what we see today
«Egypt's nice!» - all tourists say.

T: Listen to the lines of the poem and repeat after me…

T: Listen to some Russian sentences and find their English equivalents in the text and read them aloud …Иисус благословлял всех, кого встречал…

T: Prepare a good reading and translation of this poem at home.

II. Основной этап урока (30 минут).

T: Children, I hope you know the story of Jesus Christ. Now, let's recall some facts. Look at the pictures on the board and read the proper sentences from Ex.1.

a) The Magi's trip was very long.

b) Herod told his men to kill all the little boys under 2 years old in Bethlehem.

c) A pagan (языческий) idol fell down when little Jesus and His Family passed by (проезжали мимо).

d) Animals and shepherds were the first visitors who saw little Jesus.

e) Three Magi wanted to see little Jesus.

f) When three Magi came to Jerusalem they visited King Herod.

g) An angel of God came to Joseph at night.

h) Little Jesus and His parents went to Egypt.

T: Well-done! Now let's read the story taken from the Bible "The escape to Egypt". First look at the new words, listen and repeat.

New words: to appear, to dream, to escape, until, search (for), be furious

T: Read the story and understand it. I'll give you 4 minutes to do it.

The escape to Egypt

When Magi went away an angel of God appeared to Joseph in a dream. «Get up», he said, «take the Child and His mother and go to Egypt. Stay there until I tell you. Herod want to kill little Jesus».

Joseph got up, took the Child and His mother at night and left for Egypt. They stayed in Egypt until the death of Herod.

When Herod understood that the Magi wouldn't come back he was furious and gave orders to kill all the boys in Bethlehem who were two years old and under. (Matthew : 4 : 13; 15)

T: Answer my questions:

1) Who appeared to Joseph in a dream?
2) What did the angel say to him?
3) Did Joseph get up or go on sleeping after the angel's words?
4) Where did the Saint Family leave for?
5) They left to Egypt at night, didn't they?
6) What happened to Herod when he understood that the Magi wouldn't come back?
7) What did the king order his men?

T: Now match some English words and their Russian equivalents:

1) leave	a) взбешенный
2) get up	b) смерть
3) death	c) вставать
4) furious	d) приказ
5) order	e) уезжать

T: So, Jesus Christ and His Family went to Egypt on a donkey. It was not an easy journey. Look at the sentence on the board and write 4 types of questions to it.
Jesus rode a donkey.
…
T: Put the sentences in the correct logical order.

a) Herod got angry and ordered to kill children in Bethlehem.
b) An angel of God came to Joseph at night.
c) King Herod wanted to kill little Jesus.
d) Joseph, Mary and the Baby left for Egypt.

e) The angel told Joseph to take Jesus and Virgin Mary to Egypt.

f) The Magi didn't come back to Herod.

T: I want you to make a brief summary at home. Use the exercise you've just done.
Учитель показывает карту Египта (интерактивная доска) и показывает маршрут, по которому следовал Младенец и Его родители, знакомя учащихся с некоторыми именами собственными.
T: The Holy Family followed a route along the north of Egypt, then south along the Nile River valley. They didn't stay in any places for too long. There were many churches, convents and sacred springs along the route. Now we are going to listen to a story about one event which happened in the place where the Holy Family rested. Look at the new words, listen to their reading and repeat.
New words: Al Matariya, Cairo, kilometers, spring of water, ground, sweet smelling
T: Look at the picture of Al Matariya -- the place where Jesus and His Family had a rest one day. Is this place beautiful? What can you see in the picture? Listen to the text twice and then you'll do the task on it.
Text
One day the Holy Family came to Al Matariya, which is 10 kilometers from Cairo. The weather was hot and they sat under a big tree to rest. There the Lord Jesus made a spring of water. He drank the water and blessed the spring. Virgin Mary washed the clothes of Child Jesus and poured the water on the ground. On that spot a sweet-smelling balsam tree grew.
Later, a church was built at Al-Matariya after the name of Virgin Mary. Al Matariya became one of the most important centres of tourism.
Test
1) Once the Holy Family went to …

   a) Russia

   b) Al Matariya

   c) Jerusalem

2) Al Matariya is …

   a) ten kilometers from Cairo

   b) not far from London

   c) near Alexandria

3) Joseph, Mary and Jesus sat…

   a) in the park

   b) on the sand

   c) under a big tree

4) Little Jesus made …
   a) a spring
   b) a bird
   c) a flower
5) Did Christ bless the spring of water?
   a) Yes
   b) No
   c) I don't know
6) When Virgin Mary poured the water on the ground a nice … grew there.
   a) flower
   b) bush
   c) balsam tree
7) A… was built at Al Matariya after the name of Virgin Mary.
   a) museum
   b) church
   c) gallery

III. Окончание урока (2 минуты).
Today we've talked about the visit of the Holy Family to Egypt. Many wonderful things happened there during Jesus' trip. If you are interested, you may read about some other interesting facts about it on the Wikipedia website (with the help of a dictionary). Your home task is to retell the story and prepare a good reading and translation of the poem. Good- bye.

Батурина Л.В.,
учитель английского языка
Саратовской православной гимназии
г. Саратов

План урока английского языка по теме «Babel's Tower»

Цель урока: формирование лексического навыка говорения, развитие навыков лексико-грамматического анализа текста.
Лексические единицы: Noah, Shem, Japheth, to lodge, Sennaar, to scatter, mortar, entirely, a neighbour, to worship, a language.
Грамматический материал: revision of question formation; revision of tenses (the past simple, the future simple, the past continuous); the passive voice.
Задачи урока:

1. образовательная:
- поиск информации в тексте;
- обучение чтению впервые предъявленного текста с полным пониманием прочитанного.
2. развивающая:
- развитие навыка неподготовленной устной речи.
3. воспитательная:
- развитие интереса к изучаемому предмету;
- развитие уважения к моральным качествам христианина.

Возраст учащихся: 9-й класс.

Программное обеспечение: использование программы “Power point” для показа иллюстраций о Вавилонском столпотворении.

Дидактический материал: текст “The Tower of Babel”.

Наглядные пособия: грамматические таблицы, картины с изображением Вавилонского столпотворения (в форме презентации Power point).

Ход урока

1. Организационный момент (1 минута).

(T) Good morning, pupils! Is everybody here? I hope you are well! Get ready for the lesson. I see you are ready. Nice. Let’s start then.

2. Целеполагание и мотивация (1 мин.).

(T) As soon as you are pupils of the Orthodox gymnasium you should work with the Bible. Today we’ll read and speak about the episode about the Tower of Babel.

3. Фонетическая зарядка (1 мин.).

(T) To have this work done well you’ll need the following words:

Noah [`nouə], Japheth [`ʤeifet], neighbour [`neibə], language [`læŋgwiʤ].

4. Речевая зарядка (3 мин.).

(T) Answer my questions, please:
1) What do you know about the Tower of Babel?
2) Where can we read about it?
Now look at the picture and describe it (the teacher presents the picture with the help of the computer programme “Power point”).

5. Чтение текста (5 мин.).

(T) Read the text for detailed information and use it in the following exercises.

The Tower of Babel

A clean, new world lay before Noah and his three sons when they stepped out of the ark. There were no wicked people left. Noah and his sons made new homes. The sons’ names were Shem, Ham, and Japheth. After a while their children grew up and made homes for themselves. Then there were other children. Again there were many people on the earth.

From a mountain in Ararat, where the ark lodged after the flood, the human family moved south into the valley of Mesopotamia and lived on a plain in the land of Sennaar. “Let us build a city”, said the people, “and let us make a tower so great and high that its top will reach up to the sky. Then we shall not be scattered over the earth and separated from one another”. And so the people set to work. How busy they were! Some made

brick, others mixed mortar, and still others carried brick and mortar to the workmen who were building the city and the tower. They all dreamed of the time their city and their wonderful tower would be finished. Then a strange thing happened. God saw the city and the tower, and he was not pleased. He knew that men would become more sinful if they finished the great tower. Already they were thinking more and more about their own work and less and less about the God who gave them the strength to work. Soon they might forget God entirely and worship the things they had made. God decided to stop their building.

Until this time all the people spoke one language. Now God caused them to speak different languages. The people of the family could not understand what their neighbours were talking about. Nor could these neighbours understand the people who talked to them. They could not go on with their great building because the workmen cold not understand one another. The people of Babel became restless and unhappy until finally those who spoke one language moved off by themselves.

6. Проверка понимания прочитанного (18 мин.).

1) (T) What is the main idea of the text?

2) (T) Do some exercises on the text.

Comprehension

Exercise 1. Say "true" or "false".

1. From a mountain Ararat the human family moved into a desert.
2. People decided to build a beautiful palace.
3. The thought if they had build the city, they wouldn't have been scattered over the earth.
4. They all dreamed of the time when their city and their wonderful tower would be built.
5. God was pleased seeing it.
6. Nothing strange happened.
7. God knew that men would become sinful.
8. God thought people had to continue building the tower.
9. People spoke different languages at that time.
10. God allowed people to finish their work.
11. People stopped understanding each other.
12. The people of Babel became unhappy until finally those who spoke one language moved off by themselves.

Exercise 2. Work in pairs. Ask your partner

1. what Noah and his sons saw when stepped out of the Arch;
2. where the human family moved from a mountain Ararat;
3. what people decided to do;
4. if God was pleased seeing it;
5. what God thought of what was happening;
6. how many languages people spoke at that time;
7. what God caused;
8. if people could understand each other;
9. what happened then.

Exercise 3. Complete the following sentences.

1. A clean world_____.
2. After a while children of Noah's sons_____.
3. People decided to_____.
4. Some people made_____.
5. The others_____.
6. God saw_____.
7. God knew_____.
8. People were thinking_____.
9. People might forget_____.
10. Until this time_____.
11. God caused_____.
12. Neighbours couldn't_____.
13. The people of Babel became_____.

Vocabulary

Exercise 4. Match the words and their equivalents.

1. scattered	a. parted
2. entirely	b. a person who doesn't follow God's laws
3. neighbour	c. thrown everywhere
4. sinner	d. praised
5. separated	e. a person who lives next to you
6. worshipped	f. absolutely

Grammar

Exercise 5. Do the following tasks.

1. What tenses are used in the text?
2. Find and read sentences with the passive voice.
3. Comment on the following forms: son**s** – son**'s** – son**s'**
4. Find and read examples of word formation.
5. Find words that can be both verbs and nouns.
6. Find modal verbs.

7. Развитие навыка говорения (8 мин.).

(T) Pupils, now let us give a summary of the text using the given words:
lay, made, moved, decided, began to work, saw, wasn't pleased, caused, couldn't understand.

8. Подведение итогов урока (3 мин.).

(T) Pupils, write down your homework, please. For the next lesson prepare a detailed retelling of the text orally. Besides, write 10-15 sentences commenting on the proverb: "A man's pride will be the cause of his fall but he who has a gentle spirit will get honour from the Lord".

You have done well today. I am pleased with your answers. Your marks today are…Thank you for the work. Have you got any questions? Well, then the lesson is over. Good-bye.

Гвоздева И.А., Никишин В.О.
Москва, МГУ

Древний Рим и Великая Россия: ещё раз об имперском мышлении и причинах стабильности великих держав

«Лучшее правительство то,
которое управляет меньше всего»
А. Поп

По мере территориального расширения Римской средиземноморской державы римляне всё более убеждали себя в том, что они самим провидением призваны властвовать над миром, а потому постепенно проникались чувством собственного превосходства над всеми «чужаками», не имевшими прав римского гражданства, будь то греки или варвары[27]. Это чувство превосходства во многом определяло на протяжении веков отношения римлян с покорёнными народами.

Особенно сложными и внутренне противоречивыми были отношения римлян с греками[28]. Вследствие греческого культурного влияния Поздняя Римская республика, по определению А.Г. Бокщанина, стала «типичным эллинизованным государственным образованием»[29]. Поклонники греческой культуры – филэллины – появились в Риме уже в I в. до н.э. (один из первых – пятикратный консул, знаменитый полководец, герой Ганнибаловой войны Марк Клавдий Марцелл). Первый римский историк, Фабий Пиктор, как известно, написал свой труд по-гречески. Однако в греческой литературной традиции преобладала теория «варварского» происхождения римлян. Последние отдавали себе отчёт в том, что «с чужаками, с варварами всякий грек был и будет в вечной войне, ибо не что-нибудь изменчивое и временное, а непреложный закон природы заставляет их питать взаимную вражду» (Liv. XXXI. 29. 15. Пер. Г.С. Кнабе). В быту римляне могли терпимо относиться к недвусмысленным намёкам героев комедий Плавта на «варварское» происхождение потомков Ромула (Plaut. Trin. 19; Mil. glor. 211). Однако убеждённый «националист» и, по выражению Э. Грюна, «заклятый враг эллинизма»[30] Катон Старший был явно оскорблён тем, что греки видели в его соотечественниках «варваров» (Plin. Nat. Hist. XXIX. 14). Катон

[27] Ф.У. Уолбанк считает, что это было чувство культурного превосходства (по крайней мере, по отношению к варварам). См.: Walbank F.W. Nationality as a factor in Roman History // HSCPh. 76. 1972. P. 156.

[28] Об этом см.: Isaak B.H. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2006. P. 381 ff. (литературу по теме см.: ibid. P. 381, n. 1).

[29] Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. 1. М., 1960. С. 210.

[30] Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. N.Y., 1992. P. 61.

демонстративно разговаривал с афинянами[31] через переводчика, несмотря на то, что неплохо знал греческий язык (Plut. Cato Maior. 4-5). Так проявлялся римский «лингвистический шовинизм»[32]. В то же время образованные римляне и тогда, и позже (например, Марк Аврелий и Клавдий Элиан) писали по-гречески.

В целом отношение римлян к грекам было двойственным и противоречивым. С одной стороны, образованные представители римской элиты – такие как Цицерон[33] или его друг Аттик – охотно пользовались плодами греческой культуры, учились у греков и нередко бывали более или менее тесно связаны (в том числе и дружескими узами) с некоторыми из них; с другой – римляне презирали греков за их «заносчивость», «легкомыслие» и «болтливость», критиковали произведения греческих философов за их «наукообразную заумь» (erudita vanitas) и порицали всех греков вообще за их «распущенность», которая, по мнению римских моралистов, во многом способствовала упадку нравов в Риме. Презрение к грекам выражалось, в частности, в том, что образованные римляне (тот же Цицерон) в обиходе употребляли уничижительное словцо Graeculi («гречишки», «гречата») совершенно естественно и непринуждённо, по-видимому, ничуть не заботясь о его крайне обидном и оскорбительном для греков смысле[34]. Вместе с тем филэллинизм играл определённую роль в политике: так, сенат объявлял войну македонским царям Филиппу V и Персею под лозунгом борьбы за свободу Греции и порой дезавуировал неправомерные действия римских должностных лиц в отношении греческих «союзников и друзей» (Liv. XLIII. 8. 5-8).

Если римляне свысока смотрели на греков, то ко всем прочим народам они тем более не испытывали, как правило, ничего, кроме презрения. Римские граждане крайне ревностно относились к сохранению своего привилегированного гражданского статуса в узких полисных рамках и в этой связи не были чужды этнических предрассудков. Об этом красноречиво свидетельствует Светоний: «Когда в сенат были приняты иноземцы[35], появились подмётные листы с надписью: “В добрый час! Не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!” А в народе распевали так: “Галлов Цезарь вёл в триумфе, галлов Цезарь ввёл в сенат. / Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой”» (Suet. Iul. 80. 2. Пер. М.Л. Гаспарова). Исполнившись чувством собственной исключительности и превосходства, римляне постоянно третировали варваров[36], хотя время от

---

[31] Эти афиняне, по сравнению с афинянами эпохи Фидия и Перикла, представлялись римлянам всего лишь «носящим то же название сбродом племён и народов» (Tac. Ann. II. 55).

[32] Isaak B.H. Op. cit. P. 388.

[33] См.: Никишин В.О. Цицерон и греческая культура // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран. Сборник научных статей, посвящённый 60-летию Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2004. С. 266 – 268.

[34] Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., P. 38. В произведениях Цицерона обидный ярлык Graeculi встречается не менее 16 раз. Сами греки и тогда, и позже называли себя «эллинами» (Hellenes).

[35] Имеются в виду события 46 г. до н.э.

[36] Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 256; Ранович А.Б.

времени принимали их в свою среду, сами жили среди них и даже иногда заимствовали некоторые их обычаи. Так, говоря об Августе, Светоний подчеркнул, что «особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови» (Suet. Aug. 40. 3. Пер. М.Л. Гаспарова). И вместе с тем тот же Август ввел в сенат выходца из племени пелигнов, Квинта Вария Гемина, о чём свидетельствует сохранившаяся надпись[37]. Таков был специфический римский «шовинизм», который странным образом уживался с космополитизмом, открытостью римского общества навстречу чужеземным влияниям и постоянной готовностью к заимствованиям.

Г.С. Кнабе так характеризует этот культурный феномен: «"Шовинизм" здесь, как правило, осложнён своей противоположностью, уникальность общинного мирка – чувством его открытости большому миру, вера в провиденциальную миссию Рима – усвоением духовного и практического опыта других народов, исключительность римского государственного строя и римского гражданства – распространением их на бесчисленные города и страны»[38]. Феномен римского «шовинизма» объясняется тем, что римляне никогда не были столь же нетерпимыми по отношению к чужеземцам «националистами», какими всегда оставались греки[39]. В этом смысле «римская теория не была совершенно нерасовой, но она являлась гораздо более гибкой на практике»[40]. Римляне, имея в виду представителей других народов, никогда не проводили между ними и собой столь же резкой грани, которую всегда проводили греки между собой и варварами. Причины подчас весьма агрессивного и непримиримого римского негативизма по отношению к варварам в известной степени коренятся в греческой антиварварской традиции. Не следует сбрасывать со счетов также и фактор военной угрозы, реальной или воображаемой, со стороны варваров[41]. В целом же политический фактор в Риме, в конечном счёте, преодолел узкий

Восточные провинции Римской империи в I – III вв. М.; Л., 1949. С. 40 – 41; Balsdon J.P.V.D. Op. cit. P. 66 – 69.

[37] См.: Фёдорова Е.В. Латинские надписи. М., 1976 (надпись №160). См. также: Фёдорова Е.В. Рим и варвары // Труды кафедры древних языков: к 50-летию кафедры / Труды исторического факультета МГУ. Вып. 15. Сер. III. Instrumenta studiorum. № 6. М. – СПб., 2000. С. 86 – 97.

[38] Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима… С. 265. Так, в 44 г. до н.э. три четверти гражданского населения Рима, согласно подсчётам П. Бранта, составляли чужеземцы, т.е. граждане, родившиеся не в Риме. См.: Brunt P.A. Italian Manpower 225 BC – AD 14. Oxf., 1971. P. 102. Т. Франк считал, что в первые века империи этот показатель составлял уже девять десятых. См..: Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate. Aspects of exclusiveness and cooperation in ancient Greece and Rome, with some reference to modern times. Oxf., 1948. P. 228.

[39] Высокомерное и презрительное отношение греков к варварам нашло своё выражение и в искусстве. См.: Иванова А.П. Образ варвара в античном искусстве // УЗЛГУ. Сер. филолог. наук. Вып. 9, 1944. С. 286 слл. Об отношении греков к варварам см.: Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5 – 29.

[40] Haarhoff T.J. Op. cit. P. 219.

[41] Walbank F.W. Op. cit. P. 156 ff.

«национализм»[42], поэтому римляне сумели создать великую державу, просуществовавшую полтысячи лет.

Суть римского «имперского мышления» прекрасно выразил Цицерон, утверждавший, что римляне богами и самой природой предназначены к господству (Cic. Phil. VI. 19; X. 20). Это господство виделось маститому оратору в качестве «протектората» Рима над подвластными землями (patrocinium orbis terrarum. Cic. Off. II. 26 – 27). Опираясь на идеи Карнеада, Цицерон сформулировал ряд положений, которые были призваны служить своего рода нравственным оправданием римской территориальной экспансии (Cic. Rep. III. 34 – 37). Среди этих положений видное место занимали понятия справедливости вообще и справедливой войны (bellum iustum) в частности (Cic. Off. I. 34 – 36). По мнению Цицерона, римляне завоевали весь мир, ведя «справедливые войны», т.е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (Cic. Rep. III. 35). Цицерон оправдывал с нравственной точки зрения «разумное господство» римлян, считая его благом для покорённых народов. Как он полагал, рабство последних «справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и что это делается им на пользу, когда делается разумно» (ibid. 36. Пер. В.О. Горенштейна). Итак, посредством нравственного оправдания римского «протектората» (patrocinium), а также тезиса о приоритете политического фактора человеческого единства перед этническим, или «национальным» (Cic. Off. I. 53; III. 69), Цицерон упрочил идеологическое обоснование римского «империализма».

В юридическом аспекте «римлянином» считался человек, обладавший полными правами римского гражданства (вне зависимости от своего этнического происхождения, будь он эллин или иудей; в этой связи характерным примером может служить апостол Павел). Жители Италии, не имевшие прав римского гражданства, в глазах римлян изначально были врагами (hostes). В Риме их могли лишить имущества или даже поработить (впрочем, вернувшись домой, порабощённый италик восстанавливался во всех правах на основании юридической фикции – ius postliminii). Со временем «чужаки» (не только италики) из категории hostes перешли в разряд peregrini. Первыми этот правовой статус получили жители civitates foederatae, т.е. тех общин, с которыми Рим состоял в договорных отношениях[43]. Чем дальше, тем больше Римской республике приходилось осваивать всё новые земли в Италии и за её пределами, в провинциях, развивая экономические отношения с местными жителями. Перегрины, стоявшие вне ius civile, получили возможность решать имущественные споры с римскими гражданами посредством recuperatio. Эти процессы вели рекуператоры («возвращающие утраченное»). В 171 г. до н.э.

[42] Ibid. P. 168.

[43] Общины перегринов получали от римского сената разные правовые статусы. Среди них были формально независимые общины с собственным правом, греческие полисы и варварские общины, с которыми римский сенат заключал союзные договоры, а также подчинённые общины, пользовавшиеся самоуправлением. Общины перегринов делились на civitates vectigales и civitates stipendiarii. Предпочтительным было положение стипендиарных общин, где налоги собирались в местных городах, тогда как в вектигальных общинах налоги собирались сообществами публиканов, бесстыдно обиравших местное население.

судебная коллегия рекуператоров была впервые создана для рассмотрения жалоб провинциалов на злоупотребления римских наместников (Liv. XLIII. 2); подобная практика сохранялась и в эпоху Империи (Tac. Ann. I. 74). Таким образом, перегрины по необходимости были признаны правоспособными в рамках «права народов» (ius gentium). С 242 г. до н.э., когда в Риме появилась должность praetor peregrinus[44], начинается формирование ius gentium как системы частноправовых норм, регулировавших отношения перегринов между собой и с римскими гражданами. И.А. Покровский считал, что ius gentium «было лабораторией, в которой перерабатывались разнообразные нормы различных народов античного мира, сталкивавшиеся между собой на международном рынке, в одно интернациональное целое, для того чтобы затем переработать и самое римское право в духе той же интернациональности»[45].

Некоторые провинциалы находились в привилегированном положении, например, эдуи – давние союзники Рима, официально именовавшиеся «единокровными братьями римского народа» (consanguinei fratres populi Romani). Земля в провинциях являлась собственностью римского народа (dominium populi Romani); частные лица имели лишь право владения или «полного пользования» землёй (possessio, usus fructus. Gai. Inst. II. 7). Общины и отдельные лица в провинциях могли получить от Рима гражданские права (Romanitas или Latinitas). Так, Цезарь в 49 г. до н.э. распространил права римского гражданства на всю территорию Цизальпинской Галлии севернее Пада[46], а спустя ещё три года даже ввёл в сенат представителей местных элит из Нарбонской Галлии[47]. В 48 г. н.э. Клавдий, преодолев сопротивление консерваторов (Tac. Ann. XI. 23), даровал знатным и богатым выходцам из Лугдунской Галлии право заседать в сенате и занимать почётные должности в Риме (ius honorarium). Институты римского и латинского гражданства на протяжении веков являлись эффективным инструментарием в деле романизации провинций, обеспечивая также внутриполитическую стабильность на всей территории Римской средиземноморской державы[48].

Итак, «между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны»[49]. Во времена Ранней империи население провинций в правовом отношении имело такую иерархическую структуру: римские граждане колоний (первой колонией римского права в провинции стал Нарбон, основанный в 118 г. до н.э.); латинские граждане муниципиев; перегрины. Весь этот «спектр переходных состояний» сошёл на нет после

---

[44] Как и pretor urbanus, при вступлении в должность он издавал эдикт.

[45] Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 133.

[46] Т.н. Gallia Transpadana. Тогда же законом Рубрия de civitate Galliae Cisalpinae было урегулировано муниципальное устройство (в т.ч. судопроизводство) для всего региона.

[47] Цезарь щедро раздавал права римского гражданства, Август – напротив, весьма скупо. Поэтому первого в историографии порой называют «космополитом», а второго – «националистом» (см., напр.: Haarhoff T.J. Op. cit. P. 249).

[48] См.: Hassal M. Romans and non-Romans // The Roman World. Vol. II. L.; N.Y., 1987. P. 685 ff.

[49] Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима… С. 268.

опубликования эдикта Каракаллы в 212 г. н.э., когда практически все, за редчайшим исключением, свободнорождённые провинциалы удостоились прав римского гражданства. С правовой точки зрения провинции считались «поместьями римского народа» (praedia populi Romani). В связи с появлением первых провинций административные задачи, стоявшие перед римским сенатом, существенно усложнились. В 227 г. до н.э. сенат назначил двух преторов для управления Сицилией и Сардинией, а после Второй Пунической войны – ещё двух для управления двумя испанскими провинциями. Подобная практика существовала и в дальнейшем. Магистраты в провинции обладали imperium finitum, действовавшим лишь в пределах данной провинции. При Сулле в 81 г. до н.э. был обнародован закон, по которому управление провинциями отныне поручалось промагистратам (проконсулам и пропреторам)[50].

В целом для римского провинциального управления эпохи Республики был характерен минимум администрации и администрирования. Более или менее унифицированная система управления провинциями стала выстраиваться только в период Ранней империи, в ходе «административной революции» Августа. Вовлечение местных элит в процесс управления провинциями стало на долгие десятилетия и даже века залогом относительной внутриполитической стабильности в империи. Во времена Поздней республики принципы управления римской гражданской общины механически переносились на управление провинциями. Поэтому юридически полномочия наместника никак не были оговорены: на этот счёт не существовало никаких государственных правовых актов. В провинции сам действующий магистрат, подобно praetor urbanus и praetor peregrinus в Риме, имел право обнародовать свой эдикт – edictum provinciale (Gai. Inst. I. 6), представлявший собой своего рода «декларацию о намерениях», однако никто не мог обязать наместника строго придерживаться положений собственного эдикта.

Итак, наместник играл исключительную по своей значимости роль в управлении провинцией. В республиканскую эпоху он назначался сенатом и был подотчётен только ему. По словам Т. Моммзена, «наместники властвовали, как настоящие монархи»[51]. Опираясь на своих помощников (legati), наместник осуществлял в провинции военную, гражданскую и судебную власть. И всё-таки его основной функцией было судопроизводство. Оно осуществлялось во время выездных сессий, когда наместник в сопровождении свиты, состоявшей из римских «друзей» и местной знати, объезжал центры судебных округов. Римских граждан в провинции наместник судил по нормам ius civile, перегринов – в правовых рамках ius gentium, учитывая местные обычаи. Наместник обладал неограниченной юрисдикцией в отношении перегринов (ius vitae ac necis sine provocatione), о чём красноречиво свидетельствует Ливий (Liv. XXXI. 29. 8-9). Как следствие, в провинциях повсеместной реальностью стали, с одной стороны, безграничный произвол наместников, а с другой – полное бесправие провинциалов. Характерно, что, когда мамертинцы попытались прекословить

[50] Хвостов В.М. История римского права. М., 1903. С. 139.
[51] Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 629.

Помпею, ссылаясь на «старинный римский закон», Помпей им заявил: «Перестаньте приводить статьи законов тому, у кого за поясом меч» (Plut. Pomp. 10. Пер. Г.А. Стратановского). Как писал Цицерон, в Азии «столько общин ждут кивка одного человека, где нет никаких возможностей защиты, никакого обжалования, никакого сената, никаких народных сходок!» (Cic. Qu. fr. I. 1. 22. Пер. В.О. Горенштейна). В одной из веррин Цицерон свидетельствует о том, что пропретором Сицилии Верресом (73 – 71 гг. до н.э.) «огромные деньги были взысканы с земледельцев на основании введённых им новых, преступных правил» (Cic. Verr. I. 13. Пер. В.О. Горенштейна).

По словам Т. Моммзена, «игра в наместники очень быстро деморализовала римское господствующее сословие»[52]. Наместниками зачастую становились наглые вымогатели и любители лёгкой наживы. В качестве ярких примеров можно привести Гая Верреса и Гая Антония Гибриду. В свою очередь Катон Старший и Цицерон[53] в роли наместников являли собой редкое исключение из общего правила. Наместничество в богатой провинции многими расценивалось как награда, как способ поправить свои финансовые дела. Откупщики-публиканы также беззастенчиво грабили провинциалов. Произвол наместников и грабёж публиканов порождали у населения провинций ненависть к римскому господству. Для провинциалов существовал единственный способ добиться справедливости: они могли воспользоваться законом «о злоупотреблениях» (законы 149, 80 и 59 гг. до н.э.) и при посредничестве своего патрона в Риме возбудить судебное преследование бывшего наместника по обвинению в коррупции. Одним из самых громких процессов по делам о вымогательстве стало знаменитое «дело Верреса» (70 г. до н.э.).

Таким образом, в период Поздней республики практика управления провинциями оказалась как бы вне римского правового пространства. Само управление фактически не регулировалось никакими правовыми нормами, что создавало благоприятные условия для разного рода злоупотреблений, произвола властей и беззакония.

В республиканскую эпоху, когда обычай нередко преобладал над законом, весьма эффективным инструментом римской внешней политики был институт государственного гостеприимства (hospitium publicum). В разное время отдельные общины и цари заключали с Римом договоры гостеприимства (Liv. V. 28. 4-5; XXXVII. 54. 5; XLII. 38. 8-9). Зависимые от Римской республики династы видели в институте гостеприимства легальный способ сохранить хотя бы номинальный суверенитет. «Государственное гостеприимство», будучи теснейшим образом связано с отношениями клиентской зависимости, означало патронат и покровительство Рима над целыми областями, царствами и отдельными общинами, которые из этого обстоятельства подчас извлекали для себя немалую выгоду. Так, галльскому племени лингонов, состоявшему в гостеприимстве с Римом, император Отон в 69 г. даровал права римского гражданства (Tac. Hist. I.

[52] Там же, с. 627.

[53] О наместничестве Цицерона в Киликии см.: Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 126 – 127.

78). Кроме того, отношения Рима с другими общинами могли строиться и без официального договора, посредством предоставления т.н. «дружбы». Ко II в. до н.э. «дружба» стала обыкновенным эвфемизмом клиентелы. В этой связи показателен случай с эдуями, которые ещё в 121 г. до н.э. получили звание «друзей», а позже даже стали называться «единокровными братьями римского народа» (Caes. Bell. Gall. I. 31; 33; 44; VII. 37; 39; Cic. Att. I. 19. 2; Fam. VII. 10. 4; Liv. Per. 61; Strab. IV. 3. 2; Plut. Caes. 26).

Государственная идеология укрепляла в римских гражданах сознание собственной исключительности и превосходства римлян над остальными народами: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твоё! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Verg. Aen. VI. 851 – 853. Пер. С.А. Ошерова). Злоупотребление «правом сильного» в отношении покорённых народов порой приводило к таким кровавым эксцессам, как «Эфесская резня» 88 г. до н.э., когда по приказу царя Митридата VI Эвпатора в Малой Азии при полной поддержке и горячем участии местного населения были перебиты все «одетые в тогу», т.е. не только римляне и италики, но даже греки и азиаты, получившие права римского гражданства, вместе с членами их семей, рабами и вольноотпущенниками – всего порядка 80 тыс. человек[54]. Серторианская война в Испании, три войны с Митридатом, завоевание Цезарем Галлии, решающая фаза борьбы Антония с Октавианом и другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями – союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже старой и новой эр потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, оказавшейся крайне неэффективной, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и к «чужакам» вообще.

В I – II вв. н.э. в империи сохранялась иерархия гражданских статусов. Наиболее привилегированным из них оставалось римское гражданство. В частности, римский гражданин в провинции не мог быть казнён или подвергнут телесным наказаниям даже с санкции наместника (Plin. Ep. X. 96. 4). Высшей судебной инстанцией для него был император. Характерный пример – описанный в «Деяниях апостолов» случай с Павлом[55], который, будучи грекоязычным иудеем из Тарса, плохо знавшим латынь, в то же время являлся римским гражданином, а потому не мог быть подвергнут бичеванию без санкции императора (Деян. 22:26). Воспользовавшись своим правом, Павел потребовал у прокуратора Порция Феста, чтобы его отправили в Рим, и прокуратор был

[54] См.: Беликов А.П. К вопросу об этнической принадлежности жертв «Эфесской резни» 88 г. до н.э. // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 1. Ставрополь, 2001. С. 24 – 25; Гуленков К.Л. «Эфесская вечерня» // Studia historica. Вып. II. М., 2002. С. 111 – 112.

[55] См.: Деко А. Апостол Павел. М., 2005. С. 201 слл.

вынужден с этим согласиться: «Ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян. 25:8-12). Привилегированный статус римского гражданина ревностно охранялся государством. Как сообщает Светоний, во времена Клавдия «кто ложно выдавал себя за римского гражданина, тому отрубали голову на Эсквилинском поле» (Suet. Claud. 25. 3. Пер. М.Л. Гаспарова). Однажды Клавдий лишил римского гражданства некоего грека за незнание латыни (ibid. 16. 2). В то же время какой-нибудь варвар, говоривший по-гречески и по-латыни, в глазах римлян тем не менее оставался варваром (ibid. 42. 1). Однако с течением времени публичноправовой фактор (гражданство) стал всецело преобладать над этническим и культурно-бытовым (язык и обычаи).

По словам И.А. Покровского, «если период республики закончился признанием права гражданства за всеми жителями Италии, то период принципата характеризуется распространением этого права и на провинциалов»[56]. Этот процесс осуществлялся путём как прямого дарования тем или иным провинциальным общинам римского гражданства, так и посредством предоставления им латинского права. Гражданин латинского права мог также получить права римского гражданства в качестве императорской милости. Пожалование зачастую носило личный характер и на родственников не распространялось (о «правах родства» см.: Plin. Paneg. 37). Несмотря на подобные ограничения, римское гражданство в провинциях распространялось всё шире. Со времён Цезаря провинциалы стали заседать в сенате. Эту политику продолжали Клавдий и Веспасиан. Каждая городская община имела своё гражданство (Plin. Ep. X. 114. 1-2). Провинциал, не имевший никакого гражданского статуса, должен был сначала получить гражданство одной из местных городских общин, а уже потом мог претендовать на получение римского гражданства. Так, по сведениям Плиния Младшего, какой-нибудь египтянин, представитель «надменного и ветреного» народа (Plin. Paneg. 31. Пер. В.С. Соколова), прежде получал александрийское гражданство, а уже после римское (Plin. Ep. X. 6. 2). В таком случае новоявленный римский гражданин фактически обладал двойным гражданством.

В период Ранней империи, как и во времена республики, у наместника в провинции объективно было две основных заботы: отправление правосудия и контроль за финансовыми потоками. Управленческий штат при наместнике по-прежнему был относительно невелик, хотя и обнаруживал явную тенденцию к росту. Собственно говоря, в рамках имперской провинциальной администрации функционировали три ветви власти: публичная, или гражданская, военная и частная, или «домашняя». Первая, представленная проконсулами, управляла сенатскими провинциями, вторая в лице легатов и префектов – императорскими. К концу правления Адриана 22 провинции управлялись легатами, 10 – проконсулами. Представители третьей ветви власти, прокураторы, выполняли в провинции различные фискальные функции. Прокураторы фиска, назначенные императором, контролировали сбор прямого налога – трибута, а иногда и поступление косвенных налогов. Провинциалы, не имевшие римского или

[56] Покровский И.А. Указ. соч. С. 190.

латинского гражданства, платили трибут и подушную подать. Непосредственную ответственность за сбор налогов несли представители провинциальных элит. Наместники и прокураторы контролировали этот процесс со стороны и вмешивались в случае необходимости. Косвенные налоги (налог на освобождение рабов, налог на наследство и пошлина за транзит товаров) собирались либо частными лицами (откупщиками-публиканами), либо императорскими рабами и вольноотпущенниками. Помимо этих налогов, существовали ещё различные повинности, чрезвычайные поборы, реквизиции и т.д.

Контроль за деятельностью провинциальной администрации осуществляли назначенные принцепсом кураторы. Их тоже было сравнительно немного, проверки проводились выборочно и нерегулярно, от случая к случаю. В распоряжении самого наместника находились сенаторы младшего ранга (они использовались в качестве легатов с административными и юридическими функциями), квестор с финансовыми полномочиями, технический персонал (ликторы, курьеры, секретари, писцы и т.д.), добровольные спутники и помощники наместника (т.н. «друзья»), наконец, солдаты, которые несли охранную и полицейскую службу. Таким образом, административный аппарат в провинции был совсем небольшим, профессиональные управленцы в нём практически отсутствовали. По словам Н. Перселла, «поиски бюрократии в римском мире тщетны»[57]. Впрочем, в период Поздней империи ситуация постепенно изменилась…

Сугубую роль в управлении на местах играли представители городских общин. Последние обладали широкой автономией в плане самоуправления и юрисдикции, но финансы находились под неусыпным контролем со стороны римских властей. Для того чтобы ввести в какой-нибудь провинции новые налоги, требовалась санкция императора. Тот действовал посредством переписки с наместником (хрестоматийный пример – переписка Траяна с Плинием Младшим). Интересы фиска блюлись неукоснительно. В то время как местные власти осуществляли рутинный административный контроль над провинциальным населением, наместник контролировал их самих, по необходимости эпизодически вмешиваясь в процесс управления или судопроизводства. Таким образом, в период Ранней империи римская провинциальная администрация и местные политические структуры действовали параллельно, в чём-то дублируя, в чём-то дополняя друг друга. Это была практика «регулярного взаимодействия»[58]. Сложившаяся система управления вполне отвечала интересам обеих сторон – как имперских властей, так и провинциальных элит. Обладая солидным запасом прочности, эта система относительно благополучно функционировала вплоть до кризиса III в., потрясшего самые основы Римской средиземноморской державы.

В период Поздней империи, когда христианство стало государственной религией, этнические и культурные различия между римлянами (т.е. гражданами римского государства) и варварами, которые во времена варваризации империи

[57] Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World. Oxf.; N.Y., 1986. P. 580.

[58] Burton G. Government and the Provinces // The Roman World. Vol. I. L.; N.Y., 1987. P. 426.

часто становились федератами и селились на её территории, в лоне христианской церкви сходили на нет. Впрочем, на место прежней, этнической и культурной, конфронтации в позднеантичном обществе явилась новая, религиозная: ариане и прочие еретики противостояли сторонникам православия, а им вместе взятым – язычники, почитатели «эллинских» богов. После падения Западной Римской империи этноним «римляне» (или «ромеи») унаследовали византийцы, среди которых в этническом и культурном аспектах доминировали греки, а недавние варвары (франки, готы, бургунды и др.) создали на развалинах империи христианские королевства, в дальнейшем ставшие центрами европейской средневековой цивилизации.

Все империи в чём-то схожи; в частности, немало родственных черт можно найти у Римской и Российской империй. Примечательно, что властители последней видели себя прямыми наследниками римских и византийских императоров. История российского самодержавия начинается в конце XV в., когда на геополитическом пространстве Евразии появляется обширная и могущественная держава – Московское государство, или Россия. Тогда же закладываются основы её великодержавной идеологии. В 1492 г. митрополит всея Руси Зосима Брадатый в «Изложении пасхалии» провозглашает Москву Новым Константинополем, а великого князя Ивана III – «государем и самодержцем всея Руси» и «новым царём Константином». Поскольку Константинополь традиционно понимался как Второй Рим, провозглашение Москвы Новым Константинополем подготавливало её восприятие в качестве Третьего Рима[59]. В следующем, 1493 г., Иван III официально принимает титул «государя всея Руси». В июле 1497 г. на его печати, привешенной к жалованной грамоте, впервые появляется двуглавый орёл в качестве герба Московского государства. Наконец, в феврале 1498 г. в московском Успенском соборе состоялась торжественная церемония венчания на царство «шапкой Мономаха» внука Ивана III, великого князя Дмитрия Ивановича.

С конца XV в. московского великого князя всё чаще именуют царём[60]. Впервые на Руси «цесарем» (от латинского Caesar) величался ещё Ярослав Мудрый (позже Андрей Боголюбский именовался «самовластцем», а Даниил Романович Галицкий – даже «королём»). Титул «царь» в представлении русских людей XIV – первой половины XV вв. мог принадлежать лишь суверенному властителю и официально употреблялся применительно к ханам Золотой Орды и василевсам Византии, а позднее – к императорам Священной Римской империи («цесарь», или «кесарь»), турецким султанам («царь турский») и правителям осколков Золотой Орды («цари» казанский, астраханский, крымский и др.). Для обоснования прав московских самодержцев на царский титул в первой четверти XVI в. появляется «Сказание о князьях Владимирских», где род потомков Ивана Калиты возводился к… римскому императору Августу (!). Кроме того, в

[59] Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 93.

[60] Об этом см.: Филюшкин А.И. Термин «царь» и «царство» на Руси // ВИ. 1997. № 8. С. 144 – 148.

«Сказании» утверждалось, что византийский василевс-автократор Константин IX Мономах (1042 – 1055 гг.) некогда передал «шапку и бармы» своему внуку, киевскому князю Владимиру II Мономаху (1113 – 1125 гг.), с тем, чтобы тот венчался на царство, «да нарицается отселе боговенчанный царь». Автора этой версии не смутил тот факт, что Константин IX умер, когда Владимиру не исполнилось ещё и двух лет. Да и пресловутый «венец Мономаха» в действительности не имеет к Владимиру II никакого отношения: эта «золотая шапка», которая впервые упоминается в 1339 г., была изготовлена где-то в Средней Азии примерно на рубеже XIII – XIV вв. и впоследствии подарена золотоордынским ханом Узбеком (1313 – 1342 гг.) своему «другу», московскому князю Ивану Даниловичу Калите (1325 – 1340 гг.). Так реальные факты были принесены в жертву идеологическому мифу, который создавался при дворе первых российских самодержцев.

«Царями всея Руси» церковные публицисты титуловали уже Дмитрия Донского и Василия II Тёмного. В официальных документах именоваться царём начинает «господарь всея Руси» Иван III, который в 1472 г. женился на Зое (или Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XII. Таким образом, царский титул, по меркам средневековья, абсолютно легитимно перешёл по наследству к московскому государю, ставшему «новым царём Константином», и его потомкам, а Москва стала «Третьим Римом» – столицей единственного в мире православного государства. Собственно теория «Москва – третий Рим» впервые была сформулирована в послании старца псковского Елеазарова монастыря Филофея московскому дьяку М.Г. Мунехину в начале 20-х гг. XVI в.: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти». Когда в январе 1547 г. внук Ивана III и Софьи Палеолог, Иван IV, венчался на царство по византийскому чину, никто уже не мог сомневаться в его правах на царский титул (характерно, что Ивана Грозного тоже уподобляли «царю Константину»).

И Иван III («смиритель бурь, разумный самодержец», как его охарактеризовал А.С. Пушкин), и его преемник Василий III, вершивший государственные дела, по словам боярина И.Н. Берсень-Беклемишева, «сам третей у постели», ощущали себя царями и самодержцами «Божиим изволением». Когда в 1489 г. германский император Фридрих III предложил Ивану III королевскую корону, тот ответил гордым отказом: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы Божьею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а постановление имеем от Бога как наши прародители, так и мы; просим Бога, чтоб нам и детям нашим всегда дал так быть, как мы теперь государи на своей земле, а постановления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Новому статусу московских властителей соответствовал и появившийся в 1497 г. государственный герб – двуглавый чёрный орёл на золотом поле. Характерно, что эта эмблема монаршей власти засвидетельствована для трёх великих держав средневековья, на которые, так или иначе, равнялась молодая Московская Русь – это Золотая Орда, Византия и Священная Римская империя. Дело в том, что двуглавый орёл встречается на медных монетах сына и наследника всесильного Узбека, хана Джанибека (1342 –

1357 гг.), он же был династическим знаком Палеологов, а со времён императоров из дома Штауфенов (1138 – 1254 гг.) стал гербом Священной Римской империи. Поэтому в представлении Ивана III двуглавый орёл являлся непременным символом политического суверенитета и державного могущества.

Самодержавие московских государей имело своё идеологическое обоснование в тезисе о божественном происхождении царской власти. Так, Иосиф Волоцкий писал в «Просветителе»: «Царь… естеством подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышняму Богу». Отсюда вытекала известная формула власти Ивана Грозного: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя». Ближайшим следствием такого идеологического посыла стал опричный террор. Таким образом, в XIV – XVI вв. на ордынско-византийской – идеологической и сугубо практической – закваске вырос российский самодержавный деспотизм, просуществовавший до начала XX в.

«Собиратели земли русской» от Ивана Калиты до Василия III добивались своих целей разными способами: где «железом и кровью», где уговорами и посулами, иногда «куплями» или династическими браками, а чаще всего коварством и злодействами. Московская Русь вышла из горнила кровопролитных войн, внутренних и внешних, и вся её дальнейшая история, сопровождавшаяся неуклонным территориальным расширением, протекала от одной войны до другой. В XVI – XVII вв. множество разных этносов – одни добровольно, другие по принуждению – вошли в состав огромной многонациональной державы, единство которой олицетворял и воплощал в себе православный монарх. В этом смысле Российская империя, провозглашённая в 1721 г., ничем принципиально не отличалась от Московской Руси («царь», т.е. «цесарь» по западноевропейским меркам и есть «император»; первым из московских властителей «императором» титуловался Дмитрий Самозванец). В идеологии Российской православной державы, по мнению С.В. Лурье, произошло слияние религиозной и государственной парадигм[61]. Результатом этого слияния явилась политическая концепция, в соответствии с которой Российская империя «должна была заменить собой империю Византийскую, стать Третьим и Последним Римом, единственным земным царством Православия»[62]. Таким образом, религиозно-политический фактор в процессе формирования российской имперской государственности, как и в Римской средиземноморской державе, оттеснил на задний план этническую составляющую. По словам С.В. Лурье, «русское переставало быть этнической характеристикой и становилось государственной: всё, что служит процветанию православной государственности, является русским. Не русские – православный народ, а весь православный народ – русский, по имени православного государства»[63]. В этой связи весьма показателен известный случай, когда император Александр II назвал М.Т. Лорис-Меликова «русским

[61] Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 147.

[62] Там же.

[63] Там же. С. 148.

генералом из армян». Итак, «постепенно правящая элита Российской империи становилась полиэтничной на основе русского языка, культуры и традиций»[64].

Исключительно важную роль в этой по-своему уникальной политической системе играл «белый царь», которому присягали на верность принимавшие российское подданство «инородцы». Как отметил В.В. Трепавлов, «православный государь представлялся неким эталоном величия, подобающего истинному монарху. Соседние и вассальные правители сопоставляли с ним собственные возможности и пределы власти, отказывались от набегов на российские владения из страха возмездия и признавая военное превосходство русских. Когда калмыцкие тайши предложили хану казахского Младшего жуза Абулхайру совершить совместный набег на русские селения, последовал афористичный ответ, в котором концентрировалось признание превосходства России: «Калмыцкая орда – ветр, а Российская империя – непоколебимый столп, и от Российской империи до смерти руки своей не отымать… служить верно будем»[65]. Кроме того, важно отметить, что некоторые народы вошли в состав России в тот момент, когда само их существование, а также национальная, культурная и религиозная идентичность находились под вопросом. Так, по словам Д.С. Ткаченко, «процесс включения в состав России народов различных регионов имел разную типологию. Территориальные приобретения осуществлялись, как правило, с применением военной силы, но в ряде случаев с полным основанием можно говорить и о добровольном присоединении народов, сделавших оптимальный исторический выбор в условиях угрозы порабощения со стороны более опасных и агрессивных соседей»[66]. Например, в середине XVI в. произошло мирное подчинение чувашей. В 1586 г. правитель Кахети Александр II Багратиони просил царя Фёдора Ивановича принять его народ под своё покровительство «ради христианской веры». В 1638 г. с аналогичной просьбой к царю Михаилу Фёдоровичу обратился князь Мегрелии Левон II Дадиани. Можно было бы привести ещё немало подобных примеров. Как считает В.В. Трепавлов, «одним из главных побудительных мотивов к принятию подданства царю в конце XVI – первой половине XVII в. для жителей юго-западной Сибири было избавление от вторжений южных кочевников; с установлением русского правления связывалось прекращение нападений татар на хантов и опустошительных калмыцких нашествий на башкир»[67]. Итак, Россия предоставляла своим новым подданным гарантии безопасности, что само по себе уже было немало.

Помимо внешней угрозы, стремление «инородцев» перейти в российское подданство питала также социально-экономическая мотивация. К примеру,

---

[64] Ткаченко Д.С. Государственное образование в этнокультурной политике России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран. Сборник научных статей, посвящённый 60-летию исторического факультета Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2004. С. 108.

[65] Трепавлов В.В. «Непоколебимый столп»: образ России XVI – XVIII вв. в представлении её народов // ВИ. 2005. № 8. С. 38.

[66] Ткаченко Д.С. Указ. соч. С. 106.

[67] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 39.

туземная элита «стремилась обрести повышенный статус на государевой службе, щедрые пожалования и привилегии…, а простонародье бежало от собственной знати – от налогового гнёта и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни»[68]. Отношения между царской администрацией и новыми подданными «белого царя», как правило, оставались безоблачными до тех пор, пока не происходило ужесточение управленческих порядков на местах. Как полагает В.В. Трепавлов, «пока связь с правительством и "белым царём" ограничивалась положениями первоначальных соглашений о присоединении, то есть взаимными необременительными обязательствами (выплата ясака, вольная служба и др.), пребывание в пределах государства рассматривалось как благо, поскольку наибольшую ценность имела гарантия прав на земли и защита от внешних нападений»[69]. Когда царские бюрократы начинали притеснять «инородцев», те проявляли недовольство вплоть до открытого неповиновения властям (в качестве примера можно привести активное участие народов Поволжья в крестьянских войнах под руководством С.Т. Разина и Е.И. Пугачёва). Таким образом, «необходимость не только пользоваться правами и льготами, но и исполнять обязанности в качестве подданных, существовать в условиях жёсткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась непривычным, тяжким и труднопереносимым бременем для многих "иноверцев»[70].

На протяжении веков в России отсутствовала какая бы то ни было идеология государственной колонизации вновь присоединяемых территорий; никакой методики здесь тоже не существовало: все мероприятия в этой области проводились интуитивно, в зависимости от конкретных обстоятельств[71]. Как отмечает В.С. Дякин, «официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма в целом, не существовало. Эта политика формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе»[72]. После присоединения к империи одни области сохраняли внутреннюю автономию, в других же вводилось прямое управление. Как правило, ликвидировались те административные единицы, население которых оказало вооружённое сопротивление русским войскам (ср. с категорией т.н. «сдавшихся», dediticii, в Римской империи). Так что «под российским протекторатом большинство присоединённых к империи владений сохранили прежнее административное устройство и судебную систему: например, в Грузии гражданские дела было предписано решать по грузинским обычаям и по Уложению царя Вахтанга, в Дагестане и Восточном Закавказье продолжали действовать местные суды, применявшие нормы мусульманского права и местного адата. Признавшие российскую власть местные мусульманские правители теряли право объявлять войну и заключать мир, собирать ополчение,

[68] Там же. С. 41.
[69] Там же. С. 43.
[70] Там же. С. 44.
[71] Лурье С.В. Указ. соч. С. 152.
[72] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. 1995. № 9. С. 131.

но временно сохраняли прежние доходы и судебно-административный аппарат»[73]. В начале XX в. один из аналитиков отмечал по этому поводу: «Имперская политика в национальном вопросе так же пестра и разнообразна в своих проявлениях, как пестро и разнообразно население империи. Те или иные имперские национальные мероприятия зависели от той или иной политической конъюнктуры, от того или иного соотношения сил, от тех или иных личных пристрастий и антипатий. Но цель всегда ясна: исключение политического сепаратизма и установление государственного единства на всём пространстве империи»[74].

Поскольку, как уже говорилось, религиозно-политический фактор совершенно оттеснил на второй план этническую составляющую, имперских администраторов совершенно не интересовали «этнографические детали», как-то: местные обычаи, особенности национального характера, уровень правосознания и т.д. Русские чиновники просто делили всех туземцев на «мирных» и «буйных». Характерно, что во времена Кавказской войны (1817 – 1864 гг.) народы Кавказа «назывались одним именем – черкесов и кратко характеризовались даже в официальных бумагах как мошенники и разбойники»[75]. В реальной политике имперских властей по отношению к «инородцам» административно-фискальные мотивы традиционно преобладали над всеми остальными. Так повелось с тех самых пор, когда завоеватели-монголы «создали на Руси государство китайского образца»[76]. И здесь мы отмечаем одно принципиальное различие между Российской державой и Римской империей: если для последней было характерно – особенно в первые два века её существования – относительно слабое (например, по сравнению с китайской империей Хань) развитие бюрократии и административного централизма при сохранении широкой автономии на местах, то России, напротив, изначально была свойственна ярко выраженная тенденция к бюрократизации и жёсткому административному контролю со стороны центральных властей.

По словам Н.А. Бердяева, «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, всё в России превращается в орудие политики»[77]. Московская бюрократия (система приказов) начала формироваться ещё на рубеже XV – XVI вв. Со временем появились неразрывно связанные с российским делопроизводством понятия «посул», «мзда» и «волокита», присказка «раз берём, разберём» и принцип «кормиться от дел». Количество управленцев в государстве постоянно росло. Так, за 60 лет (1796 – 1856 гг.) численность российских чиновников возросла почти в 6 раз. Любопытно, что «государственный аппарат в

---

[73] История Востока. Т. IV. Кн. 1. М., 2004. С. 146.

[74] Формы национальных движений в современных государствах / Под ред. А.И. Костальского. СПб., 1910. С. 284.

[75] Аракский И.Ф. В Закавказье. СПб., 1910. С. 2.

[76] Нефёдов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 119.

[77] Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 80.

первой половине XIX в. рос примерно в 3 раза быстрее, чем население»[78]. Бюрократия и армия являлись главными инструментами самодержавной власти, но, как выяснилось в начале XX в., отнюдь не самыми эффективными и надёжными её опорами.

Пушкинский царь Борис перед смертью даёт характерное наставление сыну Фёдору: «Будь милостив, доступен к иноземцам, доверчиво их службу принимай»[79]. На протяжении ряда веков иноземцы становились подданными империи и служили ей верой и правдой, порой достигая «степеней известных»: история России знает немало таких примеров. «Формально российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку… Правовые ограничения действовали в зависимости от конфессионального признака и степени владения государственным (русским) языком»[80]. Таким образом, «национальный вопрос» в Российской империи никогда не был первостепенным, и всё-таки он существовал, время от времени обостряясь. Здесь уместно вспомнить о такой антиномии российского бытия, на которую в своё время указал Н.А. Бердяев: казалось бы, «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность»; но вместе с тем «Россия – страна невиданных эксцессов, национализма, угнетения подвластных национальностей, русификации»[81]. Русские изначально весьма настороженно относились к «немцам».

Кого же в России традиционно называли немцами? «Немец» – это любой иностранец, «человек, говорящий неясно, непонятно»[82]. «Немцы» были разные – «аглицкие», «свейские», «гишпанские» и др. Следует отметить, что, несмотря на разные предрассудки и стереотипы, свойственные обывателям, далеко не всегда отношение русских людей к иноземцам было презрительным или враждебным. Что касается этнических немцев (т.е. уроженцев Германии; в конце XIX в. «русские немцы» составляли 1,4 % населения Российской империи – 1,8 млн человек по данным первой переписи населения в 1897 г.), то, как отмечает С.В. Оболенская, в представлениях о них простых русских людей «соседствовали и пренебрежение, и уважение, и добродушная насмешка, и готовность к критике. Наблюдая за немцами и оценивая их, русские исходили из собственных представлений о мире и собственного стиля жизни. Известное, привычное, свойственное им самим они сравнивали с непривычным, чуждым – тем, что они видели в людях, пришедших из другого мира и его сохраняющих, отмечали то, что расходилось с их правилами поведения и то, что вообще, по их мнению, не свойственно было русскому народу. Так в образе немца отражалось представление о самом себе, происходило осмысление собственного образа.

---

[78] Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. М., 1994. С. 581. См. также: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 68 – 70.

[79] Пушкин А.С. Борис Годунов // Пушкин А.С. Сочинения. Т. 2. М., 1986. С. 419.

[80] Дякин В.С. Указ. соч. С. 131.

[81] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 80.

[82] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 62.

Обнаруживая превосходство, проявляли и уважение, и зависть, стремились слегка принизить образ чужого и уверить себя, что русский человек не хуже»[83].

На этом фоне гораздо более однозначным выглядит отношение русских к полякам. В источниках XIX в. сохранилось немало свидетельств русской полонофобии. Например, поручик лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерин считает поляков подлыми, бесчестными и мятежными. «Они стоят так низко, так неумны, что, мне кажется, сей народ весьма обделён природой»[84]. Для поэта-партизана Д.В. Давыдова Варшава была «горнилом козней, вражды и ненависти к России»[85]. Впрочем, Александр I попытался положить конец «старинной вражде» русских и поляков. В 1815 г. Царство Польское получило конституцию, провозгласившую свободу печати, неприкосновенность личности и независимость судов[86]. Однако из этого ничего не вышло: в 1830 г. разгорелось первое польское восстание…

Безусловно, одной из самых сложных проблем имперской политики в отношении национальных окраин был пресловутый «еврейский вопрос», существовавший в России с конца XV в., когда возникла т.н. «ересь жидовствующих»[87]. Со времени борьбы с этой ересью в Московской Руси появилось резко отрицательное отношение к иудаизму и евреям, чего не было до начала XVI в.[88] Иван Грозный запретил еврейским купцам въезд в пределы Российского государства. Однако после Смуты евреи получили свободный доступ во все русские города, включая Москву. Даже такой лояльный к иноземцам государь, как Пётр I, относился к евреям весьма настороженно. Как пишет С.М. Соловьёв, «призывая отовсюду искусных иностранцев, Пётр только для одного народа делал постоянное исключение, для жидов. “Я хочу, – говорил он, – видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают»[89]. Впрочем, известны и другие слова Петра: «Для меня совершенно безразлично, крещён ли человек или обрезан, чтобы он только знал своё дело и отличался порядочностью». Показательно, что к ближайшему окружению Петра I принадлежали вице-канцлер барон П.П. Шафиров и генерал-полицеймейстер Петербурга А.М. Девиер. В декабре 1742 г. был опубликован указ императрицы Елизаветы Петровны о высылке евреев из пределов Российской империи («Во всей нашей империи жидам жить запрещено…»). Однако в «Положении» 1804 г., изданном при Александре I, было провозглашено равноправие евреев: «Все евреи, в России обитающие, вновь поселяющиеся или по коммерческим делам из других стран прибывающие, суть свободны и состоят

[83] Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских. М., 2000. С. 52.
[84] Дневник Александра Чичерина. М., 1966. С. 84, 107, 263 – 264.
[85] Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 241.
[86] Экштут С. Распря // Родина. № 6 – 7. 1992. С. 128 – 131.
[87] См.: Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). Ч. I. М., 2009. С. 18 – 22.
[88] КЕЭ. Т. 2. Иерусалим, 1982. С. 509.
[89] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. VIII. М., 1997. С. 84 – 85.

под точным покровительством законов наравне с другими российскими подданными» (ст. 42). В целом же необходимо подчеркнуть, что любые ущемления евреев в правах, имевшие место в дореволюционной России, были продиктованы отнюдь не юдофобией царского правительства, а всё тем же религиозно-политическим фактором. Поэтому, как только еврей становился ренегатом, переходя в православие, всякие ограничения в правах для него уходили в прошлое. Это было одно из проявлений той политики «русификации», которая проводилась российским правительством вплоть до распада империи в 1917 г.

Итак, обе империи, Римская и Российская, сохраняли относительную внутреннюю стабильность до тех пор, пока существовал баланс интересов имперского правительства и местных элит; как показал исторический опыт, минимум администрирования и вмешательства в управление на местах со стороны центральной власти при условии сохранения автономии вновь присоединённых областей, а также гибкая политика в отношении «национальных меньшинств» и особенно местных элит являются мощным фактором политической стабильности крупных держав, возникших в результате многовековой территориальной экспансии. Сбалансированное распределение властных полномочий между центром и регионами, их тесное взаимодействие в процессе управления, а также взвешенная национальная политика, лишённая великодержавных «перегибов» и крайних проявлений шовинизма, делают многонациональную страну в значительной степени устойчивой и монолитной перед лицом внешних угроз. Одной из главных причин распада Римской и Российской империй – наряду с острейшими социально-экономическими противоречиями, просчётами в национальной политике, развалом военной машины и идеологическим кризисом – явилась вопиющая неэффективность непомерно разросшегося бюрократического аппарата. Самодовлеющее полицейское государство с присущими ему коррумпированностью и тупым деспотизмом, как свидетельствует опыт истории, обречено на бесславный конец.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории
КЕЭ – Краткая Еврейская Энциклопедия
УЗЛГУ – Учёные записки Ленинградского государственного университета
HSCPh – Harvard Studies in Classical Philology

Буров А.В.,
Нижний Новгород, НГПУ

К.П. Победоносцев о православном воспитании и образовании.

К.П.Победоносцев - видный теоретик и практик русского консерватизма, с именем которого связана целая эпоха в религиозно - духовной жизни России XIX

в., родился 21 марта 1827 г. Он был одиннадцатым ребенком в семье профессора российской словесности Московского университета, “человека, по словам И.А. Гончарова, старого века”. По версии Андрея Белого, далекие предки мыслителя, проживающие в киргиз-кайсацкой орде (название киргизской народности, распространенное в XVIII-XIX вв.), в царствование императрицы Анны Иоанновны поступили на русскую службу. До 13 лет он под руководством отца получал основательную домашнюю подготовку. В семье свято соблюдался церковный обряд. В 1846 г. К.П.Победоносцев окончил Санкт-Петербургское училище правоведения. Единственно, чем он вызывал недовольство училищного начальства – неумеренным чтением. У него часто отбирали сочинения Лермонтова, Гоголя, «Отечественные записки» и пр.

По словам Ф.М. Достоевского, он самый уважаемый им человек, к которому приходил он “дух лечить”, испрашивать “напутственное слово”. И почитатели, и противники К.П.Победоносцева одинаково признавали в нем человека государственного ума, колоссальных знаний, неподкупной честности и изумительного трудолюбия. «Он все читал, за всем следил, все знал»[1], - отмечал его биограф Б.Б. Глинский. Будучи воспитателем цесаревича Александра III, К.П.Победоносцев сформировал основные религиозные взгляды будущего монарха, чье царствование исследователи часто называют «периодом успокояния и стабильности». Ушедший в отставку в 1905г., он, по словам А.Ю. Полунова, «был в чем-то дальновиднее своего прагматичного века, главное внимание обращавшего на ближайшие практические задачи...»[2].

По утверждению исследователя А.М.Пешкова, «идеологические воззрения К.П. Победоносцева…имеют во всех своих аспектах внутреннее единство. Мировоззренческой основой этой цельности взглядов Константина Петровича, определявшей его мышление и деятельность, - пишет современный исследователь, - было ортодоксально-консервативное по своей доктрине русское православие, защита и утверждение которого было всем делом его жизни»[3]. Вместе с тем, К.П.Победоносцев отнюдь не стремится выстраивать из своих религиозных воззрений стройный каркас новой метафизической системы: для него абсолютны те истины, которые постулировала Русская православная церковь. Мировоззрение К.П.Победоносцева по своему характеру теоцентрично: и в личной жизни, и в мышлении, и в политике он православный христианин.

К.П.Победоносцев стремился к народной вере, на которой укреплялась вера в монархию, в ее чудодейственную силу. Русский человек душой и обычаями понимает, что значит храм Божий, утверждает он. Чтобы понять истинный мистический смысл церкви и полюбить ее как свою, нужно жить жизнью народа, молиться вместе с ним в одном церковном собрании, испытывая чувство религиозного восторга. Он видит неразрывную связь церкви с властью,

---

[1] Глинский Б.Б. К.П. Победоносцев. (Материалы к биографии) // К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 414.

[2] Полунов А. Ю. Рыцарь несвободы // Родина. 1995. №1. С. 5.

[3] Пешков А.М. «Кто разоряет, мал во царствии христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. М., 1996. С.3.

рассматривая власть в контексте христианского вероучения, убежденный в том, что религиозное чувство, как и чувство любви к Родине, родом из детства.

Отсюда не случайно то особое место, которое занимали вопросы школьного воспитания и образования в его философско-публицистической деятельности. Человек, по К.П.Победоносцеву, должен быть цельным. В первую очередь этому должна способствовать школа, осуществляющая просвещение, включающее образование и воспитание, под сенью православной церкви. Церковно-приходскую школу «он, - указывает Б.Б. Глинский, - поднял и вынес на своих плечах»[4]. Сделав на нее ставку, К.П.Победоносцев обосновывал ее важность и необходимость для России. «Против светской, прежде всего земской школы, - пишет Б.П. Тебиев, - он выдвинул целый ряд серьезных обвинений. Суть их сводилась к тому, что земская школа, во-первых, слишком обременительна для России в материальном отношении, и, во-вторых, она вообще не соответствует потребности и духу русского народа-богоносца»[5]. Кроме того, резюмирует мыслитель, стоит сейчас войти в школьную церковь, возмущается он, сразу же откроется взгляду «бездумно стоящее начальство», дети, напоминающие кукол и т. д. Подобное просвещение «мертво само по себе и в детских умах, и в устах преподавателей». Учение превращается в «мучение». А это неизбежно отрывает детей от жизни, лишает их возможности жить «насущным хлебом», умением делать «известное дело».

Характерно, что организация церковно-приходских школ весьма негативно воспринималась либеральной публикой. В частности, по их обоснованию, из-за значительных расходов, затраченных, по словам либералов, на их содержание. Хотя эти школы содержались большей частью за счет средств общественных организаций: попечительных советов и органов общественного самоуправления, земств. Возможно, либеральная интеллигенция увидела в нововведениях К.П.Победоносцева нечто большее, нежели просто реформу начального образования в России. Многие исследователи отмечают, что К.П.Победоносцев стремился к построению здания государственности именно «на прочном религиозном фундаменте».

Неудивительно, что из двух систем просвещения (выдвигающей на первый план обучение и уделяющей внимание преимущественно воспитанию) он признает насущную необходимость для России лишь последней. Данные взгляды им всесторонне обоснованы в статьях циклов «Московский сборник» и «Учение и учитель». Характерно, что свою систему просвещения К.П.Победоносцев стремится максимально соединить с жизнью. Ибо просвещение, уходящее от жизни, становится искусственным, формальным и мертвым. Бесспорно, что для К.П.Победоносцева ученье - свет, а неученье - тьма, но, утверждает он, «необходимо знать меру и руководствоваться здравым смыслом, а главное - не насиловать… свободу, о которой столько твердят и которую так решительно

[4] Глинский Б.Б. К.П. Победоносцев. (Материалы к биографии) // К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 405.

[5] Тебиев Б.П. К.П. Победоносцев: легенда и реальность // Советская педагогика. 1991. №3. С. 19.

нарушают»[6]. Никто не обращает внимания, сетует К.П. Победоносцев, что школа, в современном ее состоянии, все более становится обманом, химерой, если она «не вросла…корнями…в народ, не соответствует его потребностям»[7].

Школа, по его мнению, имеет права на существование, если находит отклик в народе и отторгается, если она ему навязана, а ее деятельность сопряжена с насилием, организована «не по народному вкусу и потребности, а по фантазии доктринеров». Тогда школа перерождается, уподобляется канцелярии. Таким образом, К.П.Победоносцев раскрывает истинно народное понимание школы, которая учит читать, писать и считать, но в то же время находится и в нераздельной связи с церковью. В этом случае, она «учит знать Бога…любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей»[8]. Вот тот необходимый набор, говорит мыслитель, суммы знаний, умений и ощущений, которые в своей совокупности образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями человеческой природы, дьявольскими внушениями и соблазнами. Знание, само по себе, не воспитывает ни умения, ни воли, утверждает К.П.Победоносцев. Ученые не хотят понять, сетует он, что «народ чувствует душой, что эту истину нельзя уловить материально, определить числом…абсолютная истина доступна только вере»[9].

В этой связи, воспитание есть в первую очередь осуществление религиозно-нравственного развития, так как только Закон Божий может сформулировать истинное понимание нравственного долга. В противном случае, нравственность неизбежно утрачивает божественную санкцию, превращаясь лишь в обязательство человечества перед самим собой. Неудивительно, что главной основой всякого просвещения К.П.Победоносцев определял Слово Божие. А поэтому просвещение, по его глубокому убеждению, должно быть проникнуто религиозно-нравственным началом, формировать которое наставлениями - «фальшивое дело».

По мнению мыслителя, наиболее вреден «французский» вариант, когда педагоги «делают из нравственности учебный предмет». По его мнению, все навыки утвердить школу «помимо религии на нравственном учении всегда окажутся и оказываются бесплодными». Ибо нравственные начала тотчас же «испарятся и исчезнут...уступив место материальным побуждениям». Лишь просвещение, построенное на религиозных началах, пишет К.П. Победоносцев, «вводит душу в новую, духовную сферу... открывает ей горизонты духовной жизни...»[10]. Наблюдая за развитием врожденных и усвоенных душевных способностей с самого раннего возраста, можно проследить, утверждает он, фиксацию внимания учащихся на самых важных вопросах: что есть Бог, в чем

---

[6] Победоносцев К.П. Народное просвещение // К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 123.
[7] Там же. С. 123.
[8] Там же. С. 123.
[9] Там же. С. 166-167.
[10] Победоносцев К.П. Ученье и учитель: Педагогические заметки // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 490.

выражается его промысел. А поэтому «первой, основной, живой, православной, действенной школой Закона Божия является церковь»[11], – убежден мыслитель. Для него закономерно, что в основе подлинного просвещения лежит система религиозных верований, ибо нет «цельного и свежего народа, который не имел бы веры».

Он развенчивает любые авторитеты, прежде всего, несущие государственное начало, критикует систему воспитания верного государству и трону подданного[12]. Добрые люди, заявляет К.П. Победоносцев, надеялись воспитать своих детей в истинно народном духе, который, учитывая силу традиций, воспитывал бы такие качества, как честность и правдивость. Но вместо школы, прививающей добрые нравы, России навязывают школу, совершенно отрешенную от жизни, которая не воспитывает, а развращает. Во главу угла ставятся призраки всеобщей свободы, равенства. Но свободы от чего, недоумевает мыслитель? От своих обязанностей, установленных вековыми нормами и устоявшимися формами русской народной жизни? В результате человек «окружен со всех сторон призраками и образами дела, которые тревожат его, но истинное, реальное дело исчезает у него под руками – и не делается»[13].

Для борьбы со сложившимся положением вещей, К.П. Победоносцев предлагает реформировать существующую школу. Она, по его глубокому убеждению, способствуя развитию общества и его национального духа, должна соответствовать потребностям народа, не расходясь с укладом народного быта, должна готовить не к идеальной, но к реальной жизни. Разработка воспитания достойного и творчески мыслящего члена общества составляет одну из важнейших страниц философского наследия К.П. Победоносцева. Много размышляя над совершенствованием школьного дела, он, тем не менее, не постулирует некую единую всеобщую систему образования и воспитания России.

Школа учит не только читать, писать, считать, но и любить Отечество, родителей. Все это хорошо, но, как отмечает К.П. Победоносцев, она, подчас отрывает ребенка от среды, в которой «он привыкает к делу своего звания — упражнением с юных лет и примером»: моряк воспитывается для своего дела, земледелец и рудокоп — для своего. Мы же, сетует К.П. Победоносцев, «хотим иной раз вместить в ребенка энциклопедию знаний», заставляя будущего крестьянина знать химию, физику, медицину, которые ему в таком объеме не нужны. Но, отрывая детей от домашнего очага и отправляя их в школу «с такими мудреными условиями», семья лишается помощника, необходимого крестьянскому хозяйству. Воспитанники развращаются педагогами, которые наводят на них «миражи мнимого... и отрешенного от жизни знания». Исходя из этого, К.П. Победоносцев постоянно подчеркивает мысль о трансформации школы в «обманчивую форму», если она «не вросла самыми корнями своими в

[11] Победоносцев К.П. Ученье и учитель: Педагогические заметки // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 491.
[12] Победоносцев К.П. Московский сборник // К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С 142.
[13] Там же. С.141.

народ, не соответствует его потребностям, не сходится с экономикой его быта»[14]. Поэтому система образования должна готовить, в первую очередь, энергичных и практичных людей, способных самостоятельно справляться со всеми затруднениями и осложнениями жизни, т.е. людей дела.

«Первоначало» всякого воспитания, по К.П.Победоносцеву, - выработка порядка в делах, «привычка делать все в свое время», вследствие чего «правое дело становится проще и естественнее неправого»[15].

Краеугольным камнем в воспитании добрых навыков является «порядок каждого в отдельности и целого класса». Такой порядок, облегчая приобретение добрых навыков, закрывает дорогу всему дурному. По утверждению К.П. Победоносцева, навык — великое дело, именно в нем содержится «соблюдательная» (консервативная) сила, как для отдельного человека, так и для общества в целом. Навык закрепляется в сознании и требует определенного «умения воли», он выше инстинкта, которого, по мнению К.П. Победоносцева, явно недостаточно «для предохранительной цели». Добрые навыки утверждаются практикой, дурные же искореняются сокращением случайных поводов, которые к ним ведут.

Только после закрепления «порядка в малостях», умения «держать дисциплину» воспитуемый способен подняться на следующую ступень — взращивания и поддержки стремления к самодеятельности. Осознание же своей силы порождает чувство удовлетворения тем, что делаешь. А это «самое сильное воспитательное средство». Но самодеятельность нужно постоянно поддерживать, ибо в противном случае она слабеет и «стынет в механическом навыке». Для этого К.П. Победоносцев предлагает трехступенчатую схему развития воспитуемого: «пробую» — «сделаю» — «пойду дальше». Он говорит о разумной инициативе, о прививании навыков думать, размышлять и принимать решения самостоятельно. После того, как обдуманное решение принято, нужно действовать, претворять задуманное в жизнь, формируя свой неповторимый опыт в делах. Достигнув определенных результатов, плодов своего творчества, ни в коем случае нельзя останавливаться в своем развитии, нужно двигаться дальше, ставя перед собой еще более серьезные цели.

Для искоренения невоспитанности, грубости, эгоизма, по мнению мыслителя, следует укоренить обычай возлагать «разумную и ответственную заботу» о нуждах товарищей на самих учеников, поочередно назначая их старостами, префектами своего класса, своей школы. Нужно помнить, подчеркивает К.П. Победоносцев, что «каждый из учеников станет когда-нибудь в своем месте гражданином, а школа должна приучить его руководствоваться... не личным интересом и самолюбием»[16]. По его непоколебимой уверенности, истинная свобода состоит отнюдь не в своеволии, для нее характерны «твердые правила, что следует делать и чего делать нельзя...»[17]. В этой связи приучение

[14] Там же. С. 123-125.
[15] Победоносцев К.П. Воспитание характера в школе. СПб., 1900. С. 5.
[16] Победоносцев К.П. Воспитание характера в школе. СПб., 1900. С. 8.
[17] Там же. С. 8.

детей к правдивости — дело великое. Анализируя механизмы, инициирующие становление этого качества, К.П.Победоносцев вырабатывает способы «лечения» от лжи, важнейший из которых воспитание чувства собственного достоинства. Он утверждал, что «идеал ребенка - быть большим человеком». Учителю же важно осознать, как этот идеал может разрушаться и искажаться ложью[18].

Приобретя навыки и знания начальной школы и не оторвавшись вместе с тем от родной и близкой среды, дети, по К.П.Победоносцеву, должны «взрасти в строителей не только своей судьбы, но и судьбы общества в последовательной смене работников, выходящих на общую ниву труда»[19].

Венцом воспитания К.П. Победоносцев видит Государство, которое должно воспитывать народ, как семья воспитывает ребенка, а монарх должен нести тяжелый крест «отца нации», исполняя свое «служение». Восприятие монарха как «отца нации», вполне укладывается в социальную позицию К.П. Победоносцева. Возлагая на «отца - монарха» надежды в деле нравственного улучшения русского народа, он был неодинок. Некоторые современные исследователи считают, что патерналистское начало оказало огромное влияние на ход русской истории[20] [8, с.75].

К.П.Победоносцевым было сделано очень многое, чтобы принципы просвещения, созидающиеся на основах русского православия, получили свое воплощение в государственно-церковной политике, осуществлением которой стала система церковно-приходского образования в России. Церковно-приходские школы, хотя и не могли существенно просветить национальные окраины, свою положительную роль выполнили. К концу XIX в. церковно-приходская школа уже крепко становится на ноги. В 1887г. церковно-приходских школ было 5517, в 1889г. – 17715, а в 1905г. – 42696 почти с 2 миллионами учащихся, что составляло 46,5% от всего числа начальных школ.

[18] Там же. С. 9.

[19] Победоносцев К.П. Ученье и учитель: Педагогические заметки // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 495.

[20] Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 2001. С. 75.

Царёва М.С.,
Москва, МГЮА

Латинская терминология в учебном курсе «Международное частное право»

Важную роль в учебном плане Московской Государственной Юридической Академии (МГЮА) традиционно играет общий курс «Международное частное право» (МЧП), в рамках которого студенты, изучающие французский язык как первый иностранный, читая специально подобранные тексты на французском языке, знакомятся с целым рядом современных правовых категорий и обозначающими их латинскими терминами. В этой связи немалое значение приобретает знание специальной латинской терминологии, усвоение которой происходит в процессе изучения римского права. Необходимо особо подчеркнуть следующее обстоятельство: если генетически современные правовые нормы, безусловно, восходят к старинным нормам римского права (о чём свидетельствует, в частности, латинская юридическая терминология), то, по существу, между первыми и вторыми на сегодняшний день существует «дистанция огромного размера». Рассмотрим это положение на конкретных примерах.

Ниже речь пойдет о таких юридических формулах, как lex loci actus (закон места совершения акта), lex loci delicti commissi (закон места причинения вреда) и lex loci contractus (закон места совершения договора). Как известно, lex loci actus в современном международном частном праве выступает в качестве формулы прикрепления, означающей применение права того государства, на территории которого совершён гражданско-правовой акт. Вариантами этой обобщённой формулы являются lex loci delicti commissi и lex loci contractus. В соответствии с коллизионной привязкой lex loci delicti commissi для регулирования отношений, возникающих вследствие причинения вреда, должно применяться право государства, на территории которого был причинён вред. Что касается lex loci contractus, то данный закон означает необходимость применения права того государства, где заключён договор. Эта привязка используется в основном при определении вытекающих из него прав и обязанностей сторон. Lex loci contractus наряду с законом местонахождения вещи (lex rei sitae[110]) является одной из первых категорий, исторически сложившихся в коллизионном праве, и используется для регулирования обязательств, вытекающих из договоров. На современном этапе lex loci contractus применяется всё реже, поскольку с расширением практики заключения договоров путём переписки (почта, телеграф,

[110] Закон местонахождения вещи (lex rei sitae) предусматривает необходимость применения права государства, на территории которого находится вещь, являющаяся объектом соответствующего правоотношения. Обычно в объёме коллизионных норм с таким типом привязки содержится указание на правоотношения, возникающие в связи с появлением, изменением или прекращением права собственности на имущество и других вещных прав, определением их объёма, а также правового положения тех или иных материальных объектов.

факс и т.д.) договор потерял реальную, физическую связь с территорией какого-либо государства. Место заключения договора из фактической категории превратилось в юридическую, по-разному трактуемую в праве разных государств.

О средневековой Италии Данте в начале XIV в. писал: «Италия, раба, скорбей очаг, / В великой буре судно без кормила, / Не госпожа народов, а кабак!» («Чистилище», песнь VI). Страна была раздроблена, и в каждом городе-государстве был свой статут. В случае возникновения юридических споров судьи обычно обращались к праву того города-государства, на территории которого был заключён контракт. С XVI в. в европейском праве существует принцип автономии воли, впервые сформулированный Шарлем Дюмуленом (1500 – 1566). Этот выдающийся легист и комментатор кутюмов считал, что при разрешении коллизионных вопросов следует применять то право, которое имели в виду стороны, заключившие договор. Если текст договора не позволяет выявить это право со всей определённостью, необходимо обратить внимание на обстоятельства, при которых была выражена воля сторон, дабы уяснить то право, которое они имели в виду, но определённо не назвали. В наше время в спорах, касающихся формы, французские суды применяют традиционные нормы итальянского права, выбирая lex loci contractus. По существу, речь идёт о применении принципа автономии воли. В начале XX в. этот принцип прочно закрепился в европейской судебной практике, а в 1980 г. был подтверждён Римской конвенцией.

В Средние века, когда возродилось изучение римского права, италийских и французских юристов занимали два типа конфликтов: между римским правом и местными правовыми системами, а также между законами разных городов-государств (речь идёт о т.н. статутах). Для решения этих конфликтов правоведы старались привязать конкретный казус к нормам римского права посредством глоссы (комментария). Глоссаторов как знатоков права отличал известный прагматизм. Школу глоссаторов основал болонский юрист Ирнерий (ок. 1050 – после 1125). Последним выдающимся глоссатором был Аккурций, который около 1250 г. опубликовал в едином сборнике глоссы своих предшественников и современников, сделанные по тексту Кодекса, Дигест и Институций Юстиниана (т.н. «Большая глосса»). На основе этих трудов возникли некоторые общие категории международного частного права. Прежде всего, это различие между судебной процедурой, регулируемой законом суда, и существом дела, регулируемым местным законодательством. Затем возникает различие между вещным и личностным статутами. Наконец, появляется противостояние между статутом правонарушения и статутом договоров. В конечном счёте итальянскими и французскими юристами были выведены lex loci actus (закон места совершения акта), lex loci delicti commissi (закон места причинения вреда) и lex loci contractus (закон места совершения договора).

В Древнем Риме термином Lex обозначался закон, который формулировался высшими магистратами Римской республики по конкретной проблеме, принимался в комициях и утверждался сенатом[111]. В словосочетании

[111] Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 179 слл.

lex loci actus центральным является термин actus, образованный от глагола agere – действовать, исполнять, вести процесс. Здесь имеется в виду создание любого юридического факта, от которого будут зависеть правовые последствия. С actus непосредственно связано такое понятие гражданского права, как иск (actio). Для архаического права не менее важное значение имело место действия – locus. В своём первоначальном значении locus – это точное положение земельного участка[112]. Термин применялся в разных сферах общественной жизни. Так, неприкосновенность locus religiosus объяснялась тем, что он был посвящён богам. Римские магистраты были обязаны обеспечивать правовой защитой все loci publici (места общественного значения). Особо выделялся locus certus – место договорного исполнения (actio de eo quod certo loco). В гражданских правоотношениях со временем закрепился такой вид иска, как controversia de loco, отражавший формирование римского земельного права.

Lex loci contractus в настоящее время продолжает линию развития особой отрасли римского гражданского права – учения об обязательствах (obligationes). Определение римского юриста Павла гласит: «Сущность обязательства состоит не в том, чтобы сделать какой-нибудь предмет или сервитут нашим, но чтобы обязать другого перед нами, с тем, чтобы он что-нибудь нам дал, сделал или предоставил» (Dig. 44. 7. 3). Возможно, это классическое определение в какой-то степени поможет студентам понять суть договорных отношений на современном этапе; во всяком случае, надлежит напомнить учащимся значение таких терминов римского права, как обязательство (obligatio), контракт (contractus) или сервитут (servitutus, т.е. «рабство вещи»). Примечательно, что в римском праве были чётко определены субъекты обязательств (creditor, debitor), а также предмет обязательства (obligatio), предоставлявшийся посредством формулы: dare, facere, praestare. Наконец, в римской правовой системе были оформлены вещные обязательства (ссуда, залог, хранение); обязательства из договора (obligationes ex contractu); вербальные обязательства, постепенно перешедшие в письменные (литеральные), и т.д.[113]

Здесь важно отметить, что в древности контракты составлялись преимущественно как односторонние. В римском гражданском праве контракт представлял собой конкретный вид сделки с целью экономической выгоды и при взаимном согласии сторон. Только в конце античной эпохи получают распространение двусторонние контракты. В римском гражданском праве delictum – это правонарушение с причинением вреда физическому лицу или имуществу. В древности деликтом считалось также нарушение запрета, в результате чего возникали новые правовые обязательства (obligationes ex delicto). Деликты квалифицировались римскими магистратами: delicta privata – в частноправовых отношениях, delicta publica – в общественной жизни[114].

---

[112] Гвоздева И.А. Аграрный спор de loco в сочинениях римских землемеров // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2001. № 2. С. 3-16; она же. Controversia de locis relictis et extra clusis в римском аграрном праве // ДВАМ. Вып. VI. М., 2004. С. 250.

[113] Франчози Дж. Институционный курс римского права. М., 2004. С. 349 слл.

[114] Бартошек М. Указ. соч. С. 104-105; Франчози Дж. Указ. соч. С. 400-402.

Lex loci contractus на сегодняшний день сохраняется в законодательстве ряда европейских государств (в частности, Франции и Италии), где эта категория Ius Civile используется преимущественно в составе субсидиарных норм опосредованно к воле сторон. Что касается российского законодательства, то пункт 1 статьи 1209 ГК РФ (2001 г.) устанавливает, что «форма сделки подчиняется праву места её совершения», в то время как пункты 2 и 3 той же статьи оговаривают исключения из этого правила, подчёркивая, что форма внешнеэкономических сделок с участием российских юридических лиц и граждан, а также сделок, предметом которых являются строения и другое недвижимое имущество, находящееся на территории нашей страны, определяется в соответствии с правовыми нормами РФ. При этом следует иметь в виду, что применительно к внешнеэкономическим сделкам ГК РФ устанавливает обязательность соблюдения простой письменной формы, невыполнение которой влечёт за собой их недействительность. Это предписание Гражданского кодекса следует понимать ограничительно: «установленное правило должно толковаться не как общее, а только как относящееся к сделкам (независимо от места их совершения), хотя бы одной из сторон которых является российское юридическое лицо или российский гражданин».

Форма международных договоров традиционно регулируется законодательством той страны, на территории которой они были заключены. Речь идёт о применении правила, зафиксированного ещё в Средние века: locus regit actum. Однако в XX в. этому правилу был придан факультативный характер. Стороны могут регулировать форму международного договора не только в соответствии с правом той страны, где он был заключён, но и исходя из принципа автономии воли.

Разнообразие национального законодательства по вопросам договорного права объясняет существование коллизии законов. В Средние века договор локализовался объективным фактором – местом его заключения. Поговорка *locus regit actum* применялась как к форме, так и к существу договора. В XIX в. развитие международной торговли выявило недостаточность фиксированной привязки; было признано, что договаривающиеся стороны могут выбрать применимое право. Упомянутое бурное развитие международной торговли вынудило государства рассмотреть вопрос о создании особых правил на основе международных конвенций. В самом деле, разнообразие ясно проявляется в XX в. Правила коллизии законов, принятых в ведущих странах мира, не являются идентичными. Это обстоятельство стало источником неопределённости для юристов-практиков. Кроме того, добавлялись различия в области договорного права. Так что судьба контракта зависела от суда, который рассматривал дело. В настоящее время применение lex loci delicti commissi в рамках действий по деликтной (внедоговорной) ответственности обосновывается следующим образом. Во-первых, юридическая мысль исходит из постулата о государственном суверенитете, который гласит, что любой деликт естественным образом должен регулироваться правом того государства, на территории которого он произошёл. Во-вторых, lex loci delicti commissi рассматривается как закон, под действие которого с неизбежностью подпадает злоумышленник в момент совершения

правонарушения, тогда как его жертва вправе рассчитывать на защиту со стороны закона той страны, на территории которой она находилась в момент причинения ей ущерба. Наконец, lex loci delicti commissi легко определить, ибо в этом случае судья применяет простой и эффективный способ территориальной локализации факта нанесения ущерба, облегчая вынесение решения по внедоговорной ответственности, когда с неизбежностью ставится вопрос о понесённом ущербе.

Следовательно, представляется интересным знакомить студентов Института международного частного права МГЮА, изучающих французский язык как первый иностранный (8 часов в неделю), с аутентичными текстами по предложенной тематике и показывать употребление уже знакомых для них понятий их общей истории МЧП в контексте МЧП Франции. В качестве примеров ниже приводятся выдержки из текстов, касающиеся истории возникновения данных понятий и категорий (1), цитируются тексты, связанные с каждым из рассматриваемых латинских терминов: lex loci delicti commissi (3), lex loci actus или locus régit actum (4), включающий в себя lex loci contractus (5). Безусловно, в рамках данной статьи не представляется возможным предоставить весь объем изучаемых тестов по данным латинским терминам, а, следовательно, представленные ниже выдержки следует рассматривать в качестве примеров изучаемых аутентичных текстов на французском языке.

1) L'École italo-française (XIII-XV siècles)

Avec la renaissance des études de droit romain, les auteurs enseignant dans les premières universités sont frappés par l'existence de deux types de conflits : d'une part, entre le droit romain, modèle de raison, et le droit particulier à chaque cité; d'autre part, entre les droits des différentes cités (statuts). Pour résoudre ces conflits, les auteurs vont avoir recours à leurs méthodes habituelles, qui consistent à se rattacher à un texte du droit romain par la méthode de la glose. C'est ainsi que les glossateurs, jusqu'au milieu du XIIIe siècle, puis les post-glossateurs, à partir de cette date, vont raisonner en envisageant un certain nombre d'hypothèses pratiques. C'est le cas notamment d'Accurse, qui écrit en 1228 une glose en marge de la première constitution de Justinien, glose répandue ensuite dans toute l'Europe. Des mots par lesquels commence la première constitution de Justinien (« Cunctos populos... »), Accurse en déduit que le statut ne lie que les sujets (« siatutum non ligat nisi subdidos »). Il applique cette solution pour résoudre les cas pratiques, et notamment celui-ci resté célèbre. Accurse envisage un Bolonais, de passage à Modène, et qui vient à tester dans cette ville. Son testament doit-il être conforme aux statuts de Modène ou à ceux de Bologne Accurse répond : « Si un habitant de Bologne se rend à Modène, il ne doit pas être régi par les lois de Modène auxquelles il n'est pas soumis ». De telle sorte que, sans dogmatisme, par des écrits très scolastiques et casuistiques, les jurisconsultes vont analyser chaque statut pour en déterminer l'application suivant sa nature.

De ces travaux se dégagent quelques grandes catégories du droit international privé. La première est la distinction entre la procédure, soumise à la lex fori, et le fond, soumis à la loi locale. Distinction fondamentale puisqu'elle implique la possibilité pour le juge d'appliquer une autre loi que la sienne. Ensuite apparaît la distinction, pour le fond, entre les statuts réels et les statuts personnels. Enfin apparaît l'opposition entre le statut des délits et le statut des contrats. Par ailleurs, un certain nombre de rattachements

sont mis au jour par les auteurs italiens et français : « lex rei sitae » (loi du lieu de situation du bien), « locus régit actum » (loi du lieu où l'acte est passé) ou encore « lex loci delicti » (loi du lieu du délit).[115]

2) Faits juridiques et lex loci delicti

Faute de règle de conflit énoncée par le code civil, la jurisprudence a repris la solution traditionnelle : la responsabilité extra-contractuelle est régie par la loi du lieu du délit (Civ. 25 mai 1948, *Lautour).* C'est la solution traditionnelle depuis le Moyen Age : « *lex loci delicti ».*

Plusieurs justifications peuvent être avancées en faveur de cette solution. D'un côté, le lieu du délit est le seul rattachement objectif sous l'angle de la localisation du rapport de droit. On ne voit pas, notamment, comment trancher entre la loi nationale de l'auteur et celle de la victime. D'un autre côté, les conséquences d'un délit intéressent nécessairement l'État sur le territoire duquel l'accident s'est produit. Enfin, cette solution est indispensable en matière de circulation routière, notamment pour assurer le respect du code de la route.

Au demeurant, lorsque la responsabilité a son origine dans un accident de la circulation routière, la Convention de La Haye du 4 mai 1971 sur la loi applicable à ces accidents, entrée en vigueur le 3 juin 1975, retient l'application, sous diverses nuances, de la loi du pays où l'accident est survenu.

3) Actes juridiques et lex loci actus et/ou locus régit actum.

Au fond, la loi d'autonomie, c'est-à-dire celle que les parties ont choisie expressément ou implicitement, s'applique. Non prévue par le code civil, la solution a été peu à peu dégagée par la jurisprudence et proclamée au début du XXe siècle par la Cour de cassation (Civ. 5 déc. 1910, *American Trading).* Cette solution repose sur la nécessité de laisser aux contractants une marge de liberté : choisir la loi de leur contrat assure aux parties la prévisibilité et leur permet d'élaborer le régime juridique qui convient à l'opération contractuelle.

La loi d'autonomie a été consacrée par la Convention de Rome du 19 juin 1980 sur la loi applicable aux obligations contractuelles. En vigueur depuis le 1er avril 1991, cette convention conclue entre les États membres de la Communauté européenne, est devenue le droit commun des contrats internationaux.

La forme des contrats internationaux est traditionnellement régie par la loi du pays où ils sont conclus. C'est l'application de la règle dégagée au Moyen Âge : « *locus régit actum* ». Mais, les nécessités du commerce international ont conduit la jurisprudence à assouplir cette règle de conflit : la Cour de cassation a proclamé le caractère facultatif de la règle « locus régit actum » (Civ. 28 mai 1963, *Chaplin).* Les contractants peuvent soumettre la forme du contrat international, non seulement à la loi du pays de sa conclusion, mais aussi à la loi d'autonomie. Cette option a été consacrée par la Convention de Rome du 19 juin 1980 sur la loi applicable aux obligations contractuelles.

Les actes juridiques conclus en droit de la famille obéissent toutefois à d'autres rattachements. Si les mariages, reconnaissances d'enfant naturel, ou testaments sont soumis, quant à la forme, à la loi du lieu où ils sont passés, au fond, ils sont régis par la

[115] Droit international privé. Patrick Courbe. Paris. 2003. P.22-23.

loi personnelle pour les actes extrapatrimoniaux et par la loi successorale pour les testaments.[116]

5) Détermination de la loi contractuelle

La diversité des législations internes sur le droit du contrat explique l'existence de conflits de lois. Ainsi, peut-on constater des divergences dans les réglementations étatiques concernant les caractères de l'offre, le lieu et la date de formation du contrat, le rôle du silence dans l'acceptation, l'importance du formalisme, les délais de prescription, les faits générateurs de responsabilité contractuelle, les clauses d'exonération, clauses pénales, clauses de force majeure, etc.

Cette diversité est ancienne, et la question de la loi applicable au contrat s'est posée dès le Moyen Âge. À l'époque, le contrat est localisé par un rattachement objectif : le lieu de sa conclusion. L'adage «lex loci contractus» s'applique aussi bien au fond qu'à la forme du contrat. C'est au cours du XIX' siècle, lorsque le développement du commerce international a mis en relief l'inadaptation d'un rattachement fixe, qu'il a été admis que les contractants puissent choisir la loi applicable. D'emblée, la liberté reconnue aux parties a été plus grande qu'en droit interne, dans la mesure où le contrat pouvant être rattaché à plus d'une loi, aucune d'elles ne s'impose d'emblée. Le recours au principe d'autonomie de la volonté a été consacré par la jurisprudence au début du XX' siècle, la Cour de cassation déclarant : « la loi applicable aux contrats soit en ce qui concerne leur formation, soit quant à leurs effets et conditions, est celle que les parties ont adoptée » (Civ. 5 déc. 1910, American Trading Co.j. Puis, les parties n'ayant pas toujours choisi la loi du contrat, la jurisprudence a forgé une solution dualiste, la Cour de cassation déclarant : « la loi applicable aux contrats... est celle que les parties ont adoptée; à défaut de déclaration expresse de leur part, il appartient aux juges du fond de rechercher, d'après l'économie de la convention et les circonstances de la cause, quelle est la loi qui doit régir les rapports des contractants » (Civ. 1er, 6 juill. 1959, Renel*)*[117]

Сведения об авторе: Царева Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший преподаватель Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького по специальности «Литературное творчество, художественный перевод». Защитила кандидатскую диссертацию в 2008 г. «Писатель и институты художественной жизни современной Франции».

[116] Ibid. P.42.
[117] Ibid. P.274-275.

Хитрун Н.В.
ООО НИП «Этнос»,
Нижний Новгород

МЕТАФИЗИКА КРАСОТЫ В РЕНЕССАНСНОМ НЕОПЛАТОНИЗМЕ

В эпоху Ренессанса понимание метафизической ценности красоты, ее философское обоснование достигают одного из наиболее значимых исторических моментов во второй половине XV столетия (Quattrocento), главным образом, в кругу Флорентийской Платоновской Академии. С тех пор, как важной стороной духовной жизни становиться эстетическая, здесь, в атмосфере ренессансного неоплатонизма понятиям добра, любви и красоты придается колоссальное значение. В рамках неоплатонического мировоззрения они составляют предметность философии эпохи, без которой не мыслиться формирование последующего западноевропейского эстетического развития. [1*]. «Зов идеального» здесь, вслед за античной и средневековой традицией, звучит как никогда остро на грани перехода от средневековья к новому времени. Прославление любви в кругу мыслителей Платоновской Академии становиться оправданием поведения, главная ценность которого красота.

Философская традиция осмысления красоты и добра основывается на учении Платона и неоплатонических авторах - Плотине, Порфирие, Ямвлихе Прокле, Псевдо-Дионисие Ареопагите (христианский автор) - переводами которых занимался Марсилио Фичино, возглавлявший Флорентийскую Академию. [2*] Его знаменитая книга «Комментарий на «Пир» Платона», названная «De amore» («О любви»), была закончена в 1469 г. и в итальянском переводе цитировалась обычно как «Convito» («Пир»)[118]. [3*]. Влияние философии Платона на интеллектуальную жизнь Ренессанса происходило как напрямую непосредственно благодаря знакомству с эллинистическими первоисточниками, так и опосредованно, через богословское патристическое наследие Августина [4*] и др., но, особенно, через Ареопагитики (Corpus Areopagiticum) - трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита. Благодаря этому сложившаяся платоническая эстетическая картина мира обрела синтетические черты, в силу чего коренным образом отличалась от предыдущих эпох. При определенном сходстве и генетической связи философских источников, задействованных в процессе вызревания общей эстетической концепции, специфические черты, проявившиеся на его историческом рубеже - в эпоху Ренессанса - образовались как благодаря, так и вопреки идее сочетания языческой философии и христианской идеологии, т.е. так называемой теории всеобщей религии Фичино[119]. В качестве отступления необходимо отметить, что еще ранее, на Флорентийском соборе, грек Гемист Плифон выступал с идеей универсальной естественной религии и языческим культом поклонения Солнцу, чем оказал определенное влияние на последующих итальянских мыслителей, включая

[118] Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб, 2006. С. 455.
[119] Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998. С. 337.

Фичино и Пико делла Мирандолу[120]. Его полемика с византийцем Георгием Схоларисом, защищающим консервативную теологию Византии, весьма показательна для уяснения полярности мышления того времени[121].

Основные идеи эстетической концепции, сохраняющей свою популярность в истории философии на протяжении веков, благодаря, главным образом, трудам неоплатоников (включая ренессансных), заложены в тексте одного из наиболее популярных в кругу флорентийских мыслителей произведения Платона «Пир». Так, в речи участника пира – Сократа, передающего своим сотрапезникам мудрую речь Диотимы, заключается то античное представление о «единственном знании, которое касается прекрасного». Это: «нечто удивительно прекрасное по природе, …нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает» (211. b)[122].

Далее, используя анализ Ареопагитик Протоиерея Георгия Флоровского[123], вслед за ним можно заключить, что вышеприведенная платоническая мысль о красоте как предмете влечения повторяется в них весьма отчетливо, и что преемственность в эстетическом мышлении сохраняет свою силу на протяжении веков, но уже в христианском контексте. В трактате «Божественные имена» Псевдо-Дионисия божественная, самосущая красота описывается почти теми же словами, как у Платона в «Пире». «Прекрасным же Благо называется вследствие того, что оно всепрекрасно и вместе с тем сверхпрекрасно, и в своем вечном существовании оно пребывает всегда прекрасным, не появляясь и не исчезая, не возрастая и не умаляясь, не будучи то одним, то другим, в чем-то прекрасным, а в чем-то нет, прекрасным по сравнению с одним и безобразным по сравнению с другим, где-нибудь, или для кого-нибудь считаясь прекрасным, а в другом месте и для другого – безобразным, но само по себе вечно пребывает самосущею единообразною Красотою, в качестве преизбыточествующей Красоты являясь источником всего прекрасного» (4.7.)[124]. Тесная связь красоты и любви у Псевдо-Дионисия является платоническим и неоплатоническим мотивом, усвоенным христианской аскетикой, главным образом, позднейшей. По словам Флоровского, «при этом метафизическая «эротика» эллинизма сливается с библейской, как

---

[120] Гарэн Эудженио. Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы / Вст. ст. и ред. Л.М. Брагиной; Пер. с итальянского. М., 1986. С. 149-167.
[121] Там же. С. 163.
[122] Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид /Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М., 1999. С. 121.
[123] Флоровский Г.В. Восточные отцы V-VIII веков. М., 1992. С. 107.
[124] Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 39.

выражена она в книге «Песнь песней», в этой символической эпиталаме религиозной любви»[125]. Дионисий идет вслед за Григорием Нисским и Оригеной; эта традиционная мысль закрепляется у него эллинистическим учением о космической силе любви и таком же значении красоты[126].

Платоническое отождествление добра и красоты и платоновское определение красоты как «сияния божественного света» было усвоено на средневековом Западе (до Фомы Аквинского, внесшего формальное разделение между красотой и добром, отделив эстетический опыт от его метафизического источника - любви) именно благодаря знакомству с Ареопагитиками, как отмечает в своих исследованиях Э. Панофский[127]. В ренессансном неоплатонизме Фичино подтверждает тождество красоты и блага, объединяя прекрасное с любовью и с блаженством. Любовь всегда порождается красотой, которая по своей природе «*призывает* душу к Богу»; древние и новые платоники производят греческий термин «красота» (kallos) от глагола «*звать*» (kaleo)[128]. Любовь является основой духовного восхождения, т.к. рождается от вожделения красоты. У Псевдо-Дионисия буквально говориться: «Пресущественно-прекрасное и называется «Красотою», поскольку все, что существует, получает от нее как от Причины благолепия и великолепия всего сущего только ему присущую красоту, и все сущее она, подобно свету, озаряет излияниями своих глубинных, созидающих красоту лучей, как бы *призывая* к себе все сущее, отчего и называется «Красотою» , поскольку все во всем собирает в себе». (4.7.)[129].

Но в атмосфере Флорентийской Академии неоплатоническая традиция интерпретируется, сообразуясь с духом нового ренессансного мышления, приобретает другой характер, нежели античный и средневековый. [5*]. Как пишет А.Ф. Лосев, что неоплатоническая эстетика Фичино находится между двумя крайними точками – «между чистым неоплатонизмом античного типа, где красота есть воплощение идей божественного ума и материи, и крайним антропоцентризмом, крайним личностно-материальным индивидуализмом… Человек оперирует божественными идеями и при их помощи создает всякую красоту и становиться сам красотой». Происходит смена сигнификативного горизонта. Сохраняется метафизическая связь красоты с высшими ценностями, но выявляется незаметный переход от Истины к Великолепию, от Добра к Блаженству. Характерно, что такие ценности как изящество и красота с легкостью заместили этические и интеллектуальные нормы[130]. В некоторой степени в них усмотрели разрешение на гедонизм, например, как в общеизвестном трактате Кастильоне «Придворный»: «в общем, всякой вещи эта изящная и святая красота придает превосходнейшее украшение, и можно сказать, что благое и прекрасное суть в некотором роде одно и то же». [6*]. В этом произведении представлен

---

[125] Флоровский Г.В. Восточные отцы V-VIII веков. М., 1992. С. 107.
[126] Там же. С. 107.
[127] Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб., 2006. С. 285.
[128] Там же. С. 287.
[129] Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 39.
[130] Шастель Андре. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб., 2001. С. 269.

идеал эстетически-нравстенного совершенства человека. Тематика Флорентийской Академии здесь секуляризируется: неоплатонический идеал представляется без богословия Фичино, но его темы применяются к проблемам светского воспитания. Жизнь души проходит между любовью, которая является стремлением наслаждаться красотою и собственно самой красотой, этим «током, изливаемым божьей милостью»[131]. [7*].

При всем этом эстетический словарь сохраняет традиционно близкую связь с началами Истины и Добра. Оппозиция тьмы и света имеет точное соответствие в области познания, а оппозиция освобождающей силы и угнетающей тяжести в моральной области[132]. Красота возвышается до абсолюта. Категории идеала: Красота, Истина, Совершенное Благо – сливаются воедино, благодаря чему открывается новый путь в наслаждении миром и жизненном поведении[133]. Неоплатоники Флорентийской Академии, делая упор на эстетическую сторону, возвращаются к переживанию чуда красоты, чуда художественной формы и образа, строя на этом свою теодицею. Красота универсума указывает на его божественное происхождение и является высшим свидетельством его духовной ценности[134]. В флорентийском неоплатонизме культ искусства и красоты переходит в культ всего мирского и чувственного, отчетливо сказывается радость «посюстороннего» бытия, но несмотря на все это наблюдаются черты аскетизма в мировоззрении еще до реакции Савонаролы[135].

Таким образом, светская направленность эстетики Фичино и флорентийских неоплатоников, вносит особый смысл в традиционную платоническую диалектику любви и красоты. При этом все границы, отмеченные и закрепленные средневековой мыслью, исчезают, и это относиться, в первую очередь, к понятиям любви и красоты, полюсам, вокруг которых вращается учение Фичино и неоплатоников[136]. Благодаря его философии стирались грани между священным и мирским, а для светского искусства открывались эмоциональные сферы, которые до этого были уделом религиозного культа[137]. [8*]. В своем стремлении к слиянию, а не только к примирению положений платоновской философии с христианством, производилась попытка доказать, что природа откровения едина. А название главного сочинения Фичино «Theologia Platonica» было бы не мыслимо в Средние века[138].

Характерно, что платоновская эстетическая концепция, исторически отражается по-разному в Ареопагитиках и учении Фичино. Различный характер толкования и использования одного и того же первоисточника, т.е. сочинения Платона «Пир» говорит об абсолютно разных исторических типах мировоззрения

---

[131] Там же. С. 511-512.
[132] Там же. С. 269-270.
[133] Там же. С. 270.
[134] Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. (Книга света). С. 71.
[135] Там же. С. 70.
[136] Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб., 2006. С. 284.
[137] Там же. С. 291.
[138] Там же. С. 283.

и теологических установках, что и естественно. Абсолютная направленность богословских трактатов Ареопагитик никак не соответствует концепции светского неоплатонизма. В связи с этим интересна мысль А.Ф. Лосева, который в труде «Эстетика Возрождения» отмечает, что не столько само содержание Ареопагитского трактата «Божественные имена», сколько как бы привольный и свободный стиль его религиозно-философских учений приоткрывает дорогу к всеобщей секуляризации. Именно здесь он отмечает разгул философской мысли в оправдании всего человеческого и одухотворенно земного, что человеческая активность в трактовке Ареопагитик усиливалась, ее чувствительность углублялась[139].

Но, с одной стороны, учения христианских богословов неизбежно согласуются между собой в том, что для флорентийских неоплатоников правильно понятый платонизм - античное богословие. С другой стороны, реакция Савонаролы, говорившего, что «между всеми языческими волхвами, философами, величайшими царями и верой Христовой лежит непроходимая бездна, хотя веру эту по воле Божьей и возвещали пророки и сивиллы», является выражением ортодоксального мышления и антигуманистической позиции традиционного монашества[140]. [9*] И, как ни странно, Флорентийская Академия в лице ее ведущих умов, т.е. Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы в конце концов все же уступила влиянию Савонаролы. [10*]. Исторические факты, свидетельствующие о противоречивости эпохи и непрестанном напряженном идейном искании, говорят сами за себя. [11*].

Так, ренессансная интерпретация диалектики любви и красоты, основываясь на платоновском и неоплатоническом философском наследии, дала новое направление традиционной эстетической концепции, носящей теперь светский характер, отличный от средневекового западноевропейского и византийского, связанного с патристическим опытом. Глубокое переживание и осмысление эстетической составляющей философии Платона и связанного с ней эллинистического наследия, окормлявших духовно итальянское, и в первую очередь, флорентийское интеллектуальное общество, привело к неповторимому и оригинальному ренессансному типу мировоззрения и эстетического созерцания. Энтелехия платонизма в культуре Ренессанса дала совсем иные результаты, нежели в Византии, т.е. породила светский неоплатонизм и светскую культуру с теологической терминологией, в которых метафизика красоты обрела абсолютно другую жизнь, нежели на христианском Востоке.

Примечания:

1* Э. Кассирер указывает, что через Фичино подобная теория красоты была перенесена в современную философию. Этот интеллектуальный процесс прослеживается следующим образом. В Англии работа флорентийской Академии

[139] Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998. С. 36-37.

[140] Шастель Андре. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб., 2001. С. 400-401.

была продолжена кембриджскими платониками; Шефтсбери предложил теорию красоты, тесно связанную с воззрениями Фичино. От Шефтсбери далее путь идет к немецкой литературе классической эпохи – к Винкельману, Гердеру, Гете, Вильгельму фон Гумбольдту, далее к «Эстетике» Гегеля. Таким образом, наблюдается почти непрерывная традиция от античности к средним векам, от них к Ренессансу, и, далее к современному миру. (Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 222).

2* Характеристика Флорентийской Платоновской академии см., например:
Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1998. С.322-326, 342-351

3* Теория о видах любви «amor divinus» и «amor humanus» и ее взаимосвязи с красотой, развитая Фичино в Комментарии на «Пир» Платона, см. например: Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 287, 301-302.

4* Э. Кассирер вслед за Кристеллером (Kristeller P.O. The Philosophy of Marsilio Ficino. New York, 1943) говорит о влиянии и значимости латинских переводов и комментариев Платона и Плотина, сделанных Фичино, и философской взаимосвязи Плотина с Августином, и далее с Фичино. В теории Фичино все элементы – платонический, неоплатонический и августинов – смешаны. У Плотина используется идея «внутренней формы» для объяснения красоты чувственного мира, он задается вопросом сходства красоты чувственного и умопостигаемого, сверхчувственной и божественной красоты; «каким образом обе прекрасны?». Его вопрос о том, «как то, что присуще телу, может согласовываться с тем, что выше тела?» подтверждает эстетическую взаимосвязанность внешней структуры и души, телесного и бестелесного, материального и идеального (Плотин. Ennead. I. 6. 2.). Далее Августин адаптирует неоплатоническую доктрину, примиряя ее с христианскими догматами и формируя концепцию умопостигаемого мира. Красота чувственных вещей есть непосредственное явление Божественной природы и сущности. А в человеке существуют определенные законы красоты, с которыми (через посредство числа) соотносится все то, что он считает прекрасным в мире чувств. (Августин. De vera religione. 30, 56.). Следуя за Августином, Фичино говорит о естественном и необходимо присущем человеку инстинктивному эстетическому началу, о том, что всякий человеческий разум априорно несет в себе определенный канон красоты независимо от любого опыта и учения. У Фичино, также как у Платона, Плотина и Августина особая роль уделяется созерцанию, благодаря которому происходит вхождение в умопостигаемый мир. (Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 221-222, 72). Здесь, говоря об этих законах красоты, присутствующих в человеке, так сказать, априори, следует обосновываться на Платоне, - его концепции воспоминания. В душе заложена идея, прототип прекрасного (в данном случае), т.е. воспоминание о нем, как первоначальное достояние души, приобретенное до всякого восприятия, и на основании закона ассоциации по сходству в сознании воспроизводится сходная с восприятиями идея. (См.: В. Виндельбанд. Платон. – К.: Зовнішторгвидав України, 1993. С. 72-73).

5* Литература о флорентийском неоплатонизме чрезвычайно обширна, Э. Панофский отмечает ряд авторов: *Cassirer E.* Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Leipzig; Berlin, 1927; *Panofsky E.* Studies in Iconology. Chapters V, VI; *Kristeller P.O.* The Philosophy of Marsilio Ficino. New York, 1943; *Garin E.* L'Umanesimo italiano: Filosofia e vita civile nel rinascimento. Bari, 1952; *Gombrich E.H.* Icones Simbolicae: The Visual Image in Neo-Platonic Thought // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1948. Vol. 11. P.163 ff.; *Redig de Campos D.* Raffaello e Michelangelo. Roma, 1946; *Yates F.A.* The French Academies of the Sixteenth Century. London, 1947. *Chastel A.* Art et religion dans la Renaissance italienne: Essai sur methode // Bibliotheque d'Humanisme et Renaissance. 1945. Vol. 7. P.7 ff.

6* «In somma ad ogni cosa `da supremo ornamento questa qraziosa e sacra bellezza, e dir si puo che l'bono e l'bello, a qualche modo, siano una medesima cosa» (Castiglione B. Il libro del Cortegiano, IV, 59. Ed. V. Cian. Firenze,1894. P. 483)

7* см. также: Шастель Андре. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С.535-536. Показателен неоплатонический характер произведения, терминология, заимствованная из «Пира»: «Я не хотел бы также, чтобы кто-нибудь из нас, клевеща на Красоту – предмет священный!- навлек на себя Божий гнев своим святотатственным кощунством. […] Я скажу вам также, что Красота происхождения божественного; она словно круг, центр которого – Благо. Итак, нет красоты без блага; редко бывает, чтобы в прекрасном теле жила злая душа, и внешняя красота – верный знак внутреннего добра.» («Придворный», 4. 57) И еще: «Если красоты, которые мы видим в бренных телах нашими затменными глазами – сонные видения, мимолетные тени истинной красоты, - кажутся нам исполненными такого изящества, что пробуждают в нас столь пылкие желания и такую усладу, что ни одно блаженство не кажется нам сравнимым с тем, что мы чувствуем, видя лик любимой, - какое дивное счастье, какое блаженное оцепенение должны охватить душу, которой доступно видение божественной красоты. О сладостное пламя, о приятный пожар, исходящий из самого источника высочайшей и истинной красоты!» («Придворный», 4. 69)

8* Gombrich E.H. Op. cit. P. 43.

9* Savonarola. Prediche e scritti. P.303.

10* О Савонароле и его влиянии на флорентийское общество см., например: Я. Буркхардт. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996. С.317-322; о его влиянии на Фичино и Пико делла Мирандола см., например: Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. с. 70-71.

11* Исчерпывающий материал на эту тему см.: Я. Буркхардт. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996. 591 с.

Гвоздева Т. Б.,
ИМЛИ, Москва

К вопросу о формировании конного агона Панафинейских игр

Конный агон Панафинейских игр включал в себя ристания колесниц и скачки на лошадях, а также ряд других состязаний, среди которых были метание копья с лошади, конная эстафета, состязание апобатов, антипассия, отдельные состязания для гипархов и филархов.

В призовом панафинейском списке сер. IV в. до н. э. перечислены следующие конные состязания и награды: ристание колесниц (дзевга), запряженных жеребятами (1 место - 40 амфор; 2 место - 8 амфор); ристание колесниц (дзевга), запряженных взрослыми лошадьми (1 место - 140 амфор; 2 место - 40 амфор); скачки на взрослых военных лошадях (1 место - 16 амфор; 2 место - 6 амфор); ристание парадных колесниц (1 место - 4 амфоры; 2 место - 1 амфора); метании копья с лошади (1 место - 5 амфор; 2 место - 1 амфора).

Во II в. до н. э. программа изменилась и представляла собой "агон внутри агона" (IG II^2 2313, 2314, 2315). Надписи римского времени (IG II^2 2316; 2317) наиболее полно отображают список состязаний конного агона – всего 24 вида состязаний. Возможно, были и другие состязания, так как начало списка утеряно. Упомянуты и такие виды состязаний как эстафета на лошадях с факелами (IG II^2 2317, lin. 17). А. Моммзен считал, что существовал второй день для проведения конных состязаний, так как упомянутая эстафета могла проводиться только ночью[141]. В первый день устраивали десять видов состязаний, которые заканчивались факельным бегом, а во второй день проводились оставшиеся 14 состязаний. Известно, что в конном агоне не было "отборочных" состязаний, поэтому проведение основных требовало много времени.

Произошли ли какие-либо принципиальные изменения в программе конного агона за IV-II вв. до н. э.? Если судить по призовым спискам, то мы видим, что программа IV в. до н. э. была полностью перенесена на программу праздника II в. до н. э., с добавлением новых, "иностранных" конных состязаний. Независимо от этого, конном агоне Панафиней превалировали победы афинских граждан.

В сер. IV в. до н.э. в конном агоне Панафинейских игр принимали участие богатые и знатные граждане афинского полиса. Именно в конном агоне начали принимать участие неафиняне, что придало играм более солидный статус. А. Моммзен отмечал, что когда устанавливалась программа конного агона, то речь шла только об участниках - афинских гражданах, а неафиняне подчинялись общим правилам состязаний[142]. Д. Дэвис полагает, что афинская аристократия не смешивала себя с аристократией греческих полисов, для которой специально на

[141] Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum. Leipzig. 1898. S. 88.
[142] Mommsen A. Op. cit. S. 86.

Панафинеях вводили новые конные состязания[143]. Поздние надписи эллинистического и римского времени показывают, что программа конного агона постепенно менялась. А. Моммзен отмечал, что подобное увеличение и разнообразие программы связано с участием в конном агоне знатных и влиятельных иностранцев: четыре сына пергамского царя Аттала I - Аттал II, Эвмен II, Филетер и Атеней (IG II^2 2314, lin. 84-90), Птолемей V Эпифан (IG II^2 2314, lin. 41), Птолемей VI Филометор (IG II^2 2316, lin. 45), Антиох V Эвпатор (IG II^2 2317, lin. 36), Мастанабал, сын нумидийского царя Масиниссы[144]. Иностранные участники конного агона вносили в панафинейскую программу свои специфические, национальные виды конных состязаний, которые всегда проводились на специальном ипподроме.

Интересными наблюдениями о специфике конных состязаний делится М. Голден[145]. Приведя данные участников конных агонов всех панэллинских игр, он делает вывод об отсутствии возрастного ценза его участников. Список упомянутых спортсменов, возраст которых на момент игр можно установить, показывает, что в конном агоне участвовали мужчины в возрасте от 25 до 60 лет. М. Голден замечает, что возраст участников конных и атлетических состязаний резко отличается. В конном агоне не было деления участников на возрастные группы, и, судя по данным таблицы М. Голдена, в конном агоне могли принимать участие спортсмены, нижняя возрастная шкала которых указывает на то, что все они попадали в подгруппу “мужчины”. За исключением апобатов (нет точных данных), все остальные участники состязаний могли позволить себе роскошь быть более зрелого возраста. Это могло быть связано с тем, что в конных состязаниях очень многое зависело от возницы и самой лошади.

Конные состязание проводились в Эхелиде, деме в Элевсине, где для этих состязаний был специально построен ипподром. В Эхелиде проводились также и гимнические состязания, но после постройки Ликургом нового стадиона, они стали проводиться на нем, а конный агон остался в Эхелиде.

На многих панафинейских амфорах изображались упряжки из 4 и 2 лошадей. В призовых панафинейских списках упоминается 3 типа экипажа – гарма, дзевга и синорида. Из всех них состязания экипажей, запряженных 4-ой лошадей – наиболее престижное. На призовых панафинейских амфорах изображение экипажа, запряженного 4-ой лошадей встречается с 550 г. до н.э.

Уже в сер. IV в. до н.э. разделялись состязания для взрослых лошадей и жеребят - дзевга для жеребят и взрослых. На Олимпийских и Пифийских играх состязания жеребят начались с 384 и 378 гг. до н.э. Призовые панафинейские списки эллинистического и римского времени указывают на различную длину дистанции бега: бег на 1 стадий, двойной бег, бег акампий. Если сравнить афинскую и иностранную программу конного агона, то общими в ней было два состязания – состязания синориды и гармы.

---

[143] Davies J. K. Athenian Propertied Families. Oxford, 1971.
[144] Mommsen A. Op. cit. S. 86, n.1.
[145] Golden M. Equestrian competition in ancient Greece: difference, dissent, democracy // Phoenix, vol. 51, 1997, N 3-4. P. 327-344.

В призовом списке сер. IV в. до н.э. основной тип экипажа – дзевга, запряженная 4-кой лошадей. Это было наиболее престижное состязание – 140 амфор победителю на дзевге, запряженной взрослыми лошадьми, тогда как 2 место в этом состязание и победа на дзевге, запряженной жеребятами – всего 40 амфор (= победе юношей в пентатлоне). Специфика панафинейского конного агона состояла в том, что для экипажей, запряженные взрослыми лошадьми и жеребятами имелись отдельные состязания, но более престижными были 4-ки лошадей. В программе II в. до н.э. добавляются гарма и синорида. Все три экипажа упомянуты в конном агоне на празднике Великие Амфиараи. Гарма в источниках упоминается как основной экипаж, запряженный 4-кой лошадей. Павсаний пишет, что синорида была стандартным экипажем, запряженным 2 лошадьми на панэллинских играх (Paus.V.8.2). Что касается дзевги, то она могла быть запряжена и 4 и 2 лошадьми. Данные эпиграфики показывают, что дзевга - основной из 3-х различных типов экипажей Панафинейских игр. Во II в. до н.э. было состязание дзевги, запряженной 2-мя лошадьми, как для взрослых лошадей, так и для жеребят, двойная дзевга. Также появляются отдельные состязания для военных гармы и синориды на разную дистанцию. Для II в. до н.э. основным экипажем становится синорида, которой нет в призовом списке сер. IV в. до н.э., однако, она упоминается у Аристофана в комедии “Облака” и возможно, была частью Панафиней в классический период. Некий афинянин, сын Промаха из Элевсин, поставил посвещение богам в честь своей победы в синориде на Великих Панафинеях и предположительно на Элевсиниях в сер. IV в. до н.э. (IG II^2 3126). В нач. II в. до н.э. в Панафинейских играх обозначены синориды как для взрослых лошадей, так и для жеребят.

Самые древние и важные виды состязаний – ристания колесниц прославили многих афинян. Состязание колесниц было важнейшим признаком принадлежности к аристократии. Первый афинянин, победивший в престижном состязании колесниц на 47 Олимпиаде (592 г. до н.э.), стал Алкмеон, сын Мегакла (из рода Алкмеонидов) (Moretti, № 68). О победах на ристаниях колесниц на Панафинеях в 1 пол. V в. до н.э. нам сообщает Пиндар. В IV Истмийской оде, посвященной победе Мелисса из Фив, упомянута и его победа в Афинах (Pind. Istm. IV.20), а во II Истмийской оде, славящей Ксенократа из Акраганта, также речь идет об афинской победе (Pind. Istm. II. 18—22). Победа Ксенократа на Панафинеях могла иметь место ок. 470 г. до н.э. Если же говорить об афинянах, выигравших на панафинейском ипподроме состязание колесниц запряженных четверкой лошадей, то следует упомянуть в первую очередь Алкмеонида I, сына Алкмеона I, победа которого на Великих Панафинеях предположительно датируется 546 г. до н.э. (IG I^2 472). Также стоит упомянуть и о посвящении богам (ок. 450-440 гг. до н.э.) бронзовой колесницы на Акрополе афинянина Пронапа, сына Пронапида, которая была поставлена в честь его победы на квадриге в Немее, Истме и на Панафинеях (IG II^2 3123). К 416 г. до н.э. относится и знаменитая «тройная» победа Алкивиада на Олимпийских Играх (Thuc. VI.16.2; Plut. Alc. 11; Isocr. XVI. 34). Эпиграфические данные дают нам возможность предположить, что Алкивиад побеждал и на Панафинеях. Ему приписывается фрагмент рельефа, на котором изображен возница, погоняющий четырех лошадей

по направлению к Афине, тогда как богиня Ника летит над ним с венком (British School at Athens, Athens, S 24 + British Museum, London, 814). Рельеф датируется 420—410 гг. до н.э. и, возможно, является посвящением Алкивиада в честь его панафинейской победы. В 300-290 гг. до н.э. Никагор, сын Никона, посвятил статую Афине в честь серии своих побед в состязаниях жеребят на Панафинеях.

Помимо бега колесниц, запряженных четверкой лошадей, популярным было также соревнование колесниц, запряженных парой (синорида). Призовые панафинейские амфоры с изображением синориды относятся к концу VI в. до н.э. На Пифийских и Олимпийских играх до 314 и 264 гг. до н.э. нет состязания синориды как в Афинах, возможно были локальные состязания в синориде в 1 пол. IV в. до н.э. (Paus. X.7.7-8). На 107 Олимпиаде в синориде победил афинянин Тимократ, сын Антифона (Moretti, N 440). Во II в. до н.э. состязание синориды указаны в программе Панафинейских игр в 179, 166 и 162 гг. до н.э.

Наиболее ранние призовые панафинейские амфоры с изображением конных скачек относятся к посл. четв. VI в. до н.э. На черно-фигурной вазе панафинейского типа (ок. 525 г. до н.э.) изображена победа афинянина Динейкета в конных скачках (Beazley ABV 307, no.59). Скачки на лошадях в призовых списках поставлены после других конных состязаний. На Великих Амфиараях в 329 г. до н.э. был перчислен бег жеребят и взрослых лошадей, так же как и на афинских состязаниях. На Пифийских играх скачки на жеребятах не были введены до 335 г. до н.э., и если в Панафинейские игры они были включены в нач. IV в. до н.э., тогда на них была самая полная программа конного агона из всех панэллинских игр. В конных скачках на 113 Олимпиаде (328 г. до н.э.) победил афинянин Демад, сын Демея (Moretti, N 467). На чернофигурной вазе панафинейского типа (ок. 525 г. до н.э.) изображена победа афинянина Динейкета в конных скачках (Beazley ABV 307 N 59).

Состязания экипажей, запряженных мулами (апена), были включены в программу Олимпийских игр в 500 г. до н.э., на Пифийских играх этого вообще состязания не было. В письменных и эпиграфических источниках об апене на Панафинеях никаких данных нет. Только вазопись 560 и 500-480 до гг.н.э. подтверждает наличие состязания экипажа, запряженной лошадьми или мулами. Данные призовых панафинейских амфор показывают, что апена, запряженная 2 мулами, была составной частью панафинейской программы от реорганизации 566 до 480 гг. до н.э., тогда как экипаж, запряженный 4 мулами, – в период 530-520 гг. до н.э. Что касается экипажа, то они разделялись на военные и праздничные.

Уникальным состязанием панафинейской программы было состязание апобатов, которое состояло из попеременного бега и скачки на лошадях. В состязании принимали участие два спортсмена – апобат и гениох. Состязание было одним из наиболее сложных, так как апобат должен был спрыгнуть с колесницы, которая не останавливалась, а затем на полном ходу запрыгнуть на неё. Для гениоха это тоже было не простое состязание, так как ему с одной стороны надо было помнить о том, что это состязание на скорость между гениохами, а с другой стороны дать возможность апобату заскочить на колесницу. Гениох вёл колесницу, запряжённую четвёркой взрослых лошадей, делал полный круг, апобат спрыгивал, чтобы часть дистанции пробежать по

дорожке у борта колесницы, затем снова запрыгивал на нее. Дионисий Галикарнасский утверждает, что соревнование апобатов состояло в первую очередь из состязания двух колесниц (Dion. Gal. VII. 73). Отличительной чертой этого состязания было то, что оно было не индивидуальным, а состязанием двух агонистов. Поэтому, в призовых панафинейских списках упоминались имена обоих агонистов. Если судить по письменным источникам, то гениох руководил квадригой (Hyg. Astr. II. 13). Сохранилось множество рельефов, с изображением апобатов подтверждающих письменные данные (Collignon M. Bull. VII. P. 458-462. Tafel XVII), на которых видно вооружение панафинейского апобата – шлем с султаном и щит. На северном фризе Парфенона присутствует изображение – квадрига с гениохом и апобатом (Plat. XII; Michaelis, Der Parthenon. Taf. XII. S. 12ff, 215, 245-246). Это указывает на то, что ещё в V в. до н. э. апобатия существовала в Афинах. Кроме архаических рельефов, состязание апобатов часто являлось темой для вазописи.

В панафинейских призовых списках состязанием апобатов открывается конный агон (IG II^2 2314A; IG II^2 2314B; IG II^2 2316; IG II^2 2317). Такое значение этого состязания Л. Циен объясняет его сакральным характером[146]. В ранних документах состязания апобатов в списках нет, но возможно это связано с тем, что фрагмент надписи был утерян (IG II^2 2311). Возможно, поэтому нам не известны награды для победителей этого состязания. Псевдо-Демосфен пишет, что апобатам присуждали самые ценные призы (Ps.-Dem. LXI. 25). А. Джонстон полагает, что приз в апобатии состоял из 30 и 6 панафинейских ваз (за 1 и 2 место соответственно), как за состязание колесниц, запряженных двумя лошадьми[147].

Все конные состязания проводились в ипподроме, строении расположенном вблизи Элевсина (Xen. Hipp. III. 2). Состязание апобатов также локализовались в Элевсине (IG II^2 2316, lin. 16; IG II^2 2317, lin. 48 – 2 в. до н. э.). На юго-западном участке агоры было обнаружено основание храма, расположенного на пути панафинейской дороги, и, как предполагает Г. Томпсон, являющегося границей состязания апобатов[148]. В 1933 г. в результате раскопок святилища была обнаружена мраморная база (IV в. до н. э.), украшенная рельефом, изображающим апобатов. Кроме состязаний, участники апобатии принимали участие в военном параде панафинейской процессии. Изображение мужчин на колесницах северного фриза Парфенона – это апобаты. Из всех участников процессии вооружены только они (шлемы и щиты) и некоторые всадники (шлемы, панцири и щиты).

Некоторые исследователи выводят апобатов из конного агона Панафиней и рассматривают их как отдельное состязание, что кажется оправданным. Это состязание конного агона отличалось от других специальной и тщательной подготовкой, и в отличии от других было очень зрелищным. Г. Парк считал, что состязание апобатов было свидетельством военного архаизма[149]. Состязание

---

[146] Ziehen L. Panathenaia // RE. 1949. 36.2 S. 478.
[147] Johnston A. W. IG II^2 2311 and the number of Panathenaic amphorae // BSA. 1987. № 82. P. 129.
[148] Thompson H. A. The Panathenaic Festivals // AA. 1961. № 76. P. 228.
[149] Parke H. W. Festivals of the Athenians. L., 1977. P. 43.

апобатов целиком принадлежало Афине, и, возможно, существовало на ранних этапах панафинейского праздника. Интересное исследование этого состязания провел Н. Робертсон. Он отмечал, что апобатия и лампадодромия принадлежали к сакральным состязаниям, связанным с Эрихтонием. И поэтому составляли основу агональной программы древнего панафинейского праздника. После этих состязаний проводилась торжественная процессия и жертвоприношение. Позднее, когда программа Великих Панафиней увеличилась до 9 дней, то новые состязания в программе праздника ставили до состязания апобатов и лампадодромии[150].

Известна мраморная база с рельефным изображением апобатов на Агоре – посящение афинянина Кратеса (нач. IV в. до н.э.) (Agora Mus. S. 399. Inv. No.8114). Из индивидуальных победителей этого состязания известен Фок, сын Фокиона (Plut. Phoc. 20.1), победа которого датируется 320 г. до н.э.

В рамках конного агона появляются новые «военные» состязания: скачки на лошадях, состязания колесниц, запряженных двумя взрослыми лошадьми, состязание процессионных колесниц, запряженных двумя лошадьми, и метание копья с лошади (IG II^2 2311, lin. 58-72). Эти «военные» виды спорта отсутствуют в программе Олимпийских Игр[151]. Такие состязания зафиксированы в сюжетах вазописи к. V – н. IV вв. до н. э. и в призовом панафинейском списке IV в. до н. э. Кроме того, данные состязания упомянуты в литературных источниках. Лисий рассказывает о человеке, который служил в кавалерии и купил превосходных лошадей для процессий, а позднее выиграл состязания на Истме и в Немеях (Lys. XIX. 63). Платон отмечает, что Фемистокл воспитал своего сына Клеофанта отличным наездником и юноша прекрасно справлялся с трудными задачами – прямо стоял на коне и, стоя на нём, метал копье (Plat. Menon, 93d; ср. Plut. Them. XXXII). Ксенофонт отмечал, что метание копья с лошади проводилось в Ликее – эти занятия были необходимыми для военной подготовки (Xen. Hipp. I. 21; 25). Аристофан в «Облаках» (423 г. до н. э.) говорит о состязаниях «военных колесниц» (Aristoph. Nub. 28). Среди обычных конных состязаний «специальные» были менее престижными. Это видно по наградам для них – 16 и 4 амфор масла для военных лошадей (для 1 и 2 места соответственно), 30 и 6 - для военных колесниц, 4 и 1 - для процессионных колесниц, 5 и 1 - для метания копья. Из панафинейских призовых амфор сохранилась только амфора с изображением метания копья (не ранее к. V в. до н. э.) (G&P, fig. 60; ABV 414). Такое изменение в программе главного государственного праздника Афин говорит о важности и развитии афинской военной кавалерии на рубеже V-IV вв. до н. э. и ее влияние на программу Великих Панафиней.

Кроме того, в ряде надписей, начиная с сер. IV в. до н. э. упоминается агон антипассия — состязание кавалерии (IG II^2 3130). Это состязание отсутствует в призовых панафинейских списках, но некоторые исследователи предполагают, что

[150] Robertson N. Festivals and Legends: The Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual. Toronto, 1992. P. 266-267.
[151] Sparker B. A. Quintain and the Talcott Class // Antike Kunst. 1977. P. 8-25.

оно было включено в программу Великих Панафиней до IV в. до н. э.[152] Так, Л. Циен высказывал мнение, что антиппасия, присутствовавшая в агональной части праздника, позднее была вычеркнута из его программы[153]. М. А. Мартин, анализируя призовые панафинейские списки, отмечал, что в надписи сер. IV в. до н. э. (IG II^2 2311) антиппасия отсутствует, но в надписях II в. до н. э. присутствует «агон гиппикос» (IG II^2 2314, lin. 24; IG II^2 2315, lin. 37; IG II^2 2316, lin. 8), который, возможно, соответствовал антиппасии. «Конный бег», по мнению А. М. Мартина, мог проводиться во второй половине 26 гекатомбеона, во время большого конного агона или в первой половине 27 гекатомбеона, вторая половина которого была занята «малыми» агонами[154]. Однако Д. Кайл относит «конный бег» к гимническим, а не конным состязаниям, что вряд ли позволяет его идентифицировать с антиппасией[155]. Это соревнование было хорошо известно не только на Панафинейских, но и на Истмийских и Немейских играх, в Аргосе и других городах (Paus. VI. 16. 4; Bacchyl. IX. 25). Другие эпиграфические данные точно указывают, что в к. IV в. — н. III в. до н. э. это состязание было включено в панафинейские игры[156].

Антиппасия была подробно описана Ксенофонтом (Xen. Hipp. I. 19—25; III. 1-2, 10—13). Ксенофонт дает советы, как сделать антиппасию более эффектной для парада всадников на ипподроме. Этот агон проводился силами всадников от 10 фил, из которых строили 2 отряда (по 5 фил каждый). Во главе каждого из отрядов стояли гиппархи. Построив должны образом свои отряды, они вели их друг против друга в «ложной» атаке. Они сходились и расходились, затем вновь формировали строй, готовясь уже с другой стороны для новой сквозной атаки. Этот маневр проводился еще 3 раза, и каждый раз во все убыстряющемся темпе. Звук трубы означал каждый раз начало новой атаки. Антиппасия должна была демонстрировать элементы боя: то наступая, то, наоборот, убегая от предполагаемого противника. Подобные упражнения Ксенофонт описывает и в трактате «О коннице», как полезную и необходимую тренировку для охотников и воинов (VIII. 10—12).

Об агональном использовании антиппасии Ксенофонт ничего не говорит. Грамматики же четко определяют антиппасию, как конный агон. Кроме того, посвятительные надписи не оставляют сомнений в агональном характере антиппасии. Надпись на правой короткой стороне базиса треножника в честь агонотета Главка, сына Этеокла говорит об антиппасии на праздниках Олимпиэи и Великие Панафинеи в архонство Никия (IG II^2 3079). Сходный агон упоминается и в программе праздника Тезеи (CIA II 444, lin. 12). Еще более точное указание на агональное содержание антиппасии дано на вотивной базе найденой в 1891 г. в

---

[152] Vanderpool E. Victories in the Anthippasia // Hesperia. 1974. Vol. 43. N 3. P. 311—313; Kyle D. G. Athletics in Ancient Athens. Leiden, 1987. P. 189—190; Bugh G. R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 159—160; Robertson N. Op. cit. P. 141.

[153] Ziehen L. Op. cit. S. 480.

[154] Martin M. A. Op. cit. P. 198—199.

[155] Kyle D. G. Op. cit. P. 189—190.

[156] О данных эпиграфики см.: Kyle D. G. Op.cit. P. 189—190; Bugh G. R. Op. cit. P. 59—60; Robertson N. Op. cit. P. 141.

Афинах, на передней стороне которой имелась надпись. База была обнаружена *in situ*, в северо-западном углу Агоры, стартовой точке конных упражнений, позади Царской Стои и севернее Стои Зевса (IG II^2 3130)[157]. Изображение на базе являлось чествованием победителей, отца и двух сыновей, в антиппасии. На рельефе каждой из трех сторон базы был показан один из трех победителей — бородатый всадник в хламиде, верхом на лошади, стоящий перед его призом — треножником, символом победы. На четвертой стороне были записаны имена победителей. База была поставлена в IV в. до н. э. скульптором Бриаксисом. Верхняя часть базы являлась ложем для колонны. Интересно, что этот монумент, засвидетельствовавший факт победы в антиппасии, был установлен не в ипподроме, где проходили все конные соревнования, а на Агоре, около Герм, где обычно собиралась кавалерия (Xen. Hipp. III. 2). Характер обеих надписей позволяет предположить, что филархи получали не какой-либо определенный приз от агонотетов, а только венки от Народного собрания, которые они должны были посвятить богам.

Ряд найденных позднее надписей также свидетельствует о присутствии антиппасии на Панафинейских играх. В 1970 г. в северо-западном углу Агоры был найден скульптурный монумент, на котором был изображен кавалерийский отряд в галопе. Надпись свидетельствовала о победе трибы Леонтиды, возможно в агоне антиппасии. Надпись в районе Стои Аттала, найденная в 1966 г., датируется к. IV — н. III в. до н. э. и посвящена победе в антиппасии на Великих Панафинеях.

Нефёдкин А. К.,
К.и.н., СПбГУ

Битва при Гранике в современной историографии[158]

Походам Александра Македонского посвящена огромная библиография, которой имеются специальные библиографические справочники[159], однако приходится признать, что нет обобщающей работы, специально рассматривающей историографию военного дела македонского царя, его походы и сражения, хотя данная тема, напрашивается сама собой, учитывая, что все правление Александра прошло в постоянных войнах. Настоящий небольшой историографический обзор посвящен лишь одному эпизоду из кампаний Македонянина — битве при Гранике в мае 334 г. до н. э. Для рассмотрения казалось уместным из массы литературы отобрать работы, у которых название битвы или проблемы последней вынесены на титул или в подзаголовок,

[157] Richter G. Sculpture and Sculptors of the Greeks. New Haven, 1930. P. 279, fig. 723f.
[158] Работа выполнена при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung.
[159] Burich N. Alexander the Great — A Bibliography. Kent, 1970; Badian E. Alexander the Great, 1948–67 // CW. Vol. 65. 1971. 77–83; Goukowsky P. Recherches récentes sur Alexandre le Grand // REG. T. 96 1983. P. 225–241.

указывавших на то,что для авторов проблемы, непосредственно касающиеся сражения, являются предметом специального исследования. Именно в данных работах обычно высказываются новые гипотезы и критикуются традиционные взгляды.

Пежде чем приступить к исследованию историографических проблем, нужно кратко рассмотреть сам ход сражения. Битва произошла на Северо-Западе Малой Азии на древней реке Граник между войсками малоазиатских сатрапов и македонской армией. Численность персов, включая греческих наемников, служит предметом дискуссии (по Арринану (Anab., I,14,4) — по 20 000 конницы и греков), численность же македонян была примерно 30 000 пехоты и 4500 конницы. Всадники персов выстроились вдоль восточного высокого берега реки, греческая пехота была помещена позади. Александр построил свою армию традиционно — конница на флангах, пехота в центре. Описание хода битвы сохранилось в двух различных версиях Диодора, восходящего к Клитарху, и Арриана, базирующегося на свидетельствах соратников Александра Птолемея и Аристобула. Общий ход сражения можно представить таким образом: Александр атаковал противника с ходу, как обычно, конницей правого фланга, к которой для большей эффективности были примешаны легковооруженные. Парменион завязал бой на своем левом фланге. Под угрозой окружения персидская конница ретировалась. Македонская пехота и конница подступили к фаланге греческих гоплитов, большая часть которых была перебита, лишь немногие спаслись бегством, а 2000 были взяты в плен, закованы в кандалы и отправлены на каторжные работы в Македонию. Результатом битвы явился переход западной части Малой Азии под македонский контроль. Уже из сказанного ясно, что существует целый ряд проблем, касающихся соотношения численности сторон, необычной персидской диспозиции, тактики Александра, атаковавшего высокий противоположный берег реки конницей и т. д., о которых и идет дискуссия в историографии.

Наиболее ранние специальные работы, как и сочинения о других сражениях Александра, были посвящены топографии битвы, привязке места сражения к конкретной местности. Исследователи из Германии — стратегического союзника Османской империи во второй половине XIX в. — были первыми, кто занялся изучением данной проблемы. Одним из первых в 1842 г. посетил Северо-Запад Малой Азии с научными целями немецкий путешественник Генрих Киперт. Он кратко описал долину реки Бига-Чай, где происходило, по его мнению, сражение, и составил карту[160]. Данное мнение впоследствии стало традиционным. Позднее полковник германского генштаба Артур Йанке, на основании своего путешествия по Анатолии в 1902 г., отстаивал именно данную идентификацию древней реки[161]. Уже в 1977 г. Клив Фосс из Массачусетсского университета еще раз обратился к топографии битвы, доказывая, что древний Граник — это река Коджабаш-Чай, а сама битва произошла около деревни Чинар-Кёпрю, недалеко от дороги из Биги в

[160] Kiepert H. Das Schlachtfeld am Granicus // Globus. Bd. 32. 1877. № 17. S. 263–264.
[161] Janke A. Das Schlachtfeld am Granikus // Globus. Bd. 86. 1904. № 8. S. 129–133.

Карабигу[162]. Данная альтернативная атрибутация, впрочем, не была широко поддержана.

В части работ рассматривались группы проблем, связанных с битвой. Профессор Вальтер Юдейх в отдельной статье рассмотрел ряд вопросов, связанных со сражением: численность армии Александра, ее путь к месту сражения, топографию местности самой битвы и диспозицию армии, длина фронта которой, по его мнению, заняла 2–2,5 км, а также сам ход битвы с приложением детальной схемы последней[163]. Другой немецкий антиковед Конрад Леман внес ряд дополнительных штрихов к ходу битвы, опираясь во многом не на описания Арриана и Плутарха, которые считались более надежными, а на свидетельство Диодора[164].

В 1964 г. американский антиковед Юджин Дейвис, рассматривая различные объяснения причины построения конницы персов впереди греческой наемной пехоты, доказывал, что персы, просто, не доверяя грекам, поставили их позади себя; этой ошибкой воспользовался Александр, и, атаковав, выиграл битву[165]. Позднее профессор из Гарварда Эрнст Бэдиан еще раз пересмотрел события битвы, показав различия в информации Диодора и Арриана. Он считал персидскую диспозицию вполне эффективной[166]. Американский историк из Университета Северной Каролины Уильям Джеймс Маккой в 1989 г. вполне логично показал, что командовавшая в битве персидскими силами коллегия полководцев выдвинула вперед конницу из-за политических соображений: чтобы победа досталась не грекам-наемникам, а самим персидским всадникам, среди которых на левом фланге сражался, даже грек Мемнон с сыновьями[167]. Знаменитый английский историк Николас Хаммонд в своей статье разобрал источники, время и место битвы, а также рассмотрел причины, побудившие Александра перейти современную реку Бига-Чай таким образом[168]. Автор доказывает, что свидетельство Арриана о сражении корректно и отражает македонскую точку зрения на событие, тогда как свидетельство Диодора не обладает достоверностью, преуменьшая роль македонян. Александр вынужден был дать сражение, чтобы уничтожить вражескую армию, способную отрезать его от тылового обеспечения. Растяжение боевого построения македонян по фронту было не безрассудно, как и атака персидской конницы, построенной впереди, поскольку она была способна по количеству и качеству эффективно противостоять гетайрам. Кеннет Харл обратился к основному эпизоду битвы, к

---

[162] Foss C. The Battle of the Granicus: A New Look // Ancient Macedonia. II. Thessaloniki, 1977. P. 495–502.
[163] Judeich W. Die Schlacht am Granikos // Klio. Bd. 8. 1908. S. 372–397.
[164] Lehmann K. Die Schlacht am Granikos // Klio. Bd. 11. 1911. S. 230–244.
[165] Davis E. W. The Persian Battle Plan at the Granicus // The James Sprunt Studies in History and Political Science. Vol. 46. 1964. P. 34–44.
[166] Badian E. The Battle of the Granicus: A New Look // Ancient Macedonia. II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki 19–24 August 1973. Thessaloniki, 1977. P. 271–293.
[167] McCoy W. J. Memnon of Rhodes at the Granicus // AJPh. Vol. 110. 1989. № 3. P. 413–433.
[168] Hammond N. G. L. The Battle of the Granicus River // JHS. Vol. 100. 1980. P. 73–88.

кавалерийскому сражению, рассмотрев его с военной точки зрения, показав, что сначала конница Александра произвела первую атаку, которая была отбита персидской контратакой, за которой последовало главное нападение македонской конницы, что, впрочем, видно по источникам[169].

Первая монография о битве — работа Никоса Николициса, изданная Шведским королевским институтом в Афинах[170]. С целью детального выяснения хода битвы автор поставил перед собой 11 вопросов, на которые в ходе разбора источников он дает ответы, что позволило автору составить поэтапную схему сражения. На восемь поставленных вопросов автор предлагает ясный ответ: (1) пехота Александра продвигалась к месту боя двойной фалангой, то есть двумя линиями по восемь человек в глубину; (2) македоняне при Гранике не разбивали лагеря; (4) Александр на правом фланге пошел на 10 градусов влево, вниз по течению реки; (5) наступающие отряды атаковали персов справа, стремясь достичь крайнего левого фланга последних; (6) именно поэтому нужна была косая боевая линия; (8) персидская контратака конницы левого фланга в реальности была направлена против атакующей кавалерии Александра; (10) в конце схватки конница персов бежала, огибая стоявших греческих гоплитов справа и слева; (11) оставшиеся без поддержки конницы греческие наемники, атакованные македонской фалангой с фронта и конницей с флангов и тыла, были разбиты. Автор высказывает предположение, что из-за вытянутости боевого порядка македонян у них не было резерва (вывод № 3), что фессалийцы отбили на левом фланге попытку персов сбросить их обратно в реку (№ 7) и что в ходе гиппомахии Александр столкнулся с тремя персидскими командирами: Митридатом, Резаком и Спифридатом, из которых двое первых были убиты самим царем, а последний Клитом (9). Наконец, стоит указать, что на основании исправления сообщения Диодора (XVII,19,4–5), автор определяет численность персов в 12 500–15 000 всадников и 100 000–102 500 пехоты (с. 65). В целом, можно сказать, что работа Н. Николициса представляет собой образец классического исследования источников с помощью сравнительно-исторического метода, с подчас интересными военными наблюдениями и толкованиями. На сегодняшний день это — наиболее полное исследование, включающее в себя разбор всех имеющихся по теме источников.

В 2007 г. в английской научно-популярной серии Campaign появилась работа Майкла Томпсона, снабженная, как и положено в данной серии, цветными картами, трехмерными схемами, живописными реконструкциями Ричарда Хука, впрочем, не свободными от исторических ошибок (в частности, неверно передан султан на шлеме Александра, фалангиты, не прикрываются щитами в бою и т. д.)[171]. Небесполезными выглядят и приложения: хронологическая таблица (с. 16) и библиография (с. 92–94). Во введении автор кратко рассматривает историю греко-персидских отношений, начиная с 480 г. до н. э. и заканчивая временем

[169] Harl K. W. Alexander's Cavalry Battle at the Granicus // Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of Donald Kagan. Claremont, 1997. P. 303–326.
[170] Nikolitsis N. Th. The Battle of the Granicus. Stockholm, 1974. Основные выводы см. на стр. 69.
[171] Thompson M. Granicus 334 BC: Alexander's First Persian Victory. Oxford, 2007.

Филиппа II (с. 7–15), затем следует биографические очерки об Александре, Пармениона, Клите Черном, с одной стороны, и о персидских сатрапах, с другой (с. 17–23). Далее автор описывает сухопутную армию македонян и менее подробно — персов, отмечая при этом, что главнокомандующим персидских войск был сатрап Геллеспонтийской Фригии Арсит (с. 24–31). Рассматривая планы сторон, М. Томпсон справедливо отмечает, что «Панэллинский крестовый поход» не был неожиданностью для персов, уже столкнувшихся с македонским экспедиционным корпусом (с. 32–35). Описание самой кампании предуведомляется информацией об античных источниках (с. 35–37), численности сторон (с. 40–44), марше Александра к реке и совещании персов в Зелее (с. 44–52). Переходя к описанию битвы, М. Томпсон отмечает, что построение 5000 греческих наемников во второй линии персидской армии было вызвано численным перевесом над ними македонской пехоты (с. 56–57); далее он рассматривает первую атаку македонской конницы (с. 59–61), ожесточенный бой около Александра (с. 65–73) и, наконец, об окружении и разгроме наемников (с. 73–80). В качестве своеобразного послесловия кратко рассказывается о последующей кампании в Малой Азии вплоть до битвы при Иссе (с. 81–85). В целом, работа представляет собой полезный для общего ознакомления очерк, написанный, впрочем, по вторичной научной литературе, а не по первоисточникам, но, в общем, показывающий современное состояние исследования по проблеме пусть и в научно-популярной форме.

В заключении стоит указать, что исследователь из Берлина еще в 1918 г. Густав Шольц рассмотрел военно-политические итоги данной битвы, главным из которых стало покорение Ионии[172].

В целом, можно констатировать, что современная историография продвинулась вперед в изучении различных аспектов битвы, в частности, установлено ее вероятное место на современной реке Бига-Чай, выдвинуты объяснения причин необычного построения персов и действия Александра, а также тактика последующей борьбы с греческой фалангой — наиболее спорные вопросы сражения. Конечно, вопросов остается больше, чем ответов, но таково уж состояние наших источников, вызывающих массу проблем. К сожалению, отечественная научная историографии пока не представила свету отдельных специальных не электронных работ по теме.

[172] Scholz G. Die militärischen und politischen Folgen der Schlacht am Granikus // Klio. Bd. 15. 1918. S. 199–214.

Грушевой А. Г.,
Институт Востоковедения РАН, Москва

Надписи о храмовых привилегиях как источник характеристики правовых взаимоотношений города и центральной власти в государстве Селевкидов.

Дошедшие до наших дней образцы царских писем о храмовых привилегиях позволяют подробно рассмотреть принципиально важный вопрос – как именно принимались решения о предоставлении в монархии Селевкидов тех или иных привилегий греческим городам Малой Азии.

Рассмотрим, прежде всего, подробнее письмо Селевка I в Милет (RC., 5) с известием о подношении царём даров в Храм Аполлона в Дидимах. Надпись датируется 288-287 гг.

Письмо начинается с традиционного обращения царя к совету и народу города. «Царь Селевк (желает) здравствовать совету и народу милетян» (Βασιλεὺς Σέλευκος Μιλησίων τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι χαίρειν).[173] С одной стороны, перед нами, конечно, не более чем обычная вводная формула официального послания. С другой, постоянство употребления этого выражения является официальным признанием со стороны царя суверенитета совета и народа в городских делах, что весьма важно для понимания особенностей деятельности селевкидского чиновничества в целом.

В надписи RC., 5, после приветственных формул, монарх обращается с просьбой к городскому совету: после получения царских подарков храму, разместить их в святилище и использовать в священнодействиях со следующими целями:

- «за наше здоровье и благополучие» (ὑγιαινόντων ἡμῶν καὶ εὐτυχούντων);
- «за сохранение города в безопасности города, чего хочу я и о чём молитесь вы» (καὶ τῆς πόλεως διαμενούσης σώας ὡς ἐγὼ βούλομαι καὶ ὑμεῖς εὔχεσθε).

Особого внимания в связи с данной надписью заслуживает исторический контекст. Милет в рассматриваемое время не входил в состав государства Селевкидов[174] и перед нами пример внешнеполитической акции, направленной на благорасположение греческих городов, находящихся на западе Малой Азии. В этой связи отметим также, что в древности не было понятия «государственная граница» в современном смысле слова и вмешательство иностранного монарха (селевкидского династа), или – обращения к нему со стороны тех, кто не был его подданным, не воспринималось как что-то невозможное и выходящее за рамки традиционных правовых норм.

Существенные данные для характеристики сложившейся в государстве Селевкидов правовой системы дают также три письма, касающиеся вопросов храмовых привилегий. В хронологическом отношении это, прежде всего,

[173] С аналогичной формулы начинаются почти все царские письма, адресованные тому или иному городу.
[174] См. подробно комментарии Ч. Б. Уэллса к данной надписи.

надпись RC., 9 (281 г. до н. э.)[175] Речь идёт о письме Селевка I, подтверждающего привилегии одного из храмов, расположенных недалеко от города Ниса. В середине сохранившейся части[176] обращает на себя внимание следующая фраза, которую, несмотря на плохую сохранность, можно считать восстановленной по сути своей верно:[177]

῎προαιρούμε῎θα γὰρ τῶν ῾Ελλενίδων πόλεων ἀεὶ τοῖς πολίταις μὲν εὐε῎ρετοῦνες χαρίζσθαι, οὐχ ἥκιστα δὲ καὶ σὺν εὐσεβήαι συνάξειν τὰς τῶν θῆῶν τιμά ῍ς

«Мы выбираем (политику) радовать граждан эллинских городов благодеяниями, а больше всего – с тем, чтобы с благочестием совместно получать благоволения богов».

Данная надпись интересна ещё с одной точки зрения, ибо она хорошо показывает некоторые специфические особенности функционирования чиновничества в государстве Селевкидов. По своей форме данная надпись является письмом, адресованным Сопатру, титул которого не назван, хотя по контексту видно, что речь идёт о крупном должностном лице региональной администрации. Монарх извещает его, что к нему, к Селевку, обратились с прошением представители атимврийцев (᾽Αθυμβριανῶν) Иатрокл, Артемидор и Тимофей с просьбой о гарантии возможности «обращения с мольбой», «неприкосновенности» и «свободы от налогообложения» [περὶ τῆς ἱκεσίας καὶ ἀσυλίας καὶ ἀτελείας]. Уже эти три слова показывают, что речь идёт о храмовых привилегиях и что атимврийцы – это гражданский коллектив, теснейшим образом связанный с жизнью данного храма. К сожалению, не ясно, о каком храме идёт речь и как именно были связаны с жизнью храма атимврийцы. В комментариях к надписи, со ссылкой на Страбона (Strab., XIV, 1, 44), издатель пишет о том, что речь идёт о храме Плутона и Коры. Подобная интерпретация возможна, но необходимо иметь в виду, что она не находит прямого подтверждения ни в этой надписи, ни в двух других, связь которых с данным святилищем представляется либо бесспорной (RC., 64), либо предположительной (RC., 43).

Для темы исследования более важно, однако, другое – реакция Селевка на петицию Иатрокла, Артемидора и Тимофея. Монарх - уже после аудиенции, данной послам - не отвечает на их запрос лично, но фактически пересылает их за получением ответа в региональную администрацию соответствующей области к Сопатру. При этом особо важно подчеркнуть, что сохранившаяся надпись RC., 9 – это текст письма Селевка I к Сопатру, в котором кратко изложена суть дела и содержится, весьма дипломатично сформулированная просьба принять меры в соответствии с запросом.

---

[175] Сохранность текста не очень хорошая.

[176] Состоит она из двенадцати строчек.

[177] Редакция текста и конъектуры приводятся по изданию Ч. Б. Уэллса. О них – применительно к данной фразе - см. Royal Correspondence.....pp.58-59. В точности восста-новлений по своей сути можно быть уверенным именно потому, что преобладающее направление политики Селевкидов по отношению к греческим городам – благоволение - хорошо известно по целому ряду документов.

Иными словами, монарх не считает для себя возможным выносить решение по данному вопросу, отсылая просителей к тому должностному лицу, в компетенции которого находится решение вопроса.[178] Со своей стороны, монарх ограничивается тем, что пишет этому чиновнику письмо с достаточно ясным выражением собственного положительного отношения к данной просьбе.

Важно также отметить, что данная надпись была выставлена для публичного ознакомления, а это, как было уже отмечено выше, является характерной чертой деятельности бюрократии в государстве Селевкидов. Тот же факт, что был выставлен на публичное обозрение документ, не являющийся окончательным решением вопроса, свидетельствует о следующем. Просители, добившись от монарха благосклонного отношения к своей просьбе в принципе, добились окончательного (положительного!) решения своего вопроса у должностного лица более низкого ранга. При этом очевидно, что для всеобщего обозрения должны были быть выставлены оба документа по данному вопросу: сохранившееся до наших дней промежуточное решение, исходящее от монарха, и окончательное решение, исходящее от должностного лица более низкого ранга. Плохое состояние надписи RC., 9 позволяет предположить, что надпись с окончательным решением по делу не сохранилась.

Интересная и весьма важная в историко-правовом отношении информация по интересующему нас кругу вопросов имеется в надписи RC., 64, происходящей из той же Нисы. Надпись фрагментирована и имя монарха, от имени которого составлен ответ, нам неизвестно, хотя наиболее вероятным претендентом является Антиох III. Надпись датируется первой половиной II в. до н. э.

Письмо, адресованное как обычно городскому совету и народу, извещает о том, что он, монарх, принял городских послов – Артемидора, Василида и Ми…, которые передали ему псефизму совета и говорили «с жаром» [μετὰ ̓φιλοτιμίας] о правах храма на приём молящих божество о защите [περὶ τῆς ἱκεσίας], о неприкосновенности [περὶ ἀσυλίας] и о свободе от налогового обложения. [περὶ ἀτελείας]. Далее в тексте надписи лакуна, правда, легко восстанавливаемая по смыслу. В тексте должен был содержаться призыв к царю поддержать со своей стороны это решение.

Монарх извещает далее городской совет, что, убедившись в древности существования означенных привилегий у городского храма, он решил подтвердить эти права в пределах той территории, которая была определена предыдущими монархами. [συνεχώρησα ὡς ως οἱ περιεστηλωμένοι ὅροι ὑπὸ τῶν ἔμπροσθεν βασιλέων συνεχώρησα-ϊ,καὶ τὰ ἄλλα δὲ πάντα φιλάνθρωπα καὶ τείμια ὅσα οἱ πρὸ ἡμῶν βασιλεῖς συνεχώρησαν ἐπιτρέπω] Заодно монарх извещает о готовности подтвердить права, которые давались городу всеми предыдущими монархами, дабы и в будущем тем или иным способом послужить к пользе жителей города, приславших посольство.

[178] Мы лишены возможности точно ответить на вопрос, почему именно монарх не считал для себя возможным выносить решение. Вероятнее всего, за этим стоит скорее желание соблюдать правила своего рода дипломатического этикета взаимоотношений чиновников, чем действительная невозможность принять нужное решение.

Что касается первого из этих двух заявленных решений монарха, то нельзя не обратить внимание на то, что послужило юридической базой для принятия этого решения. Действительно, вопрос о подтверждении храмовых привилегий решается монархом только на том основании, что послы представили документы, из которых вытекало существование храмовых привилегий в прошлые годы. Иными словами, у монарха **не было** под рукой документов, подтверждающих существование этих привилегий ранее. Иными словами, вопрос о привилегиях решался, исходя из соображений политической целесообразности.

Видимо, именно соображениями политической целесообразности объясняется столь обращающая на себя внимание разница принципов подхода монарха к решению сходных казусов. Посольство из Нисы, о котором рассказывается в надписи RC., 9, было отправлено за получением окончательного ответа по интересующему их вопросу к нижестоящему должностному лицу, тогда как сам монарх ограничился тем, что в принципе высказал своё положительное отношение к просьбе представителя города. Посольство же из Нисы, история которого отражена в надписи RC., 64, получает ответ непосредственно от монарха, хотя оба посольства обращались к монархам с практически одной и той же просьбой.

К рассмотренным документам о храмовых привилегиях и их утверждению монархом примыкает надпись 203-202 гг. с острова Файлака, содержащая пересказ письма Антиоха III.[179] Прямоугольная каменная стела, содержащая надпись (её длина составляет 43 строчки), была разбита на множество отдельных камней, которые издателям удалось достаточно успешно составить. Всё же изобилие сколов на углах камней ведёт к изобилию камней и трудно интерпретируемых мест, так что содержание надписи понятно в целом, но не во всех своих деталях.

Надпись начинается со своего рода введения, объясняющего, при каких обстоятельствах была воздвигнута стела с надписью. Анаксарх – титул его не назван, но по контексту видно, что речь идёт о представителе региональной администрации – обращается со словами приветствия к жителям Икароса и сообщает, что в связи с получением от Икадиона письма, касающегося положения дел на острове, он, Анаксарх, распорядился об изготовлении копии, которую следует поставить в храме.

В содержании преамбулы обращает на себя внимание следующий момент, характеризующий особенности работы государственного аппарата монархии Селевкидов. Представитель региональной администрации, Анаксарх, получив от вышестоящих должностных лиц серию распоряжений, как ему следует разрешить некоторые проблемы жизни острова, проявляет заботу о том, чтобы сделать доступными жителям острова все предписания властей, которые их касаются и которые он, Анаксарх, будет воплощать в жизнь.

---

[179] Использованное издание – Roueché Ch., Sherwin-White S. M. Some Aspects of the Seleucid Empire: the Greek Inscriptions from Failaka, in the Arabian Gulf // Chiron, 15, 1985, pp. 1-39. Предшествующее издание надписи – SEG., XX, 411.

Собственно деловая часть надписи начинается с восьмой строки. С этого места и далее, до конца, на стеле высечено письмо Икадиона Анаксарху. Именно в этом тексте содержится пересказ письма Антиоха III, адресованного Икадиону. Его титул в документе не указан, однако издатели, скорее всего, правы, когда пишут, что он являлся представителем центральной администрации и относился к категории «приставленных к делам», то есть – чиновников достаточно высокого ранга, исполняющих конкретное поручение монарха.

Само же содержание письма – настолько насколько оно может быть понято – сводится к следующему. Антиох III обращает внимание Икадиона на то, что он, Антиох III, как и его предки, озабочен делами острова и занят освящением земель[180] на острове. (σπεύδει ὁ βασιλεὺς περὶ Ἰκάρου τῆς νήσου διὰ τὸ καὶ τοὺς προγόνους α ὐτοῦ ἄγρους ἱερῶσαι).

Далее в письме сообщается о том, что с освящением земли, то есть с приданием земельным участкам сакрального статуса и передачей их тем самым в ведение храма, связано следующее действие – необходимость перемещения храма Спасительницы.[181] (τὸ τῆς Σωτείρας ἱερὸν....μεταγαγεῖν). Далее, в наиболее повреждённой части надписи, речь идёт о проблеме наделения местных жителей земельными участками, а также – о том, на каких условиях следует наделять людей землёй.

В документе неясно многое. В связи с чем возникла необходимость перемещения храма и кому он был посвящён, кого именно и какой конкретно землёй собирались наделять Антиох III, Икадион и Анаксарх. Эти вопросы требуют отдельного рассмотрения. Наиболее вероятными представляются следующие два предположения. Необходимость перемещения могла быть вызвана чисто практическими причинами и быть как-то связана с землеустройством. Необходимость перемещения могла быть также связана с какими-то чисто культовыми причинами. Ввиду того, что данная надпись была обнаружена на месте развалин целого храмового комплекса (несколько храмов, стоящих рядом), не исключено, что упомянутое перемещение храма на практике означало следующее. Культ Спасительницы был перемещён из одного храма храмового комплекса в другой.

Отметим также несколько деталей, имеющих принципиальное значение для темы исследования. В тексте надписи упоминаются трое должностных лиц, от которых зависело принятие решения: монарха, высказывающегося положительно по существу проблемы, представителя центральной администрации Икадиона, распоряжающегося воплотить желание монарха, и представителя региональной администрации – Анаксарха, принимающего к исполнению спущенную свыше резолюцию. Приводившиеся выше примеры показывали, что монарх принимал то или иное решение в ответ на обращённую к

[180] Восстановление соответствующего слова в греческом тексте весьма вероятно, но не бесспорно.

[181] Не ясно, какая именно богиня имеется в виду. Есть основания думать, что в данном случае подразумевалось какое-то в большей или меньшей степени эллинизированное местное божество.

нему петицию жителей того или иного города, представителей того или иного народа. В данном случае ситуация была, видимо, иной. На острове, если судить по надписи, не было полиса – города, организованного по античному образцу. Однако же, судя по всему, на острове был достаточно уважаемый местным населением храм. Ввиду того, что в надписи заявлено о постоянной заботе Селевкидов о делах на острове, можно предположить следующее. Нельзя исключать, что Антиох III мог по своей инициативе заняться всем комплексом проблем, так или иначе связанных с храмом Спасительницы и храмовой землёй в знак проявления традиционной для Селевкидов политики по поддержанию дружественных отношений с храмами всех богов, почитаемых народами царства.

Интересна стоящая в начале письма фраза, авторами которой могут быть как Икадион, так и Антиох III. Неясность объясняется стилистическими особенностями надписи. Текст является письмом Икадиона, адресованным Анаксарху и рассказывает Икадион о своих действиях. Однако Икадион к тому же пересказывает полученное им письмо Антиоха III. В результате, вероятнее всего, первая часть цитируемого ниже пассажа принадлежит Антиоху III, а заключительные слова – начиная с ἡμῖν δὲ γράψαντος τοῦ βασιλέως («после того, как царь написал нам») – уже Икадиону.

Речь же в надписи идёт о том, что верховная власть неоднократно поднимала вопрос о необходимости переноса храма Спасительницы, однако представители региональной администрации то ли из-за того, что им что-то мешало, то ли по какой иной причине этого не делали. И лишь тогда, когда письмо с соответствующим распоряжением было получено Икадионом, он с должным усердием предпринял все необходимое для выполнения этого решения. (καὶ ἔγραψαν τοῖς ἐπὶ τῶν πραγμάτων τασσομένοις μεταγαγεῖν. ἐκεῖνοι δὲ, εἴτε δὴ διὰ τὸ μὴ εκποιῆσαι αὐτοῖς εἴτε διὰ τὴν ἄλλην γοῦν αἰτίαν ὃν μετ ἠγαγὸν ἡμῖν δὲ γράψαντος τοῦ βασιλέως σπουδῆι μετήγάγομεν καὶ κατεσ τήσαμεν...

На наш взгляд, перед нами типичный пример ситуации, случавшейся и случающейся во все исторические периоды. Нерадивые должностные лица позволяли себе не выполнять предписания вышестоящих инстанций в той ситуации, когда чувствовали отсутствие над собой контроля. В тоже время в словах Икадиона чувствуется своего рода гордость за должное исполнение предписаний монарха и должное разрешение всех проблем, связанных с нормальным функционированием храмов на острове.[182]

К рассматриваемой группе документов относится также один хорошо известный исторический документ, сохранившийся в тексте Иудейских древностей Иосифа Флавия. Это – письмо Антиоха III Птолемею[183] о проблемах

[182] Вероятнее всего, данная надпись, как и все остальные царские письма, упоминаемые в данной работе, выставлялись на всеобщее обозрение на стеле уже после исполнения того поручения, которому посвящалось письмо монарха. В данном случае обращает на себя внимание употребление в прошедшем времени совершенного вида основных глаголов – μετηγάγομεν - «мы переместили» и κατεστήσαμεν - «мы переустановили».

[183] В данном случае имеется в виду не династ эллинистического Египта, а наместник Келесирии и Финикии в государстве Селевкидов. Точную дату составления письма на основании версии текста, имеющейся у Иосифа Флавия, определить невозможно, хотя по контексту в принципе

статуса Иудеи в составе государства Селевкидов, и о привилегиях Иерусалимского храма (Fl. Jos., XII, 138-146). Оно представляет большой интерес перечислением целой серией принципов юридического характера, которыми собирается руководствоваться монарх в своих взаимоотношениях с иудеями и иудаизмом. Редакторская работа Иосифа Флавия над текстом документа несомненна. Документ сути своей является царским письмом, но версия текста Иосифа Флавия совершенно не соответствует формуляру царских писем.

Письмо, адресованное Птолемею, начинается с констатации радушного приёма, оказанного иудеями: иудеи выразили готовность служить царю, торжественно встретили царя в Иерусалиме и обеспечили достаточным количеством продоволь-ствия воинов царя и боевых слонов армии Селевкидов, помогли изгнать египетский гарнизон.

Учитывая всё это, монарх принимает решение воздать должное иудеям (ἠξιώσαμεν καὶ αὐτοὶ τούτων αὐτοὺς ἀμείψασθαι). Запланированные царём меры благодарности сводятся к следующему. Антиох собирается предпринять меры по восстановлению города, пострадавшего от военных действий и к возвращению назад его жителей. Антиох заявляет далее о целой серии мер, направленных на поддержание культа в Иерусалимском Храме. Монарх заявляет о готовности обеспечить Храм всем необходимым для жертвоприношений – животными, вином, маслом, ладаном, мукой, пшеницей и солью. Для ладана, муки, пшеницы и соли в документе указаны даже объёмы поставок, которые достаточно велики.

Этот пассаж завершается принципиальным с историко-правовой точки зрения заявлением монарха. «Я хочу, чтобы это было для них осуществлено так, как я предписал» (τελεῖσθαι δ’ αὐτοῖς ταῦτα βούλομαι καθὼς ἐπέσταλκα). Отметим, что это выражение отсутствует в царских письмах, посвящённых взаимоотношениям монарха и греческих городов, которые сохранились до наших дней в надписях. Появление же такого уточнения в данном случае объясняется, вероятнее всего, следующим. Антиох, как кажется, осознавал, что предпринятые им меры по регламентации взаимоотношений государственной власти и Иерусалимского храма не имеют прецедента.

На наш взгляд, за такой заботой об обеспечении жителей Иерусалима всем необходимым для жертвоприношений стоит отчасти политический расчёт и целесообразность – лояльность подданных на завоёванных территориях была для него, главы государства, весьма важна. Отчасти же такая забота объясняется одной характерной особенностью мировоззрения человека античного мира:

ясно, что документ составлен, вероятнее всего в самые первые годы IIв. до н. э. О самом документе и его подлинности см., например: Josephus with an English Translation by R. Marcus in nine volumes. VII. Jewish Antiquities, books XII-XIV, London, 1986, pp.743-756. Подробный документа есть также в следующих статьях Э. Бикермана – La charte Séleucide de Jérusalem; Une proclamation Séleucide relative au Temple de Jéusalem. Обе статьи (страницы соответственно – 44-85; 86-104) опубликованы в следующей книге – Bickerman E. Studies in Jewish and Christian History. Part two. Leiden, 1980.

искать благорасположения богов всех стран и народов, с которыми доводилось сталкиваться.

В тексте, сохранённом Иосифом Флавием, далее идёт подробная роспись серии мер, которые необходимо осуществить для самого комплекса зданий Иерусалимского Храма. Здесь заверения о готовности поддержать любое строительство на территории Храма, в том числе портиков, о готовности монарха обеспечить Храм для любого строительства необходимыми объёмами древесины как с территории Иудеи, так и от других народов и из Ливана на беспошлинной основе (μηδενὸς πρασσομένου τέλος). Этот пассаж завершается предписанием монарха о том, что любые иные материалы, необходимые для строительных работ в Храме, должны поставляться на тех же условиях.

Антиох переходит далее к налоговым льготам и льготам политического характера, которые он собирается предоставить иудеям. Здесь названы – система управления народом, согласно его традициям и законам, а также – освобождение от подушной подати, «коронного» налога и налога на соль. Далее в документе заявлено о гарантированном освобождении жителей Иерусалима и тех, кто может вернуться в него на постоянное место жительства в город до месяца гиперберетея от всех налогов на три года.

В конце документа – в тексте, сохранённом Иосифом Флавием – сообщается о снижении на треть налогового бремени для того, чтобы жители города могли компенсировать свои потери, а также – об освобождении тех жителей Иерусалима, которые были насильно уведены из города и обращены в рабство.

Документ не содержит, к сожалению, никаких указаний, кто и на каких условиях должен освобождать бывших жителей Иерусалима из плена и возвращать затем им их бывшую собственность. Нет в тексте никаких гарантий верховной власти и применительно ко всем остальным заявленным в документе льготам. Иными словами, мы не можем полностью оценить действенность заявленных мер.[184]

Обычно этот документ расценивается как образец благоволения Антиоха III по отношению к иудеям и иудаизму. С одной стороны, такой подход, бесспорно, верен, ибо в письме Антиоха III речь идёт исключительно о привилегиях, причём немалых, для жителей Иерусалима, Иерусалимского Храма и иудеев в целом. Однако же сопоставление этого документа с царскими письмами о привилегиях греческим городам заставляет в известном смысле слова скорректировать эти оценки и более реалистично оценить принципы подхода Антиоха III к проблемам иудеев и к проблемам управления Иудеей. Последнее же весьма важно в рамках рассматриваемой темы.

Отметим прежде всего следующий факт. Слова о радушной встрече Антиоха в Иерусалиме, с которых начинается письмо, позволяют достаточно уверенно говорить о том, что появлению письма предшествовала – как и в случае с любым греческим городом, встреча монарха с делегацией представителей города,

[184] Ввиду отсутствия документов, с уверенностью можно говорить лишь о том, что в реальной жизни действенность декрета Антиоха была частичной. Едва ли все объявленные в документе льготы воплощались в полном объёме.

изложивших Антиоху свои просьбы. Именно поэтому письмо Антиоха III, точно также как и письма любого другого селевкидского монарха по проблемам греческих полисов, посвящено одному городу и проблемам жителей только одного города – Иерусалима.

Судя по контексту, монарх никак специально не выделял Иерусалим из общего числа других городов монархии, воспринимая его при этом как эллинистический город. Обращает на себя внимание тот факт, что несколько раз Антиох III называет в письме иерусалимский синедрион герусией,[185] термином, который у того же Иосифа Флавия и других грекоязычных авторов эпохи Империи, обозначал римский сенат. Сам же Иерусалим в этом письме систематически называется «полисом», хотя в греческом есть и иные слова для понятия «город». Кроме того, в тексте документа, приводимого Иосифом Флавием, налицо и все составляющие политики верховной власти по отношению к «свободным» греческим полисам Малой Азии. Иерусалим автономен – его жители получают полное право жить по своим законам; жители Иерусалима получают значительные налоговые льготы и не платят фороса.

Отсутствие же упоминаний о свободе от размещения в городе гарнизона объясняется, на наш взгляд, исключительно тем, что текст, приводимый Иосифом Флавием, не является непосредственно самим письмом. Иосиф Флавий лишь пересказывает письмо Антиоха III, однако же и построение, и содержание документа ничем практически не отличаются от писем монархов, составляемых канцелярией в ответ на петиции греческих городов. Из этого отношения к Иерусалиму как к любому эллинистическому городу не следует делать очень далеко идущих выводов и считать, например, что уже во времена Антиоха III Иерусалим был таким, каким он стал на некоторое время при эллинистах. Однако же бесспорен тот факт, что письмо Антиоха – это первый документ, в котором Иерусалим был, с правовой точки зрения, был официально рассмотрен как эллинистический город, или, по меньшей мере, как город, который следует рассматривать также, как и греческие города.

Обращают на себя внимание некоторые особенности отношения Антиоха к иудаизму в целом. Антиох распоряжается снабдить всем необходимым для жертвоприношений не Иерусалимский Храм, а жителей города вследствие своего благочестия. Сам Храм в этом письме упоминается только в связи с заявленным намерением довести до конца строительные работы в Храме и обеспечить стройку всеми необходимыми строительными материалами.

Хотелось бы отметить, что в известном издании Иосифа Флавия в серии Loeb Classical Library в этом месте есть удивительная ошибка[186]. Согласно переводчику, Антиох III снабжает иерусалимцев всем необходимым для жертвоприношений по причине их благочестия (on account of their piety). Между тем, обращение к греческому тексту свидетельствует совсем о другом. Антиох соглашается обеспечивать жителей Иерусалима именно по причине **собственного**

[185] Традиционный греческий термин со значением «совет старейшин».

[186] Josephus with an English translation by R. Marcus in nine volumes. VII. Jewish Antiquities, books XII-XIV. Cambridge-London, 1986, p. 71.

благочестия. (ἐκρίναμεν διὰ τὴν εὐσέβειαν παρασχεῖν).Здесь обращает на себя внимание отсутствие местоимения αὐτῶν [«их»], наличие которого можно было бы считать решающим аргументом в пользу того, что речь идёт о благочестии именно иудеев. Кроме того, анализ употребления термина εὐσέβεια у Иосифа Флавия показывает, что историк употреблял это понятие далеко не только к иудеям[187].

Что же касается известного документа за подписью Антиоха III о запрете входа в Иерусалимский Храм любого иностранца и тех иудеев, которые не совершили процедуры ритуального очищения (Fl. Jos., Ant. Jud., XII, 145-146), то подпись Антиоха в данном случае означала лишь санкцию того, что царю было представлено в виде петиции. За этим нет особой привязанности или исключительной симпатии царя к иудейской вере: утверждение такого документа вполне вписывалось в общую политику селевкидов к греческим городам и привилегиям их храмов. Весьма близок – если не сказать: тождественен – к разобранным выше примерам и механизм обеспечения решения. Монарх отписывает нижестоящему чиновнику послание с дипломатичным по форме предписанием поступить так-то и так-то. Некоторой особенностью данного письма следует признать тот факт, что Антиох особо подчёркивает своё желание гарантии поставок всего необходимого для жертвоприношений. Если говорить в целом, сам же монарх никакого решения de jure не принимает, лишь высказывая в принципе своё отношение и, как обычно, перекладывая практическое воплощение того, к чему монарх относится благосклонно, на плечи нижестоящих должностных лиц.

Ценный материал для характеристики правовой ситуации в государстве Селевкидов и особенностей взаимоотношений городской администрации с центральной властью, даёт также группа надписей, отражающих переписку Антиоха II с жителями города Эритрэи. Эти тексты позволяют проследить все стадии длинного бюрократического процесса, завершающегося принятием на высшем уровне резолюции по тому или иному актуальному для города вопросу.

Таких стадий в общей сложности было три и в данном случае каждая из этих стадий отражена в отдельном документе.

Первой в хронологическом отношении является надпись IEK, 30. Это – длинный, но, к сожалению, плохо сохранившийся текст, представляющий собой решение городских властей, являющееся почётным декретом в честь Антиоха. Принципиально важно отметить, что именно этот документ упоминается в надписи RC., 15(=IEK., 31), являющейся текстом письма Антиоха в Эритрэю с гарантиями автономии и свободы от налогообложения. Как уже отмечалось, письмо относится ко времени правления либо Антиоха I (280-261 гг.), либо Антиоха II (261-246 гг.). В результате наиболее вероятным временным промежутком переписки монарха и жителей Эритрэи является период 270-260 гг. до н. э.

---

[187] См., например: Ant. Jud., XIII, 69; XVI, 95; XVI, 112. Ср. перевод рассматриваемого документа в статье Э. Бикермана – Bickerman E. La charte Séleucide de Jérusalem // Studies in Jewish and Christian History. Part two. Leiden, 1980, pp. 45-46.

Принятие почётного декрета в честь монарха являлось, судя по всему, обязательным условием для обращения к монарху от имени города и принятия затем тех или иных решениях в высших бюрократических инстанциях государства Селевкидов.

Это видно по ответному письму монарха совету и народу Эритриэи, в котором подробнейшим образом описана встреча послов города и монарха, а также – перечисляются принятые решения. Описание этой встречи вполне традиционно и встречается оно во многих надписях.

Текст письма Антиоха начинается с традиционного приветствия (τῆι βουλῆι καὶ τῶι δῆμωι χαίρειν) от царского имени, которое адресуется совету и народу эритрейцев. Антиох сообщает, что к нему прибыли послы от города Тарсинон, Пит и Боттас (Θαρσύνων καὶ Πυθῆς καὶ Βοττᾶς).[188]

Монарх извещает далее жителей Эритриэи, что послы вручили ему псефизму городского совета, согласно которой Антиох II награждается венком и золотым подарком.[189] Встреча монарха с послами, началась, согласно надписи, с выступления Антиоха, в котором он особо констатирует три вещи:

- постоянное благорасположение городской администрации «к нашему дому» (περί τε τῆς εὐνοίας ἣν διὰ παντὸς εισχήκατε εἰς τὴν ἡμετέραν οἰκίαν);
- благодарность жителей города[190] ко всем эвергетам-благодетелям;
- особое уважение, почёт, которым пользовался город у предшествующих царствующих особ. (προαγωγὴν ἐν ἧι γέγονεν ἡ πόλις ἐπὶ τῶν πρότερον βασιλευσάντων).

В ответ на эти слова монарха, послы Эритрии обратились к Антиоху с горячей просьбой (ἠξίουν μετὰ πάσης σπουδῆς καὶ προθυμίας)[191] и в будущем всегда быть дружески благорасположенным к Эритрэи и помогать городу во всём, что касается его, города, интересов, почёта и славы. (φιλικῶς διακεῖσθαι ὑμῖν και ὁμοῦ πᾶσιν τοῖς ἀνήκουσι πρὸς τιμὴν καὶ δόξαν συναύξειν τὰ τῆς πόλεως). Контекст при этом подсказывает, что речь идёт о важнейшем, с точки городских властей, условии нормальной жизни и взаимоотношений города и верховной власти.

Монарх заявляет после этого о благосклонном приёме венка и подарков и о том, что весьма ценит благорасположенность города всегда и во всём, также как и то, что городская администрация на деле показывает себя всегда следующей именно этому образу действий. (καὶ ὑμᾶς ἐπαινοῦμεν εὐχαρίστους ὄντας ἐμ πᾶσιν· φαίνεσθε γὰρ καθόλου ἀγωγῆι ταύτηι χρῆσασθαι).[192]

---

[188] Из этих трёх имён, греческим можно назвать лишь первое.

[189] О сути подарка ничего сказать нельзя, ибо в тексте – общее, достаточно неопределённое выражение τὸ χρυσίον τὸ εἰς τὰ ξένια.

[190] Обращает на себя внимание тот факт, что понятие «жители города» выражено достаточно неопределённо. В тексте употреблено слово τὸ πλήθος - «большинство». Конкретное же значение «жители города» можно вывести только по контексту.

[191] Буквальный перевод этих слов – «стали просить со всем усердием и готовностью».

[192] Буквальный перевод этих слов – «и мы хвалим вас за то, что вы благорасположены во всём, ибо вы проявили себя постоянно следующими этому образу мыслей».

Этот обмен дипломатическими любезностями между монархом и послами Эритрэи завершается приёмом некоторых вполне практических решений в интересах города.

Монарх извещает, что раз городские послы доказали (ἀπέφαινον) автономию и свободу города от налогов (αὐτονόμος ἦν καὶ ἀφορολόγητος η πόλις ἀτον᾽μος) при предшествующих монархах[193], он, стремясь не забрасывать дела благотворительности (μὴ λείπεσθαι ταῖς εὐεργεσίας), подтверждает все эти льготы со своей стороны и добавляет им новую – возможность не вносить денежные средства в галатский фонд.[194] Конец текста надписи сохранился несколько хуже, однако насколько можно понять, монарх обещает, что у жителей Эритрэи будет (ὑπάρξει δὲ ὑμῖν) любая привилегия, которую либо он сам придумает, либо – ту, о которой вы напомните (ἢ ἡμεῖς ἐπινοήσωμεν ἢ ὑμεῖς᾽ἀξιώσητε).

Письмо завершается напоминанием, адресованном администрации города, о дружественности и благорасположенности их отношения к центральной власти при предыдущих монархах. Принципиально важна также последняя фраза царского письма – монарх извещает, что послы по возвращении расскажут вам о наших беседах подробнее. Эти слова ясно показывают, что по своему содержанию царские письма являются лишь очень кратким пересказом сути переговоров.

Надпись завершается начальными строчками псефизмы совета и народа Эритрэи – приёмом законодательных актов городского уровня в соответствии с царскими гарантиями.

Приведённые примеры показывают, что городской администрации для принятия какого-либо важного для себя решения со стороны верховной власти надо было совершить три принципиальных действия.

Необходимой предпосылкой для любого обращения к монарху для решения каких-либо своих проблем являлось принятие в городском совете почётного декрета в честь правящего монарха.

---

[193] В этой формуле особо обращают на себя внимание слова о доказательстве послами автономии и свободы города от налогов. Буквальный перевод соответствующего глагола (ἀποφαίνω) – «сделали явным», «объявили». Этимология глагола подсказывает, что послы привезли документы, подтверждающие правоту собственных слов. Что касается автономии, то в данном случае прилагательное αὐτονόμος означает – «живущий по своим собственным законам». В условиях государства Селевкидов это могло означать право гражданского коллектива города решать все проблемы своей внутренней жизни по своим законам». О возможных нюансах употребления этого термина греческими политическими деятелями эллинистического времени см., например; Mileta Chr.Der König und sein Land. Untersuchungen zur Herrschaft der hellenistischen Monarchen über das königliche Gebiet Kleinasiens und seine Bevölkerung, Berlin, 2008, S. 36-40; Welles, 1934, p. 30 (комментарии к надписи RC., 3); Ma J. Antiochos III and the cities of western Asia Minor. Oxford, 2005, pp. 160-173.

[194] К сожалению, не ясно, что имеется в виду. Наиболее вероятным представляется следующее предположение. Селевкиды вынуждены были создать особый общегосударственный по значению денежный фонд для того, чтобы всегда быть в состоянии отразить угрозу нападения со стороны галатских племён.

После принятия такого декрета город снаряжал посольство чаще всего из трёх человек, в задачу которого входило вручение монарху псефизмы городского совета с текстом почётного декрета, вручение тех или иных подарков, а также – изложение основной просьбы, заставившей послов города прибыть в столицу. Приём монархом псефизмы и подарков был гарантированно благосклонным. По итогам аудиенции царская канцелярия оформляла письмо от имени монарха совету и народу города. При этом чаще всего монарх не выносил окончательного решения по рассматриваемому вопросу, вынося лишь общее положительное суждение по сути просьбы. Окончательное же решение вопроса, с которым обращалось посольство города, в целом ряде случаев перекладывалось на плечи должностных лиц региональной администрации.

Наконец, завершающей стадией процесса являлось принятие городским советом законодательных актов городского уровня в соответствии с царскими гарантиями, изложенными в письме царской канцелярии.

Лушин А.Н.,
Нижний Новгород

Значение земельных сервитутов в Древнем Риме: правовой аспект

При изучении римского права в современных высших учебных заведениях юридического профиля рассмотрению прав на чужие вещи уделяется особое внимание, так как сервитуты являются одним из постоянно актуальных юридических институтов в экономической жизни общества.

В настоящее время в России в связи с принятием Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» возник целый ряд спорных вопросов, связанных с различными ограничениями и обременениями в пользовании земельными участками, установленными данным законом. Статья 19.2.5. главы IV названного правового документа предписывает членам подобных некоммерческих объединений соблюдать «установленные режимы, ограничения, обременения и сервитуты».[195] Сервитут в его современном юридическом понятии является ограниченным правом пользования чужим земельным участком, которое не лишает собственника этого участка прав владения, пользования и распоряжения. Поэтому устанавливаются должные правовые основания для сервитутов в виде заключения соглашений между собственниками соседних земельных участков. При этом собственник участка, обремененный частным сервитутом, может потребовать выплаты определенного денежного возмещения (компенсации) от соседа, в интересах которого этот сервитут устанавливается. Если собственники соседних земельных участков не придут к добровольному соглашению, то тогда установление вопрос установления сервитута может быть рассмотрен в судебном порядке.

Возникновение и установление земельных сервитутов сельского типа в Древнем Риме было продиктовано интенсивным развитием вещного права, так как земля всегда считалась одной из самых значительных материальных ценностей. Территория Рима и Лациума по природным качествам являлась не совсем идеальной для ведения интенсивных сельскохозяйственных работ, потому возникала естественная необходимость ограничения правомочий пользования землей отдельных землевладельцев в пользу их соседей. Не случайно, земельные сервитуты являются самыми древними по возникновению. Римские юристы проводили научные исследования в области ограничения вещных прав на землю, в результате чего приводили обоснования установлению тех или иных сервитутов. В римском частном праве сервитут возникает как функционально определенное бессрочное обременение служащего земельного участка в пользу

[195] Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан». М.: Омега. Л, 2008. С. 20.

соседнего господствующего участка. Одним из основных критериев установления подобного сельского сервитута являлась несомненная полезность и экономическая выгода соседнему земельному участку. Сам термин «сервитут» означал не что иное, как определенное служение вещи. Таким образом, римские юристы под сельским сервитутом подразумевали подчинение одного земельного участка другому, основанное на двух важных принципах. Во-первых, сервитут был должен обеспечить экономические интересы (выгоды) господствующего участка, но при этом он не влиял на увеличение цены земельного участка. Во-вторых, сервитут своими естественными (природными) ресурсами обеспечивал только те нужды господствующего участка, которые были действительно востребованы как необходимые и постоянные, то есть установление земельного сервитута не могло произойти по произвольному решению собственника одного из соседних участков.

Сервитуты, установленные в Древнем Риме в интересах сельскохозяйственных участков, получили название земельных или предиальных сервитутов. Самыми ранними по своему возникновению являлись в сельской местности дорожные и водные сервитуты, которые в римском праве считались манципируемыми вещами. Они упоминаются уже в Законах XII Таблиц, относящихся к середине V века до новой эры. К этим сервитутам относились право прохода пешком либо проезда верхом на пашню, право проезда в легких повозках с поклажей, право пользования вымощенной камнем дорогой при перевозке на телеге тяжелых грузов, право прогона скота и право проведения воды для орошения через соседний служащий участок. В «Дигестах Юстиниана» конкретно называются следующие сервитуты: «проезжей дороги, пешеходного пути, прогона скота, водопровода, которые устанавливаются теми же способами, которыми устанавливается узуфрукт».[196] При этом следует указать на то, что устанавливалась определенная ширина вымощенной проселочной дороги. Естественно, что такие земельные сервитуты играли в сельскохозяйственной жизни Древнего Рима весьма важную роль, так как обеспечивали устойчивую экономическую жизнь сельских жителей.

С дальнейшими значительными изменениями в политической, общественной и экономической жизни римского государства и, следовательно, развитием частного права появились новые сервитуты, отразившие спектр отношений между землевладельцами. Жизненно важными предиальными сервитутами в сельской местности стали для римлян такие, как право выгона скота на водопой, право черпания воды в водоеме, расположенном на соседнем земельном участке, право пастьбы скота с установкой шалаша для пастуха. Юрист Публий Ювенций Цельс указывал на особенности установления таких сервитутов: «Если кому-либо уступлен или просто оставлен проезд через чей-либо участок на неопределенное время, то это значит, что ему можно будет ходить и ездить через

[196] Дигесты Юстиниана: Книга восьмая. Титул первый. О сервитутах// Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т./ Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1.: Древний мир и средние века. М.: Норма, 2007. С. 329.

любую часть участка, но с соблюдением интересов собственника».[197] Знаток права Юлий Павел конкретизировал один из важных аспектов земельных сервитутов, отметив, что «никто не может ходить и ездить так постоянно и безостановочно, чтобы ни в один момент его владение не могло показаться прерванным».[198] Рассматривая принципы установления сельских или земельных сервитутов, автор знаменитых институций Гай выделял следующий аспект: «Пользование сервитутами может различаться по временным ограничениям. Например, чтобы кто-нибудь пользовался этим правом с наступлением третьего вплоть до десятого часа или чтобы пользовался через день».[199] Таким образом, римские юристы пытались добиться возможного соблюдения интересов собственников как господствующего, так и служащего земельных участков.

Еще одна группа сельских сервитутов, кроме дорожных и водных, получила развитие в римском праве. Здесь следует указать на сервитуты, игравшие в экономической жизни римских землевладельцев значительную роль, например, право добывать песок и глину с чужого участка, право варить известь на чужой земельной территории, право вывозить камни с чужого участка.

В современном Земельном кодексе Российской Федерации легко обнаруживаются виды предиальных сервитутов, хорошо известных еще в Древнем Риме. Статья 23 данного кодекса « Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут)» указывает на публичные и частные сервитуты, которые с определенным учетом трактовок римского классического права в России включены в перечень вещных прав.[200] Кроме того, сегодня в некоторой степени урегулированы вопросы возникновения и прекращения земельных сервитутов. Собственник земельного участка, обремененного частным сервитутом, имеет сегодня право требовать от лица, в пользу которого этот сервитут установлен, соразмерной денежной оплаты.

Именно установлению и прекращению сервитутов как «бестелесных вещей» в римском праве уделялось юристами значительное внимание. Во второй книге институций правоведа Гая писалось о возникновении цивильным способом сельских сервитутов посредством манципации: «Точно также почти все то, что относится к разряду бестелесных вещей, причисляется к res nec mancipi за исключением сельских сервитутов, которые, как известно, считаются res mancipi, хотя принадлежат к числу вещей бестелесных».[201] Другим способом приобретения сельских сервитутов являлось осуществление права на чужую вещь в течение двух лет, то есть учитывались сроки приобретательной давности. Однако в I веке до новой эры трибун Гай Курион Скрибоний добился отмены приобретения сельских сервитутов по давности. В Древнем Риме сервитут мог

---

[197] Дигесты Юстиниана: Книга восьмая. Титул первый. О сервитутах. С. 329.
[198] Дигесты Юстиниана: Книга восьмая. Титул первый. О сервитутах. С. 329.
[199] Там же. С. 329.
[200] Земельный кодекс Российской Федерации. М.: Омега. Л, 2007. С. 18-19.
[201] Институции Гая. Книга II. О вещах// Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран:
В 2 т./ Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – Т. 1.: Древний мир и средние века. – М.: Норма, 2007. С. 241-242.

быть также установлен по решению суда в случае, если речь велась о разделе общей собственности. В таких случаях судья мог присудить одной из сторон больший по территории земельный участок, но установить в качестве компенсации другой стороне сервитут на больший участок, например, право проезда и прохода к хозяйственным постройкам. Через суд решалось и установление такого сервитута, как беспрепятственный проход через чужую территорию к кладбищу, если попасть к нему другим путем было невозможно. Оригинальный способ установления сервитута можно обнаружить в римском наследственном праве, когда наследодатель при составлении завещания возлагал на наследников установление сервитута путем отказа (легата) в пользу какого-либо конкретного третьего лица, например, предоставления права прохода соседям через наследованный земельный участок.[202]

С активным развитием преторского права были определены прогрессивные для того времени способы возникновения земельных сервитутов. Была установлена преторская давность для приобретения предиальных сервитутов по их добросовестному владению в течение 10 и 20 лет. В пределах названных временных сроков преторы установили погасительную давность для сервитутов. Другим способом установления сервитутов в римском праве преторы сделали особую или воображаемую традицию, то есть передачу «бестелесной вещи», например, при договоре купли-продажи земельного участка.

В римском праве достаточно четко были определены формы прекращения земельных сервитутов. Предиальные сервитуты сельского типа погашались при их неиспользовании в течение двух лет. Если собственник служащего земельного участка приобретал право собственности на господствующий участок, то происходило слияние или соединение права собственности и права сервитутного.

Что касается защиты сельских сервитутов, то претор давал ущемленному в правах вещный иск, ответчиком по которому мог быть не только собственник земельного участка (например, посягнувший на право прохода через этот участок), но могло быть также третье лицо, которое препятствовало законному отправлению сервитутного права. Истец доказывал в суде основания установления земельного сервитута и требовал его восстановления либо возвращения. Впоследствии были установлены особые средства преторской защиты земельных сельских сервитутов, такие как интердикты. Они защищали право прохода и проезда через чужой участок, право выгона скота на водопой, право проведения воды.

Таким образом, земельные сервитуты в сельской местности устанавливались в Древнем Риме исключительно в экономических интересах и позволяли развивать сельскохозяйственные угодья с учетом возрастания пользы от вынужденной эксплуатации отдельных земельных участков. В то же время следует отметить, что римское право оказало определенное влияние на развитие и становление отечественного земельного права, в котором земельные сервитуты выполняли и выполняют существенную роль.

---

[202] Дигесты Юстиниана. Кн. 33. Титул III. О легате сервитута. М.: Статут, 2004. Т. 5. Полут. 2. С. 51-53.

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук
(Москва, ИВИ РАН)

АНТИЧНОСТЬ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ

В основе данного текста лежит доклад, сделанный автором в 2009 г. на заседании Совета гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis (Рига). Интеллигенция русской общины Латвии (а это люди очень высокой культуры) точно так же, как и мы, озабочена сохранением и возрождением классической традиции: ведь любой образованный человек понимает, что с ее окончательным иссяканием наступит крах западной цивилизации и необратимая варваризация обществ[203]. Именно эта аудитория, очень интересующаяся античными корнями русской культуры, настояла на том, чтобы наше выступление было посвящено именно теме, обозначенной в заголовке. После некоторых колебаний мы согласились, – конечно, прекрасно отдавая себе отчет в том, что исчерпывающим образом осветить предмет никак не удастся. Да и возможно ли это в принципе? Видных специалистов по названной проблематике в нашей стране, кажется, нет (а если их нет в нашей стране – то, стало быть, их нет и нигде). Существует книга Г.С. Кнабе под названием «Русская античность»[204]. Но она, во-первых, посвящена влиянию античности на Россию и российскую культуру в целом, и проблематика, связанная с Древней Русью, занимает в ней лишь очень незначительное место. Во-вторых, по довольно солидарному мнению коллег, в большом и богатом наследии выдающегося ученого Г.С. Кнабе именно указанная работа – далеко не самая сильная.

Разумеется, и мы здесь коснемся лишь некоторых вопросов, связанных с поставленной темой. Более того, в основном речь пойдёт, – возможно, несколько парадоксально – о том, почему античное влияние на средневековую Русь не было столь значительным, каким, в принципе, могло бы быть; по каким причинам сами формы этого влияния были совершенно иными по сравнению, скажем, с теми, которые в тот же период имели место в Западной Европе; и, наконец, какие из этого проистекли результаты для России и русской культуры.

---

[203] О том, что этого «полного иссякания» пока не произошло, свидетельствует хотя бы тот факт, что военная операция, ведущаяся ныне рядом западных стран против ливийского лидера Каддафи, носит официальное название «Одиссея. Рассвет». Конечно, каждому, кто хоть что-то читал, сразу вспомнится: «Встала из мрака златая с перстами пурпурными Эос…». Правда, натовская Эос в своих пурпурных перстах держит бомбы, но это – вопрос отдельный, которого мы здесь не касаемся.

[204] *Кнабе Г.С.* Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999.

* * *

Прежде всего необходимо напомнить то принципиальное обстоятельство, что непосредственного соприкосновения с античной цивилизацией Древняя Русь не имела и не могла иметь: даже в чисто хронологическом плане их отделяют друг от друга несколько веков. Было не обойтись без посредника, «передатчика», в роли которого, естественно, выступала Византийская империя, которая, в высшей степени демонстративно позиционируя себя как православную «священную державу»[205], в то же время являлась прямой наследницей античности – как греческой, так и римской[206].

Как известно, «Византия», «византийцы» – названия хоть и общепринятые, но чисто условные. Сами жители государства, о котором идет речь, никогда не называли так себя и свою страну. Несколько утрируя, можно даже сказать, что «Византия» (от топонима «Визáнтий», прежнего названия Константинополя) – некая уничижительная кличка, введенная в Западной Европе (в первую очередь в Италии эпохи ренессансного гуманизма) применительно к греческой державе, официальным названием которой продолжало оставаться «Римская империя»; соответственно, ее граждане (или подданные, но, начиная с эпохи эллинизма, эти два понятия на востоке Средиземноморья уже не противопоставлялись друг другу) именовались «римлянами» (ромеями), хотя в этнолингвистическом отношении являлись, повторим, в основном греками.

Итак, применительно к теме «Античность и Древняя Русь» всегда надлежит помнить, что речь пойдет именно о вторичном влиянии одной цивилизации на другую – через посредство промежуточной, византийской. На соображения принципиально-концептуального плана нас выведут несколько фактов, с констатации которых мы начнем. Эти факты сами по себе могут на первый взгляд показаться частными и мелкими, но в действительности они показательны и сразу многое для нас сделают более ясным.

Вообще, нужно сказать, что порой небольшое количество примеров, но ярких и характерных, оказывается имеющим большее эвристическое значение, чем какая-нибудь пространная сводка данных, ссылок на источники (особенно если составитель подобной сводки не подверг ее необходимой обработке, и в ней важное соседствует с откровенно второстепенным; так, увы, бывает слишком

---

[205] Ср.: *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности. Ст. 1: Наследие священной державы // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220.

[206] Насколько были сильны эти античные начала в византийском менталитете, консервативно пронесенные через тысячелетие, – хорошо видно, например, из такого малоизвестного факта. Существует интересный греческий текст, написанный в XVI в. и повествующий о Тохтамыше и Тимуре (см. с комментарием: *Treu M.* Eine Ansprache Tamerlans // Byzantinische Zeitschrift. 1910. Bd. 19. Ht. 1. S. 15–28). Когда читаешь его, поражаешься: уже и Византии-то нет, античность – совсем уже в далеком прошлом, а автор как будто живет во времена Геродота. Хан Золотой Орды назван у него «царем скифов», а могущественный самаркандский эмир – «царем персов»; Тимур произносит перед своими воинами речь, отточенную по всем канонам эллинской риторики, и т.д.

часто, и это мешает читателю, не являющемуся узким специалистом в данной конкретной проблеме, полноценно разобраться в ней)[207].

Существует весьма интересный памятник греческой словесности – «Пчела». Это составленная в VII в. византийским богословом и духовным писателем св. Максимом Исповедником антология всевозможных мудрых изречений, в том числе принадлежащих и языческим авторам – от легендарных «Семи мудрецов» до писателей первых веков н.э. Около XIII в. «Пчела» была переведена на Руси и вошла в круг излюбленного чтения наших предков.

Весьма интересно будет сопоставить некоторые места греческого оригинала и древнерусского перевода. Возьмем такое изречение: «При славе будь смирен, при печали мудр». Приведенная мысль – вполне античная по своему духу, она являет собой призыв к самообладанию: достигнешь успеха – не возносись, не гордись чрезмерно, постигнет неудача – не отчаивайся. Интересно, что и на Руси афоризм стал популярен: так, он особенно часто встречается в качестве надписей-«девизов» на перстнях[208].

Каково происхождение афоризма? Античная традиция обычно приписывала его Периандру, знаменитому тирану Коринфа (см., например: Diog. Laert. I. 98, с опорой на такого авторитетного автора, как Деметрий Фалерский): «В счастье будь умерен, в несчастье разумен» – перевод М.Л. Гаспарова). Периандр, как известно, причислялся к «Семи мудрецам». Впрочем, строго говоря, нет полной уверенности, в принадлежности изречения именно Периандру. Так, судя по всему, все-таки раньше коринфского тирана жил и творил великий лирик Архилох. А между тем в одном из его знаменитейших стихотворений встречаем очень похожие по смыслу строки:

Победишь – своей победы напоказ не выставляй,
Победят – не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
(Archiloch. fr. 128 West; перевод В.В. Вересаева)

Иными словами, в данном случае скорее следует говорить о некоем «общем месте» античного греческого мировоззрения. Но, повторим, в традиции по какой-то причине эта фраза связана преимущественно именно с Периандром.

Интересно, что в греческом оригинале «Пчелы» афоризм ошибочно приписан Кипселу Коринфскому. Кипсел был отцом Периандра, основателем коринфской тирании. Он в круг «Семи мудрецов» никогда не включался, и, насколько известно, автором прославленных сентенций его никто не считал. Перед нами либо неточность составителя, либо – что гораздо вероятнее –

---

[207] Великолепным мастером доказывать принципиальные тезисы не посредством скучных сводок данных, а именно посредством немногочисленных, но правильно подобранных рельефных примеров был Мозес Финли, – по нашему глубокому убеждению, крупнейший антиковед второй половины XX века, больше, чем кто-либо в обозначенную эпоху, сделавший для движения вперед нашей дисциплины. О выше охарактеризованной черте подхода М. Финли см., в частности, в редакторском предисловии к сборнику его работ: *Finley M.I.* Economy and Society in Ancient Greece / Ed. by B.D. Shaw and R.P. Saller. N.Y., 1982.

[208] При анализе этого круга сюжетов нам были в высшей степени полезны консультации А.Г. Авдеева, которому мы очень благодарны.

небрежность переписчика. Очевидно, изначально в тексте стояло «Периандра, сына Кипсела Коринфского», а на каком-то этапе при переписке выпало начало этой строки с именем Периандра и получилось просто «Кипсела Коринфского».

Но самое интересное – в том, что в древнерусском переводе «Пчелы» данное изречение значится под именем… Александра Македонского, который на самом деле не имеет к этой цитате ни малейшего отношения! В чём же причина? Думается, в следующем. Что сказали бы древнерусскому читателю имена Кипсела или Периандра? Да ровно ничего: знание античной истории отнюдь не доходило до таких деталей. Совсем другое дело – Александр Македонский. О нем, конечно, даже в тогдашней Руси слышал любой образованный человек. Поэтому русский книжник, переводивший «Пчелу», очевидно, счел опиской неизвестное ему имя Кипсела, и предпочел «исправить ошибку» – атрибутировать афоризм гораздо более знаменитому деятелю.

Кстати, вот еще один занятный нюанс: имя Кипсела появляется и еще в нескольких местах «Пчелы», и не везде оно при переводе было атетировано. Но в тех случаях, когда оно сохранилось, Кипсел странным образом преобразился в «епископа Купсельского» (?!). Незнание античности переводчиком было настолько глубоко, что он ничтоже сумняшеся сделал из тирана, правившего за шесть с половиной веков до Рождества Христова, христианского епископа.

Итак, отметив справедливости ради, что впервые искажение вторглось уже в сам византийский оригинал, подчеркнем, что в русской традиции это недоразумение еще сильнее усугубилось.

Другой пример, который является гораздо более известным. В начале XVI в. до н.э. во фресковой стенописи Благовещенского собора Московского Кремля появляются изображения так называемых «внешних мудрецов», то есть античных эллинских философов и писателей, живших в большинстве своем еще до появления христианства и, следовательно, принадлежащих к язычеству[209].

Фрески с «мудрецами», правда, помещены не в основном внутреннем объеме храма, а в галерее, в «менее почетной» части сакрального пространства. И все-таки они там есть, и по сей день любой посетитель может их увидеть. Тут и Сократ, и Платон, и Аристотель, и историк Фукидид, и другие…

Уникальные фрески с философами в Благовещенском соборе – это, бесспорно, культурная и историческая загадка. Ведь, в отличие от Западной Европы, в нашей стране в ту пору не было Ренессанса, характеризовавшегося секуляризацией, «обмирщением» всей жизни общества, в том числе даже и самой Церкви. В Риме уже вовсю появлялись «папы-гуманисты» – а в России устои традиционной веры были еще более чем крепки.

Почему же в храме – здании религиозного назначения – изображения язычников (пусть даже и великих)? Пожалуй, тут нужно иметь в виду, что при создании архитектурно-художественного комплекса Московского Кремля самым активным образом привлекались мастера из Италии. При их ведущем участии были построены соседние Успенский и Архангельский соборы. Благовещенский, правда, возведен отечественными (псковскими) зодчими. Но ведь само

[209] Черная Л.А. Античность и Древняя Русь // Вечная тайна античности. Ч. 2. М., 1995. С. 118.

присутствие итальянцев должно было создавать особую атмосферу на кремлевской Соборной площади, тогда представлявшей собой огромную стройплощадку. Невозможно представить, чтобы гости из южноевропейской страны не приносили с собой что-то от того духа Возрождения, который царил на их родине.

Отметим, однако, вот какой момент. В руках каждого из изображенных древних греков – свиток с изречениями, которые, как можно заключить, в Древней Руси соотносились с их именами. Однако какие же это изречения? Легко заметить, что в большинстве случаев они взяты довольно-таки произвольно.

Еще далеко не самый худший случай – с Сократом. На свитке, который он держит, читаем: «Доброго мужа никакое зло не постигнет. Душа наша бессмертна. По смерти будет добрым награда, а злым – наказание». Разумеется, это не дословные цитаты из Сократа (да таких цитат, как мы знаем, и быть не могло, за неимением у Сократа философских трудов). Тем не менее нельзя не заметить, что в целом здесь достаточно адекватно представлены некоторые сократовские взгляды – в той форме, как их донес до последующих поколений Платон. И всё же – христианский оттенок слишком силен.

Анализ остальных аналогичных надписей (не будем уж приводить их здесь, дабы не загромождать статью) утверждает в том мнении, что они имеют к тем авторам, при которых приведены, часто весьма отдаленное отношение. Сразу можно понять, что все эти «внешние» древнегреческие мудрецы воспринимались в средневековой Руси несколько поверхностно. Имена их, бесспорно, были известны тогдашним «эрудитам», – но, пожалуй, не более того. Ассоциации, связанные с ними, были достаточно расплывчаты и неопределенны. Во всяком случае, можно уверенно утверждать, что языческие философы с их учениями понимались как нечто весьма экзотичное и, так сказать, «не своё», чужое. Искреннего интереса к ним не возникало.

* * *

Перед нами – уже некоторый феномен, нуждающийся в осмыслении. Никак не скажем, что такого осмысления не предпринималось. Напротив, – наверное, каждый мыслящий человек из числа наших соотечественников хоть раз в жизни задумывался: почему рецепция античности шла в России совершенно иными путями и темпами, нежели в Западной Европе? Ибо от решения этой проблемы, хотим мы того или не хотим, зависит ответ на куда более глобальный вопрос: почему в принципе историческое развитие нашей страны идет совершенно иными путями и темпами по сравнению с миром Запада (хотя мы и разделяем с ним принадлежность к христианской цивилизации)?

На один очень важный нюанс, связанный с рассматриваемой проблематикой, давно уже было обращено внимание[210], и мы, останавливаясь на

[210] Например, Георгием Федотовым – видным отечественным мыслителем, представителем русского религиозно-философского ренессанса начала XX в., после революции

этом сюжете, отнюдь не претендуем на то, что скажем нечто новое; но иной раз не помешает напомнить и «хорошо забытое старое».

Разным было само представление о круге «сакральных» языков (то есть непосредственно причастных к великой истине христианства), как оно складывалось, с одной стороны, в западноевропейском мире (отковавшемся постепенно в Pax Catholica), а с другой стороны – в том мире, который выдающимся византинистом XX века сэром Димитрием Оболенским (разумеется, русским по происхождению)[211] был назван “The Byzantine Commonwealth”[212].

На Западе, как известно, латинский язык века и века оставался, по сути, единственным сакральным языком. Правда, теоретически в таком качестве признавались еще греческий и иврит – но именно только теоретически, поскольку их почти никто не знал. Новоевропейские языки долгое время были просто бесписьменными. Исключительно на латыни на протяжении всего Средневековья велось католическое богослужение. Ситуация начала принципиально меняться только в эпоху Возрождения и Реформации. Так, перевод Библии на немецкий язык был сделан Лютером в XVI веке, и это стало событием большого культурно-исторического значения. При этом, напомним, в Западной Европе в Средние века грамотными были, за редкими исключениями, только представители духовенства, – причем грамотность их была, повторим и подчеркнем, грамотностью латинской.

Совсем иную ситуацию встречаем на Руси, да и в целом в ареале византийской «суперцивилизации». Восточная Церковь никогда не настаивала на том, что сакральные тексты могут существовать только на одном или нескольких языках, а остальные языки не должны быть приобщены к христианской традиции. Напротив, вся политика была подчинена принципиально другому вектору. Достаточно вспомнить знаменитую миссию св. Кирилла и Мефодия к славянам, предпринятую по инициативе Фотия, патриарха Константинопольского. Славянская письменность была создана великими братьями-просветителями именно для того, чтобы переводить главные памятники христианства на языки народов, принимающих эту религию. Уже сами Кирилл и Мефодий перевели с греческого на древнеславянский весь Новый Завет, бóльшую часть Ветхого Завета и основные литургические тексты. Таким образом, в Восточной Европе, в отличие от Западной, письменность и словесность на местных языках возникает весьма рано, в IX веке.

эмигрировавшим. См.: *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 403 слл.

[211] Не можем здесь не отметить, что очень многие выдающиеся византинисты были русскими по происхождению. Россия как бы самой своей исторической судьбой обречена на то, чтобы в ней особенно активно изучалось византийское наследие. До определенного момента так и было, однако в советское время марксистский «каток» особенно сильно прошелся по византинистике (уж очень Византия не укладывалась в марксову «пятичленку»), и в результате ныне эта дисциплина у нас фактически возрождается заново (усилиями таких крупных ученых, как С.П. Карпов, М.В. Бибиков и др.).

[212] В русском переводе (не очень точно в заглавии передающем соответствующий термин): *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. М., 1998. В оригинале, подчеркнем, ни о каких «нациях» речь не идет, да и анахронистичен этот термин применительно к эпохе Средневековья.

Если на средневековом Западе литургия на каком-либо национальном языке, а не на латинском, – вещь абсолютно невозможная, то на Древней Руси, в современных ей Болгарии, Сербии и др. совершенно нормальным и единственно возможным было славянское богослужение. Таким образом, греки-византийцы отнюдь не навязывали своим соседям свой язык в качестве единственного сакрального.

Какие последствия имел рассмотренный факт для развития культуры в двух соответствующих регионах? Последствия эти были весьма далеко идущими. На Западе духовенством традиционно изучался латинский язык. Не зная его, просто нельзя было стать духовным лицом. В результате в Западной Европе даже на протяжении Средневековья не пресекался полностью языковой континуитет с античностью (разумеется, в данном случае речь приходится вести о римской античности), а, стало быть, сохранялась определенная степень связи-преемственности.

Средневековое европейское духовенство в принципе имело возможность (пусть даже мало кто из его представителей этой возможностью пользовался) читать античных авторов – тех же Цезаря, Цицерона и т.п., хоть и не воспринимая всех красот стиля, поскольку в то время знание латинского языка, вообще говоря, было далеко от совершенства (не случайно же применительно к средневековой латыни бытует выражение «кухонная латынь»). Но ведь не за горами уже был и Ренессанс, когда в лице гуманистов появились люди, владевшие латинским блестяще, способные оценить по достоинству любую тонкость в произведениях римских классиков, насладиться изящным оборотом, оригинальной мыслью и пр. Вспомним хотя бы Петрарку, который – в чем-то курьезный, но характерный для эпохи факт! – вел переписку с Цицероном, поддерживал с ним «диалог», хоть двух авторов и разделяло почти полтора тысячелетия. Петрарка мог спорить с великим римлянином, даже «ссориться» с ним и прерывать переписку, потом «мириться» и опять ее возобновлять…

Пожалуй, правомерно будет сказать, что не было бы европейского Возрождения, если бы до того, в течение Средних веков, не сохранялся языковой (через латынь) «канал связи» с античностью.

На Руси же перед духовенством не стояла насущная необходимость изучать греческий язык, поскольку как Библия, так и все основные богослужебные тексты были переведены на славянский. Безусловно, отдельные духовные лица, владевшие греческим, в русском Средневековье встречались – это ясно уже из того, что переводческая традиция продолжалась. Впрочем, следует заметить, что среди монахов-переводчиков довольно большую группу составляли не коренные русские, а обрусевшие греки и выходцы из южнославянских стран.

Как бы то ни было, в целом положение, при котором не было необходимо изучать «классический» язык, имела как свои «плюсы», так и свои «минусы». О «плюсах» мы наслышаны больше. Ясно, что описанная ситуация гораздо больше приближала русское духовенство (да и культ, религию в целом) к массе народа по сравнению с тем, что́ имело место на Западе. Думается, трудно спорить с тем утверждением, что лучше, когда народ понимает, о чём священнослужители

говорят ему во время богослужения. На Западе, где служили на «мертвом» латинском, этого не было, на Руси – было.

Опять же, совершенно несомненно, что и распространение грамотности в Древней Руси в силу вышеописанных условий было более продвинуто, чем в тогдашней Западной Европе. Свидетельство тому – хотя бы всем известные берестяные грамоты (найденные, между прочим, на сегодняшний момент не только в Новгороде, но и в Москве тоже). Авторы этих ценнейших документов – подчас самые простые люди (ремесленники, торговцы), но тем не менее они активно умели читать и писать, поддерживали достаточно активную по тем временам переписку[213].

Ввиду отсутствия «двуязычия» и древнерусская словесность начала развиваться достаточно рано. Ведь вполне справедливо замечание Д.С. Лихачева о том, что русской литературе более тысячи лет и что она древнее, чем литературы английская, немецкая, французская…[214]

Но нам сейчас хотелось бы остановиться на другом. Как ни парадоксально, диалектически, неотрывно был связан с вышеописанными достоинствами и один принципиально важный недостаток. Отсутствие необходимости для духовенства (или для кого бы то ни было) на Руси изучать классические языки неизбежно влекло за собой отрыв от античного наследия. Не установился прямой языковой «канал связи» с античностью (в отличие от Запада, о чем шла речь выше), что заведомо приводило к опосредованности любых сведений о ней.

В результате Русь была практически совершенно не затронута таким глобальным течением европейской мысли и жизни, как Ренессанс: последний ведь всецело исходил из принципа полноценной рецепции античного наследия. Отсутствие Возрождения (в западном смысле) в России было и остается немалым «соблазном». Кто-то, исходя из этого факта, постулирует «извечную отсталость» нашей страны и чуть ли не восторгается по этому поводу; кто-то, напротив, пытается найти выход из непростого положения и, чуть ли не оправдываясь, говорит о некоем русском «Предвозрождении», почему-то не переросшем в Возрождение[215].

В данной связи обычно упоминают вторую половину XIV – первую половину XV в. Это время – эпоха Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Феофана Грека, Андрея Рублева, Епифания Премудрого, блистательного раннемосковского зодчества – действительно оставляет самое светлое впечатление (кстати, она совершенно превратно отражена в известном фильме Тарковского). Русь как бы «поднималась с колен», готовилась к грядущим взлётам и уже осуществляла их. Но всё же, если и были тогда некие «предвозрожденческие» тенденции (а, что бы там ни говорить, Рублев просто-таки напрашивается на сопоставление с Джотто), дальше тенденций дело не пошло, новая система представлений не была построена. Не в последнюю очередь

---

[213] Ср. к этому наши замечания: *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 291 слл.

[214] *Лихачев Д.С.* Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М., 1979. С. 7.

[215] Ср., например: *Лихачев Д.С.* Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987. С. 106, 121.

потому, что не возникало не малейшей потребности возрождать античную культуру.

С подобной потребностью (да и то отчасти «надуманной, заимствованной), иными словами, с жаждой «классицизма» мы сталкиваемся только в послепетровскую эпоху, никак не в допетровскую. В XV–XVI вв. искусство Западной Европы уже переполнено античными мифологическими образами; в произведениях мастеров прежде всего итальянских, а затем французских, нидерландских, немецких античность (хотя и весьма своеобразно воспринятая) вырисовывается во весь рост. На Руси же в то время еще и речи не может быть ни о чем подобном; напротив, на церковных соборах в Москве интенсивно обсуждается вопрос, например, о том, возможно ли писать на иконах Бога-Отца. Подчеркнем: античное наследие, на Западе ставшее уже вполне своим, полноценно впитанным, в России оставалось чистой экзотикой, не привлекавшей особого внимания.

* * *

Почему по-русски греки называются греками? Не будем удивляться с виду наивному вопросу, поскольку ответ отнюдь не очевиден. С греками (византийцами) наши предки, – как минимум, со времен Вещего Олега – общались напрямую, без посредников. Но ведь сами греки, как прекрасно известно, «греками» себя никогда не называли. В античности их самоназванием было «эллины»; правда, потом, в византийскую эпоху, слово «эллины» ассоциировалось прежде всего с язычниками, и себя византийцы именовали, как мы знаем, «ромеями». Термин же «греки» – однозначно латинский, идущий от римлян. Graeci – латинское слово. Откуда же оно на Руси? Собственно говоря, не приходится сомневаться, что оно каким-то образом попало к нам с латинского Запада.

В результате остается предполагать (хоть это и выглядит почти невероятным) весьма ранние контакты Руси с Западом, предшествовавшие (!) ее контактам с Византией. Перед нами – большая, сложная и спорная проблема. Вспомним, однако, что знаменитый речной путь, проходивший по западнорусским землям, назывался (и это зафиксировано летописями) «путем из варяг в греки», а не наоборот.

Есть, между прочим, достаточно экзотическая, но при этом небезынтересная версия, упоминающая ирландских православных миссионеров, которые могли весьма рано прибыть на Русь. Мало кто знает, что в самый начальный период Средневековья отдаленная (и впоследствии просто захолустная) Ирландия была мощным культурным очагом, настоящим «светочем» в эпоху сгущающегося мрака варварства. Высочайшую образованность демонстрировали ирландские богословы[216]; монахи из этой страны вели активнейшую миссионерскую деятельность, для чего стали великолепными мореплавателями. Весьма вероятно, что до Америки первым из

[216] Их традицию сохраняет еще Эриугена в IX веке.

европейцев – раньше Колумба и даже раньше викингов – добрался ирландский проповедник Брендан.

Попасть с «зеленого острова Эйре» на Русь было уж точно не сложнее, чем в Америку, тем более что со скандинавами-варягами, рано освоившими речной путь из Балтийского моря в Черное, ирландцы активно контактировали (в том числе через Исландию). В связи с существовавшими тогда в Ирландии религиозными верованиями необходимо сказать следующее: учитывая, что применительно к эпохе, о которой идет речь, ни о каком официальном разделении православия и католицизма говорить не приходится (оно сложилось позднее), все-таки тогдашняя ирландская теологическая мысль (по языку, естественно, латинская) была ближе к будущему православию, нежели где бы то ни было в Западной Европе.

Возвращаясь к термину «греки», приведем схожий пример. Мало слов, столь же часто употребляющихся в нашем обиходе, как «церковь». Каково происхождение этой лексемы? Прекрасно известно, что в русской лексике, связанной с религией, удельный вес слов греческого происхождения, особенно велик – до поразительной степени. Вспомним: «патриарх», «митрополит», «епископ», «архиерей», «протоиерей», «диакон», «монах», «монастырь», «Библия», «Евангелие», «литургия», «панихида», «икона»… Перечень можно было бы продолжать и продолжать.

Теперь к вопросу о «церкви». Греческое происхождение термина также под сомнение не ставится. В самом общем виде ясно, что в основе – kyriakon, «[дом] Господень», нечто, имеющее отношение к Господу (Kyrios). Сравним в данной связи нем. Kirche, англ. church.

Но заметим: исходная греческая лексема начинается на *к*. Почему в русском (и уже в старославянском) появляется *ц*? Этот последний звук, заметим, совершенно не свойствен древнегреческому языку, да и в новогреческом появляется в основном только в заимствованных словах. Опять создается впечатление, что не обойтись без постулирования неких ранних латиноязычных посредников. Во всяком случае, трансляция греческого термина через латинское посредство не вызывает сомнений. Греч. kyriakon по-латински, само собой, будет транскрибироваться как cyriacum, и первое *c* по своей позиции даст (в средневековой латыни) чтение *ц* (подчеркнем – именно только первое, а не второе, что отражено и в русском «*ц*ер*к*овь»).

Интересно, что, например, в немецком языке (Kirche) исходное *k* сохранилось. Таким образом, весьма раннее присутствие в славянском мире влиятельных в культурном плане носителей латинского языка (будь то ирландцы или кто-либо другой) достаточно очевидно. Впрочем, сказанное было лишь экскурсом, призванным продемонстрировать, что на самой заре нашей истории намечался, вероятно, еще один «канал связи» с античностью, который, впрочем, по ряду причин впоследствии не использовался.

* * *

По большому счету, о бурной рецепции античного наследия в России (да и то на первых порах в достаточно примитивных формах) можно говорить лишь начиная с XVIII века. Но, строго говоря, «первые ростки» имели место раньше. Вспомним последний «допетровский» век, двор Алексея Михайловича – отца царя-реформатора. В дворцовом театре ставились пьесы с заглавиями вроде «О Бахусе с Венусом» (обратим внимание на совершенно не русифицированные, взятые из латинского, – конечно, не из греческого – имена).

То, о чем шла речь, знаменует собой явным образом какой-то совершенно новый этап светского, не связанного с христианской религией интереса к античности. Отсюда – самые прямые пути к эпохе Екатерины II (получившей в Германии, разумеется, классическое образование), к восторжествовавшей при названной императрице вполне осмысленной, более того – политизированной рецепции античного наследия, к «греческому проекту» русской «Фелицы», как называл ее Державин.

Этот проект получил особое значение в годы русско-турецких войн второй половины XVIII в., когда в качестве дальней сверхзадачи начало ставиться овладение «византийским наследием». Как известно, Екатерина настояла на том, чтобы один из ее внуков (тот самый, чей отказ наследовать престол вызвал много позже, в 1825 г., мятеж декабристов) получил имя Константин, до того совершенно не характерное для дома Романовых, а в дальнейшем закрепившееся в нем. Разумеется, при подобном имянаречении имелось в виду, что Константинами звали многих византийских императоров, начиная с равноапостольного основателя столицы «Ромейской державы». Насколько можно судить по некоторым данным, предполагалось впоследствии, в случае полного разгрома Турции, восстановить Византию (под российским протекторатом), а великого князя Константина Павловича готовили на роль монарха в этом «новом старом» государстве.

Из этих замыслов ничего не вышло, но следом резко возросшего при Екатерине интереса ко всему греческому остается и поныне, например, наличие в южнорусских землях, присоединенных в ходе русско-турецких войн (ныне эти земли в основном на территории Украины), ряда городов, получивших эллинские названия: Севастополь, Симферополь, Ставрополь, Никополь и другие «-поли», имена которых легко расшифровываются для любого, кто хоть сколько-нибудь знаком с греческим языком.

Классицизм в искусстве, по большому счету, зарождается тоже при Екатерине. Правда, этот екатерининский классицизм XVIII в. был еще в значительной степени условен и не опирался на глубокое постижение художниками античности, адекватное отражение ее образа. Последние черты в несравненно большей степени свойственны творчеству некоторых мастеров уже следующего столетия. В данной связи прежде всего уместно упомянуть Г. Семирадского. Картины этого замечательного живописца (а он был уже при жизни опорочен «демократической» критикой во главе со Стасовым как представитель «чистого искусства», далекого от нужд народа, и враг реализма, в советское же время подвергся прочному, совершенно незаслуженному забвению),

написанные в основном на античные сюжеты, так и дышат живой прелестью древней Эллады.

* * *

Сделанные экскурсы позволяют вернуться к вопросу: почему же в допетровской Руси не было и не могло быть полноценной рецепции античности? Одна из главных причин, разумеется, имеет религиозный характер. В глубоко православной Древней Руси всё античное воспринималось прежде всего как языческое, и не без резона. Ведь в античном мире и действительно всё было неразрывно связано с язычеством, поскольку неотделимо от мифа. Роль мифа в бытии античности была колоссальной, основополагающей, что, например, не уставал подчеркивать в своих работах на протяжении многих десятилетий такой выдающийся мыслитель, тонкий и глубокий знаток античного мира, как А.Ф. Лосев[217].

Реконструируя ту или иную, практически любую форму и сферу античной культуры и ментальности, мы так или иначе, рано или поздно всё равно в конечном счете выходим на миф. Люди Древней Руси с их христианским мировосприятием, несомненно, интуитивно ощущали эту глубинную, принципиальную несхожесть в ментальных структурах между собою и людьми античности.

Строго говоря, полноценная рецепция античности была возможна в тех случаях, когда она шла рука об руку с секуляризацией сознания и жизни (именно так обстояло дело в ренессансной Европе). Иными словами, отнюдь не является случайным совпадением тот факт, что XVIII век в российской истории – одновременно и эпоха начавшейся рецепции античности, и эпоха всесторонней секуляризации (Петр I отменяет патриаршество и ставит Церковь под контроль светской власти; Екатерина II продолжает движение по тому же пути, сокращая количество монастырей, урезая церковное имущество и т.п.).

Итак, перед нами следующий парадокс: хотя культурные контакты Руси с греками (средневековыми, византийскими) начались весьма рано, но восприятие античного наследия в нашей стране имело место значительно позже и не через греков, а через Запад, то есть еще более опосредованным путем.

Что интересно, в самой Византии – стране тоже глубоко православной – античное наследие чтили, отнюдь не отворачивались от него. Конечно, не в последнюю очередь здесь сыграло роль и то обстоятельство, что для византийцев это было не чужое, а родное, их собственное наследие, существовавшее на их родном греческом языке. О проблеме непонимания, о необходимости перевода говорить не приходилось.

Шедевры древнегреческой словесности активно переписывались в византийских монастырях – и, если бы они там не переписывались, мы бы ныне

---

[217] См., в частности, итоговые соображения в одной из его последних работ: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 347–376.

не имели никакой возможности работать с сочинениями Платона, Аристотеля, Демосфена, Геродота… Сохранены они были именно благодаря византийцам – и потом стали доступны на Западе, где эти труды, начиная с эпохи Возрождения, начали издавать, изучать и т.д.

Таким образом, в Византии даже духовные лица интересовались античной литературой, несмотря на ее языческий характер. Весьма показательна в этом отношении фигура Фотия, патриарха Константинопольского (IX в.) – человека непревзойденных для своего времени образованности и интеллекта, одного из крупнейших деятелей византийской культурной истории[218]. Фотий имел огромную библиотеку, состоявшую не только из христианской литературы, но включавшую и важнейшие античные памятники. Он (очевидно, при помощи своих сотрудников) составил своеобразный каталог своей библиотеки. Этот труд (его так и принято называть «Библиотека», или еще «Мириобиблион») дошел до нашего времени и представляет собой собрание конспектов и характеристик нескольких сотен античных и византийских сочинений.

«Библиотеку» Фотия у нас мало кто хорошо знает, поскольку она, к большому сожалению, пока не была переведена на русский язык. Когда это произойдет (а мы не сомневаемся, что рано или поздно это обязательно произойдет) и главное сочинение константинопольского патриарха и эрудита будет доступно широкой отечественной читательской аудитории, все увидят, как тщательно он прочитывал всё, что попадалось ему в руки, и насколько ценен названный источник: ведь очень многие из произведений, которые Фотий каталогизировал и «аннотировал» (порой весьма подробно), ему еще были доступны, а до нас уже не дошли.

Вот эту свою особенность, глубокий интерес к языческой античности, византийская цивилизация не передала древнерусской (в большинстве остальных отношений дочерней по отношению к ней). Наверное, и не могла передать в полной мере, поскольку, повторим и подчеркнем, для греков-византийцев античность была «родной» и «своей», а для наших предков – чем-то «пришлым» и «чужим».

* * *

[218] О литературном и общекультурном значении деятельности Фотия см., например: *Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. L., 1996. P. 89–119; *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие. 2 изд. Вильнюс – М., 1992. С. 318 слл.; *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 279 слл. Фотий, помимо всего прочего, играл выдающуюся роль также в религиозно-политической жизни бурного и напряженного IX века. Инициативе этого энергичного святителя во многом следует приписать такие события церковной истории, как принятие христианства болгарами, миссия Константина (Кирилла) и Мефодия в Моравии, первое открытое проявления раскола между Римом и Константинополем по вопросам догматическим (filioque и др.) и каноническим (проблема папского примата). Соответственно, отношение к его деятельности в последующие эпохи было крайне неоднозначным. Православной Церковью Фотий был канонизирован, в то время как католики считают его злостным еретиком и схизматиком.

Имеет смысл, говоря о проблеме античного влияния на Русь, вкратце обозреть поочередно отдельные сферы культуры. Начнем с *религии и мифологии*. Как известно, из всего, что связано с Древней Грецией, именно эта сторона наиболее популярна и востребована. Наверное, любой школьник и даже дошкольник хоть что-нибудь слышал о Зевсе, Геракле, и т.д., и т.п.[219]

Когда в греческом мире в первые века н.э. начало внедряться христианство, – разумеется, с его стороны греческая мифология стала предметом самой решительной борьбы. Подчеркнем, именно борьбы, а не неверия («нет никакого Зевса, нет никакого Аполлона» и т.п.). Реальность языческих богов вполне признавалась, но указывалось, что на самом деле они – бесы, нечистая сила, которой нужно активно противостоять, а не пассивно отрицать. Вполне ясно, что образы древнегреческих мифов, поскольку они считались несущими в себе заведомо негативный заряд, уже в Византии, в общем, не были востребованы; а на Руси интерес к ним и совсем не привился – вплоть до XVII века (вспомним «Бахуса с Венусом»).

Перейдем к античной *философии*. Для Византии она (или, по крайней мере, часть ее) оставалась весьма актуальной. Платона, Аристотеля, неоплатоников активно переписывали. Они оказывали живое влияние на византийскую богословскую мысль (например, через посредство трудов Псевдо-Дионисия Ареопагита, проникнутых неоплатонизмом). Именно неоплатоническое влияние на византийскую теологию (вплоть до ее последних высоких взлетов, до исихазма Григория Паламы) было особенно большим. Этим, кстати, во многом объясняется выборочный характер сохранившего древнегреческого философского наследия. «Берегли и лелеяли» в первую очередь труды Платона и Аристотеля (также чтившегося неоплатониками). С другой стороны, даже и не думали сохранять сочинения натурфилософов-досократиков, софистов, стоиков, эпикурейцев… Соответственно, этих-то сочинений мы ныне и не имеем (кроме фрагментов).

На Руси же византийское православное богословие было воспринято, так сказать, «в готовом виде», без представлений о его античных философских корнях, без соответствующих коннотаций. Разумеется, образованные русские люди допетровской эпохи читали и Псевдо-Дионисия Ареопагита, и Симеона Нового Богослова, и того же Паламу… Но вряд ли даже задумывались о связях их взглядов с неоплатонизмом.

Что же касается античной *науки* (имеем в виду прежде всего естественнонаучные дисциплины), она уже в Византии была не очень актуальна, поскольку в средневековую эпоху в целом считалось, что основные научные положения, выдвинутые в античности (о структуре космоса, форме Земли и т.п.) противоречат основам христианского учения. Не слишком-то была популярна вполне научная система воззрений Эратосфена, весьма точно вычислившего длину окружности земного шара; куда большей популярностью пользовалась гораздо более примитивная картина мира, отразившаяся, например, у богослова и

[219] С улыбкой вспоминаю, как мой сынишка (ему было тогда два года), услышав от меня некоторые древнегреческие мифы, потом увлеченно рассказывал: «У Одиссея была жена Антилопа…».

купца Косьмы Индикоплова. Древняя Русь в этом плане шла вполне в византийском «фарватере».

Античная *литература*, как неоднократно отмечалось выше, в Византии активно читалась и изучалась (в особенной степени – в риторических школах). На Руси подобный интерес, пожалуй, не прослеживается. Да, собственно, и риторических школ не было. Древнерусские переводы античных литературных памятников – вещь чрезвычайно редкая. Если что-то и можно припомнить в данной связи – то, наверное, только компилятивные сборники, такие, как упоминавшаяся ранее «Пчела».

Вплоть до XIX века не существовало русских переводов самых главных и показательных памятников древнегреческой словесности, будь то труды Платона или Геродота. Сказанное относится не только к прозе, но и к поэзии. Первые попытки перевести поэмы Гомера – пока еще очень робкие и довольно слабые – предпринимаются у нас в XVIII веке, а первые качественные переводы этих шедевров мирового значения были выполнены лишь в первой половине следующего столетия. Но, правда, следует сказать, что это были великолепные переводы, сразу ставшие классическими (и остающиеся таковыми по сей день). Речь идет, разумеется, о переводах Гнедича («Илиада») и Жуковского («Одиссея»).

Схожую ситуацию встречаем в связи с такой значимой частью культурного наследия античности, как *риторика*. Вряд ли нужно специально напоминать о том, что ораторское искусство занимало во всей жизни античности колоссальное место. Риторика была одной из важнейших изучаемых дисциплин, в какой-то степени «наукой наук», основой общего образования. В Византии эта риторическая составляющая культуры отнюдь не утратила своей роли. В византийских школах читали Демосфена, Исократа и др.

Поскольку в Древней Руси, как было сказано ниже, светского риторического образования не существовала, то и эта сторона античного наследия, связанная с памятниками красноречия, оказалась невостребованной. Риторические пособия в нашей стране появляются только с XVII века, уже скорее под западноевропейским влиянием (на первых порах косвенным).

Далее, античное *изобразительное искусство*. В Византии с ним, безусловно, были знакомы, поскольку его памятники (например, статуи) в городах империи имелись. Можно вспомнить, например, о созданной знаменитым Лисиппом скульптурной группе коней, ныне украшающей собор святого Марка в Венецию. Туда эти «кони Лисиппа» попали из Константинополя в 1204 г., когда в ходе четвертого крестового похода, при активном участии венецианцев, византийская столица была захвачена и разграблена.

Что интересно, были на византийской территории античные статуи не только животных, но и людей, хотя, казалось бы, с точки зрения христианской религии они скорее должны были восприниматься как языческие «идолы». Однако факт остается фактом. Когда Владимир, князь киевский (впоследствии святой и равноапостольный) взял Херсонес, входивший тогда в состав Византии, являвшийся административным центром одной из фем (кстати, крещение самого Владимира предание однозначно связывает именно с Херсонесом, и вряд ли

резонно это оспаривать), он вывез оттуда в Киев двух «идолов» и четырех коней (разумеется, речь тоже идет о памятниках скульптуры). Впоследствии они стояли перед одной из церквей и, похоже, сохранялись вплоть до разгрома Киева монголами. Таким образом, принявшего христианство князя ничуть не смущало, что в его столице находятся «идолы».

В дальнейшем (уже в московскую эпоху), впрочем, восторжествовали иные взгляды. Весьма строго проводилась линия, согласно которой статуи православием не дозволены. Сила древнерусского изобразительного искусства всегда была в другом – в живописи (фрески, иконы), скульптура же не вызывала и не могла вызывать интереса.

Аналогичные мысли можно высказать об архитектуре, которая в Древней Руси фактически не имела ничего общего с античной греческой. Достаточно вспомнить ордерную систему эллинов, не подразумевавшую никаких куполов, и сравнить ее с древнерусским зодчеством, для которого (берем для сопоставления храмы) купол или купола совершенно неотъемлемы, – и контраст сразу бросится в глаза. Строго говоря, отказ от принципов античной ордерной архитектуры произошел уже в Византии. Не будем здесь разбирать причины данного процесса (во всяком случае, влияние римской базилики, изначально вполне светской по происхождению, трудно отрицать), но совершенно очевидно, что уже в Святой Софии Константинопольской (о которой современники говорили как о «подвешенной к небесам») ничего античного нет. Античные постройки всегда создавали визуальное впечатление твердо стоящих на земле.

По своей *политической идеологии* Византия, несомненно, представляла собой прямую наследницу позднеантичных структур Римской империи (эпохи домината). Торжествовала идея «универсальной», вселенской державы с императором как верховным главой. Не следует забывать о серьезных религиозных коннотациях этого титула. Византийский император – в известном смысле священный монарх.

Не следует воспринимать высказанное утрированно, верить в придуманные на Западе концепции «цезарепапизма», предполагающей, что император в Византии был фактически главой не только государства, но и Церкви, что он стоял в религиозном отношении выше патриарха и т.п. На деле в Византии бывали даже случаи, когда патриарх за какой-нибудь грех налагал на императора епитимью и до совершения оной не допускал его в храм на богослужение. Вспомним хотя бы случай с Михаилом VIII Палеологом (XIII в.), устранившим своего юного конкурента в борьбе за престол. Михаил подчинился епитимье, каялся, в конце концов получил прощение. Такова одна из интересных, своеобразных черт политических структур в Византийской империи.

Еще одной такой характерно византийской чертой – и тоже напрямую идущей из Древнего Рима – было отсутствие института правильного престолонаследия. Кстати, именно потому, что этот институт не был в должной мере налажен, в истории Византии мы встречаем очень большое количество государственных переворотов, когда свергался правящий император (а случалось, что и не свергался, но фактически отстранялся от власти).

По традициям, установленным еще Октавианом Августом, император занимал престол в результате провозглашения сенатом и войском. Это и был механизм легитимации его власти. Подобные же правовые традиции сохранялись также и в Византии, что вело к тому, что неоднократно талантливый и удачливый полководец (а таких в истории государства были десятки) совершал переворот, низложив предшественника, и становился императором, добившись, чтобы синклит, войско, народ утвердили его на этом посту. С другой стороны, сын правящего императора отнюдь не мог автоматически претендовать на то, что он станет законным преемником отца. Чтобы сделать его таковым, отец-император прибегал обычно к «обходному маневру»: еще при своей жизни делал сына соправителем, чем легитимировал преемственность. Институт соправительства в Византии вообще был весьма широко распространен, и соправителем императора мог стать не только его сын, но и любой родственник или даже лицо, не связанное с ним никакими узами родства. Император, ставивший себе соправителя, правда, мог тем самым оказываться в опасности. Так в IX веке Михаил III провозгласил соправителем своего фаворита Василия, а тот убил своего благодетеля и захватил единоличную власть (это Василий I, основатель Македонской династии).

На Руси в политической сфере отнюдь не было традиций, схожих с византийскими (по своим корням – античными). Институт престолонаследия существовал уже в киевский период, но, правда, был он довольно своеобразен – настолько своеобразен, что иногда даже говорят (и не без некоторого резона), что в Киевской Руси фактически имело место родовое правление Рюриковичей.

Престол великого князя далеко не всегда переходил от отца к сыну. Точнее, переходил к нему в том случае, если у отца не было младших братьев, которые считались приоритетными наследниками. И лишь после смерти всех князей этого поколения великое княжение «спускалось» в поколение их детей, и тут система расчетов «кто после кого должен править» становилась совсем уже сложной. Эта система приобрела свою окончательную форму в XI веке, при Ярославичах, но уже в следующем столетии стало совершенно ясно, что она неудобна, громоздка, порождает междоусобицы и раздробленность. Как бы то ни было, ничего похожего на византийские политические порядки у нас не существовало.

* * *

Подводя итог, обратимся к диахронному аспекту и выскажем свои мысли по вопросу о том, какой из период древнерусской истории можно считать в наибольшей степени подверженным античному влиянию. Это – период Киевской Руси[220], разумеется, прежде всего потому, что в те века общение с Византией было прямым, без посредников. Позже, в силу ряда известных событий, центр русской государственности переместился далеко на северо-восток – из бассейна Среднего Днепра в междуречье Волги и Оки, в регион, где возникли Владимир и позже Москва. Уже в результате этого контакты с «Ромейской державой» оказались затруднены. Затем – монгольское нашествие на Русь, еще через какое-

[220] Ср.: Федотов Г.П. Три столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 215 слл.

то время прекращает свое существование сама Византия, поглощенная Османской империей… Московская Русь была в какой-то степени вынуждена «замкнуться в себе». Иван III женитьбой на Софии Палеолог продемонстрировал претензии на «византийское наследство», но особого международного резонанса это тогда не получило. В итоге московский период древнерусской истории – это тот, для которого античное влияние было характерно в наименьшей степени.

Следующий же период, петербургский, естественно, к Древней Руси уже никто не отнесет. В этот период – уже не через греков, а через Запад – Россия подключается к общеевропейскому каналу рецепции античного наследия, о чем в рамках данной работы по понятным причинам не говорилось, это – предмет отдельного исследования.

М.П. Самойлова
Нижний Новгород, НГЛУ

Влияние античных философских идей на становление древнерусской книжности на примере Изборника Святослава

Проблема влияния античной культуры на русскую активно исследуется в последние годы отечественными историками, культурологами, т.к. имеет непосредственное отношение к вопросу о европейской идентичности современной России. Начало влияния античной культуры на русскую находится в глубокой древности, в истории Киевской Руси. Рецепция античного наследия древнерусской культурой тесно была связана с принятием христианства. Вместе с христианскими догматами воспринимались и античные философские идеи. Одним из памятников древнерусской литературы, свидетельствующим о восприятии через христианство античных философских идей является Изборник Святослава.

Изборник Святослава 1073 г.[221] — один из первых письменных памятников отечественной культуры, где решается проблема человека, его сущности и происхождения. Этот вопрос представлен здесь достаточно разработанным и его решение далеко не однозначно было определено только рамками средневековых христианских установлений. Наряду с ортодоксальными христианскими воззрениями на сущность и происхождение человека подход к этой проблеме определялся и идеями, выработанными древнегреческой философией. Особого внимания заслуживает то, что в Киевской Руси посредством общения с Византией и Болгарией происходил процесс восприятия идей, по преимуществу

[221] Изборник Святослава 1073 г. М., 1983 г. 266 л. Ч.1, гл 2. С.3.

разрабатывавшихся милетскими философами. Речь идет, прежде всего, об античном учении об элементах[222].

Учение об элементах с момента генезиса претерпевало множество трансформаций, прежде чем его влияние обнаружилось в философской культуре Киевской Руси, некоторые его моменты отразились, в частности, в Изборнике Святослава. Кратко и схематично учение об элементах можно охарактеризовать, акцентируя те его положения, которые в большей степени отразились в славянском тексте. Данное учение возникло в самый ранний период развития античной философской мысли. Идеи о воде, воздухе и огне как первооснове мира наличествовали в философских воззрениях Ферекида Сиросского в середине VI в. до н.э., затем их можно усмотреть в творчестве сицилийского поэта Эпихария. В учении орфиков также наличествуют представления об тончайших твердом, жидком, воздушном и огненном элементах. Представитель элейской школы Эмпедокл также пытался объяснять строение мира посредством основных элементов – огня воздуха, воды и земли и назвал их корнями всех вещей. Соединение этих элементов производится силами, названными им Любовью – fili”’,a (соединение) и Враждою – nei’””/koj (разъединение). В дальнейшем учение об элементах получило развитие в идеях Анаксагора о геометриях, также идеи об элементах, как первосущных частицах развивали также пифагорейцы, которые отождествляли элементы с количеством и выразили в числах и геометрических фигурах. Далее Левкип и Демокрит доказывали, что мир состоит из неделимых частиц – атомов.

Идея об элементах присутствует также и у Платона: он неоднократно указывает, что космос, сотворенный богом, состоит из огня, воды, земли и воздуха. Платон понимает элементы логически – это первичная порождающая модель для какой-либо области действительности. А.Ф.Лосев, описывая античные учения об элементах, указывает, что стойхейон у Платона есть то, что имеет значение только в связи с какой-нибудь цельностью, в которой эти элементы только и получают свое значение и без которой они ничего не значат.[223]

Учение об элементах были продолжено и Аристотелем. А.Ф. Лосев указывает на частое употребление у Аристотеля термина "элемент" для обозначения всего наиболее простого, что входит в ту или иную область познания.[224] Элементы Аристотеля характеризуются наличием в них материальной основы, которая отличает их от начала и сущности. «Материальные стихии огня, воздуха, воды и земли он (Аристотель – М.С.) тоже именует "элементами", но эти элементы у него не подлинные, не настоящие, не предельно обобщенные. Предельная обобщенность элемента заключается у Аристотеля в том, что его материальность достигает максимальной разреженности и является только фактом или носителем того или иного эйдоса. Материя элемента поэтому

---

[222] Слово «элемент» от латинского elemtntum, является переводом-калькой греческого stoicei’’’’’/on, буквы ряда алфавита. Слово stoicheion значит "шаг", "сдвиг", что-нибудь раздельное, идущее в одном ряду

[223] Лосев А.Ф. Стойхейон. Древнейшая история термина // Ученые записки МГПИ, № 450. М. , 1971. С.18-26.

[224] Там же.

нисколько не мешает элементу быть им самим, а только является его максимально адекватным воплощением. Следовательно, об элементе Аристотеля уже нельзя сказать, что он есть что-нибудь только идеальное или что-нибудь только материальное.»[225] Свои элементы Аристотель тоже склонен считать основными частями всякой целости, как об этом мы и читаем в его философском лексиконе, из которого состоит пятая книга "Метафизики". Но уже и в этой книге под "элементами" он понимает максимально обобщенное, максимально родовое (V 3, 1014b 9 – 12).

Далее античная традиция подхода к строению мира и человека как созданных из определенного рода элементов отражена в философии стоиков и неоплатонической традиции.

Эти идеи претерпевали трансформацию в трудах христианских авторов, например в текстах Юстина. В обосновании догмата о воскресении Юстин использовал античное учение об элементах, применив его в качестве возможности для человеческого тела после его смерти вновь возродиться в этом мире. Согласно концепции Юстина, «Бог по благости своей в начале все устроил из безобразного вещества для человеков».[226] Сами человеческие тела, разрушившиеся и превратившиеся в землю, могут по «Божию велению в свое время воскреснуть и облечься в нетление». В апологии «Увещевание к эллинам» Юстин называет древнегреческих философов, одновременно указывает на то, какое начало вещей признавал каждый из них основным. Он перечислил взгляды Фалеса, Анаксимендра, Анаксимена, Гераклита, Архелая, Пифагора, Эпикура, Эмпедокла, Платона, Аристотеля. На основании того, что все греческие философы высказывали различные идеи о начале вещей, Юстин делает вывод, что ни одному из них верить нельзя, поскольку они не смогли убедить даже друг друга не противоречить во мнениях. В фрагменте «О воскресении» Юстин возвращается к различным «началам», но указывает, что все взгляды различны, но существует общее положение, признаваемое всеми. Оно состоит в том, что сущее не может произойти из ничего, а также не может превратиться в ничто и исчезнуть. Есть стихии неразрушимые, из которых происходит всякая вещь. Если это так, возможно восстановление плоти. Поскольку тело происходит из четырех стихий, после разложения его на стихии они сами остаются неразрушенными, этим четырем стихиям (началам, элементам) возможно снова, получив такое же смешение, по воле Бога, вновь составить то же тело, которое они составляли прежде. «Таким образом достаточно доказана мною возможность воскресения плоти на основании понятий язычников»[227], - утверждает в конце апологии Юстин. Таким неожиданным образом античное учение об элементах было использовано христианским автором.

Эти античные идеи были использованы болгарскими и древнерусскими книжниками для разработки вопроса о сущности человека. В тексте Изборника

---

[225] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х книгах. Книга 1. М., 1992. С. 563.

[226] Сочинения святого Июстина Философа и Мученика. – М., 1992. С.464.

[227] Там же. С 477.

содержится статья «Иустина Философа», где впервые в древнерусской книжности встречается античная идея о четырех элементах. В тексте отмечено, что человек имеет два «естества», однако это нельзя понимать как то, что он состоит из двух независимых естеств, поскольку он — их нерасторжимая совокупность, а состоит «от двою». Таким же образом и «тело сложеное от огня, и от въздуха, и от воды же, и от земли, но не речеши телу огнь, ни въздух, ни ино ничто же. Небо тоже есть, от них же есть, им же и различен разум съложеному и съложеным».

Автор Изборника видит сущность человека в единстве души и тела. Тело, в свою очередь, слагается из четырех элементов, однако, опять же, человеческое тело состоит не из одного элемента, а из их совокупности, их единства. Следует различать такие его части, как созданное, сотворенное и составляющее, не абсолютизировать и не отождествлять их. В данном фрагменте элементы выступают как структурный принцип. Каждый из них имеет смысл только в сочетании с другими. Ни один из элементов сам по себе не может выступать сущностью человеческого тела и не превосходит другие. Между ними отсутствует какая-либо иерархия или же соподчиненность. Такой подход к проблеме элементов находится в тесном смысловом единстве с решением этого вопроса у Платона. Помимо этого далее в статье подчеркивается, что кроме двух естеств — души и тела — человек иных естеств не имеет и поясняется сказанное выше. Подобно тому как дом, построенный из различных «вещей», уже не есть сами эти вещи, а нечто иное по отношению к ним, и никто не именует его одной из этих вещей (камень, дерево), так же и человек как совокупность души и тела не есть только тело или только душа. Соединение души и тела есть новое качественное состояние и представляет собой иное «третье» по отношению к его составляющим. Оканчивается этот небольшой фрагмент тем, что ни тело без души, ни душа без тела существовать не могут.

В тексте Изборника есть еще несколько фрагментов, содержащих влияние античного учения об элементах. В статье «Феодорита, от того еже о святей троици».[228] «Тело же убо чловече,— отмечает автор, рассматривая природу человека,— от четырь състав, глаголем създано. Имать бо от огня теплоту, от воздуха студеньство, от земля же сухоту, от воды же мокроту. Душу же простосушту нарицаем и словесную и смертную, а не прежде створену телесе...».

Необходимо подчеркнуть, что согласно античной традиции Аристотель понимал элементы как огонь, воздух, воду и землю и считал, что они имеют начала, свои определенные и вышестоящие принципы: теплое и холодное, влажное и сухое. Об этом же речь идет и в цитированном фрагменте. Здесь можно заметить, что учение об элементах в данном случае использовано уже в «физиологическом» отношении, так, как оно рассматривалось в античной и средневековой медицине.

И, наконец, в одной из статей Изборника как противоположные качества названы «мокрота» — «сухота», «теплота» — «студено», что косвенно указывает на знакомство автора данной статьи с возможностью взаимопереходов элементов, их диалектических видоизменений, их различия и единства. Эта идея восходит к

[228] Там же. С.5.

учению Эмпедокла, где земля переходит в воду, вода в воздух, воздух в огонь и т.д. Статьи Юстина и Феодорита и фрагменты из так называемого «Философского трактата»[229] Изборника Святослава 1073 г. содержат отдельные идеи и взгляды, присущие этим мыслителям, и извлечения из их произведений, а сам факт фрагментарного использования объясняется тем, что прототипом Изборника 1073 г. являлись энциклопедические сборники, созданные в Византии. И.В. Левочкин в справочном аппарате к факсимильному изданию[230] Изборника указывает, что существовали греческие рукописи, которые совпадали с составом Изборника.

Анализ рассмотренных сюжетов позволяет выделить ряд моментов в древнерусской рецепции античного натурфилософского учения об элементах. Древнегреческая идея о первоэлементах посредством христианской апологетической и патристической литературы в составе письменных текстов была привнесена в древнерусскую культуру. Это учение получило здесь свое определенное развитие и продолжение. В развитом виде оно представлено в довольно распространенном на Руси «Шестодневе» Иоанна Экзарха и в других древнерусских памятниках.

Фрагментарность представленного в Изборнике учения об элементах обусловлена и тем, что памятник имеет энциклопедический, дидактический, учительский и назидательно-просветительский характер. Составитель Изборника ставил себе целью дать краткие сведения по богословским вопросам, философско-мировоззренческим проблемам, вопросам логики и риторики, математики и летоисчисления, астрономии и географии, медицины и минералогии, истории, психологии и др.

Это не препятствует возможности сравнительного анализа античного учения об элементах и его отражения в одном из первых письменных памятников Киевской Руси. Античное учение в Изборнике исходит из уровня, которого оно достигло в трудах Платона и, в меньшей степени, Аристотеля. А именно: понимание элементов в качестве исходных, реальных, чувственных структурных начал, основ строения вещества, равнозначных по отношению друг к другу, из которых Богом созданы материальные объекты. Земля, вода, огонь и воздух находятся во взаимном соответствии и выступают подчиненным образованием по отношению к нематериальному (душе), идеальному и в то же время находятся в нерасторжимом единство и взаимодополняют друг друга, но между ними происходит борьба (борьба души и тела в христианских антропологических воззрениях). В то же время отсутствуют античные идеи о доминировании в природе какого-либо элемента, об их геометрическом выражении и др.

Несмотря на то, что религиозное мировидение оказало на учение об элементах самое непосредственное влияние и использовало последние для обоснования своих идеологических постулатов, оно привнесло и несколько новых моментов. Сделан акцент на материальной природе элементов и их неуничтожимости, проведена четкая грань между материальным и идеальным в

[229] Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновом сборнике. Киев, 1983. С.3.

[230] Левочкин И.В. Введение к факсимильному изданию Изборника 1073 года // Изборник Святослава. Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983 г. С.10.

природе человека, подчеркнуто их единство и различие. Элементы понимаются здесь как действительность, как единое, сущее бытие, не зависящее от текучей множественности чувственных вещей.

Подводя итог анализу фрагментов Изборника, содержащих идеи о природе человека, его сущности и происхождении, следует отметить, что душа здесь понимается бессмертной, нематериальной, неразложимой, разумной, обретающей жизнь одновременно с телом. Тело видится созданным из четырех стихий, материальным, подверженным разложению, функционирующим благодаря его единству с душой. Сам человек выступает как единство души и тела, идеального и материального. Сущность человека заключается в единстве и взаимодействии двух его природ — души и тела.

Рассмотренные фрагменты в контексте эпохи не выглядели столь тривиальными, как это может показаться с современных позиций. Несмотря на религиозно-мифологические положения и противоречия, являясь реакцией на некоторые идеи античной философии, в данном отношении подход к проблеме человека являлся реалистичным и представлял собой определенную ступень философского осмысления природы человека.

Пешков А.А.
Нижегородская
Духовная семинария

Критика П.Н. Милюковым национальной идентичности по религиозному признаку (к вопросу о взаимоотношении Церкви и государства в России).

Павел Николаевич Милюков многим известен как политик, идейный лидер партии кадетов, член Государственной Думы третьего и четвертого созыва. Мировую известность Павлу Николаевичу принесла политика, но начинал он как подающий надежды молодой ученый-историк.

Милюкова-политика и Милюкова-историка очень сложно разделить: под его политическими убеждениями всегда стояли принципы, к которым он пришел в собственных научных исследованиях. Подводя итог своей многолетней работы, в юбилейной речи Павел Николаевич сам поясняет, что никода не отделял политику от истории: «Связать прошлое с настоящим - такова была задача всей моей политической деятельности. Историк во мне всегда влиял на политика».[231]

У Милюкова преобладала системность мышления. Рассудочность, рационализм суждений Павла Николаевича отмечали многие из его соратников. «Сам насквозь рассудочный, - вспоминает член ЦК партии кадетов А. Тыркова-Вильямс, - Милюков обращался к рассудку слушателей. Волновать сердца... было не в его стиле».[232] Исследователи отмечают и известную долю тенденциозности в его работах.[233] Однако, придя однажды к выводам, он считал их основой своей деятельности, изменял убеждениям, только переосмыслив и признав их ошибочность. «Милюков всю свою деятельность строил на принципах, в которые верил. Он был убежден в справедливости либеральных идей и с чистой совестью отстаивал каждую подробность кадетской программы», - пишет о нем его соратница по партии.[234]

Эта последовательность выбранного направления будет отражаться во взгляде Милюкова на религиозный фактор национального вопроса.

При определении национальности П.Н. Милюков исходил, прежде всего, из принципа эволюционного, подвижного характера национальных типов. «Национальность, - считал Павел Николаевич, - нужно понимать как начало живое творческое, находящееся в постоянном развитии». Это есть процесс, который совершается в массах. Национальность «не только хранит старые

[231] Думова Н.Г. Предисловие / П.Н. Милюков. Воспоминания. М.: Политиздат, 1998. С.12.
[232] Милюков П.Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). М., 2005. С.210.
[233] Тыркова-Вильямс А. Кадетская партия / Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: РОСПЭН, 1996. С.7-17.
[234] Милюков П.Н. Ук. соч. С.211.

ценности, но и непрерывно создает новые. Как все живое, национальность подчиняется закону эволюции и совершенствования».[235]

Основными факторами, определяющими становление национальных типов, Павел Николаевич называет творческую силу народа, географическую среду, но, пожалуй, главным принципом наследственности национального типа является подражание. «Место наследственности, - пишет Милюков, - заменяет здесь могущественный психо-социологический фактор, уже отмеченный социологами. Этот фактор есть - подражание».[236]

Опыт, накопленный предыдущими поколениями, «передается сокращенным путем последующим, - в особой форме систематизированного, социального подражания»[237], то есть в воспитании. В этом смысле каждое поколение стоит на плечах предыдущего и видит дальше.

Определенную сложность в подобном эволюционном взгляде представляет вопрос механизма наследственной передачи национальных признаков. Таким органом трансляции национальной памяти Милюков называет интеллигенцию.[238]

Но, несмотря на то, что интеллигенции в общей картине становления национальности отводится такое важное значение, Павел Николаевич сущность этого понятия не раскрывает. Само понятие словно повисает в воздухе, оно лишь постулируется и связь его с процессом становления национальности остается неясным.

Остается без глубокого понимания и сам концепт национальности. П.Н. Милюков сводит ее до творческой деятельности народа. Но где ядро народившейся нации? Какие органы ее осуществляют? Совершенно верно отмечая, что национальность вне проявляющих ее индивидов не мыслима, Павел Николаевич не указывает сферы, где эта энергия народа проявлялась бы. (Впрочем, учитывая, что «волюнтаризм» он рассматривал как основной принцип национальности, то такой сферой должен был быть бунт).

Следствием отрицания неподвижных национальных сущностей у П.Н. Милюкова явилось непризнание значимости в определении национальности таких факторов как язык, вера и единство территории. Все признаки национальности чрезвычайно хрупкие, и ни один не восходит слишком далеко в историческое прошлое. Все, чем привыкли определять национальность - язык, религия, территория, нравы и обычаи, - все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно и может отделяться друг от друга.[239]

В данном контексте нас интересует религиозный принцип национальной идентичности.

Вопрос оценки национальности по религиозному признаку у Милюкова тесно связан с его критикой в адрес Хомякова и Данилевского, а также с его оценкой роли и значения реформ Петра I в становлении российской национальности.

---

[235] Там же .С.16.
[236] Там же. С.54.
[237] Милюков П.Н. Ук.соч . С. 56.
[238] Там же. С.61.
[239] Там же . С.43.

П.Н. Милюков, возражая утверждению о том, что «русская национальность исчерпывается православием» считает, что религия - не содержание народа, но лишь внешний признак, как, например, национальный костюм. Не национальность определяется религией, а наоборот, религия формируется в соответствии с национальностью, и должна соответствовать ей. Религия, считает Милюков, меняется, развивается и эволюционирует. Реформация, протестантизм и другие течения христианства - это всего лишь стадии религиозной эволюции.

Придя к такому релятивистскому утверждению в отношении веры, П.Н. Милюков считал, что «в конце концов, для национальности изменить религию еще легче, чем поменять язык». Единственное что может религия - это характеризовать национальность, но не создать ее.

Таким образом, в системе Милюкова религия в отношении к национальности превращается не более чем в акциденцию и теряет любую возможность существенного влияния на нацию.

Интересно, что сам П.Н. Милюков не проявлял индифферентности в оценке религиозных типов. Критерием здесь выступает их прогрессивность и соответствие либеральным началам. Московский, допетровский тип религиозности в этом сравнении у Милюкова явно проигрывает протестантской религиозности. Милюков вообще считал московскую церковно-религиозную культуру препятствием прогресса.

Следует отметить, что в своих оценках места и роли веры в национальном облике, в душе народа Милюков исходит не столько из религиозного чувства, сколько из логики. Об этом свидетельствуют современники, хорошо знавшие Милюкова. Так представитель земства – Шипов (это мнение Милюков приводит в своих Воспоминаниях без комментариев) отмечает, что «по своему жизнепониманию Милюков преимущественно рационалист, историк-позитивист; в нем слабо развито религиозное сознание».[240] Еще рельефнее характеризует эту его сторону его коллега по ЦК: «Обычно он (Милюков - А.П.) давал синтез того, что накопила русская и чужеземная либеральная доктрина. В ней не было связи с глубинами своеобразной русской народной жизни. Может быть потому, что Милюков был совершенно лишен религиозного чувства, как есть люди, лишенные чувства музыкального».[241]

Эволюционистский принцип в осмыслении национальности, с помощью которого Милюков надеялся снять противоречия в понимании национального вопроса между националистами и социалистами, не раскрывает содержания российской национальности, лишает ее духовного наполнения и сводит к одному наименованию.

Выводы, к которым приходит в этом вопросе П.Н. Милюков, напрямую отразились в его понимании церковно-государственных отношений в России. Поскольку он не видел в религии национально-формирующий фактор, то и Православие, и его носительница в России - Русская Православная Церковь,

---

[240] Милюков П.Н. Воспоминания. Том первый. М.: «Современник» 1990. С.393.

[241] Милюков П.Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России)… . С. 211.

лишались для него своего национального значения, нивелируясь до уровня индивидуального выбора.

Поэтому, в вопросах церковно-государственных отношений в думских высказываниях Павел Николаевич предстает сторонником свободы совести. Его критике подвергается «монополизация веры» официальным исповеданием и, особенно, национализация веры государством. Милюков в воспоминаниях о своей деятельности в Думе сожалеет, что «внеисповедное состояние», как окончательное осуществление принципа свободы совести, оказалось вне кругозора Думы. [242]

Таким образом, лидер партии кадетов позиционирует себя сторонником формулы Кавура - «свободная церковь в свободном государстве». Но подобный подход Милюкова не учитывал глубокую интегрированность Православия в российскую культуру. В теоретизировании Милюкова не было понимания неизбежности ломки народного сознания, питавшегося соками православной традиции. Годы последующей революционной разрухи показали насколько непригодно кабинетное теоретизирование, применение прозападных ориентиров в живой национальной среде.

Данилов Е.С.,
Ярославль, ЯрГУ

Рецензия на книгу П. Саузерна «Римская армия: социальная и институциональная история» (Southern P. The Roman Army: A Social and Institutional History. Oxford: University Press, 2007. 383 p.)

Война отражает цивилизацию во всей ее полноте, она затрагивает не только экономику, политические и социальные отношения, но и религиозные и культурные явления. Пренебрежение со стороны исследователя любым из этих компонентов делает картину истории военного искусства не полной. Особенно это касается столь удаленного от нас в хронологическом плане периода античности, в котором наблюдалось большее, по сравнению со многими другими эпохами мировой истории, единство всех сторон жизни общества. Рецензируемый труд американской исследовательницы Патрисии Саузерн[243] направлен на освещение магистральных проблем истории римской армии в социально-политическом контексте.

Структура работы включает краткое предисловие, девять глав основной части, глоссарий, библиографию, индекс.

В *предисловии* автор отмечает, что какое бы количество книг по римской армии не вышло в свет, все они необходимы и востребованы (p. IX-X).

Первая глава носит вводный характер и посвящена обзору источников. П. Саузерн постулирует общеизвестную истину о том, что армия была важным фактором на каждой стадии развития Рима, подчеркивает адаптивный характер римской военной системы, которая органично приспосабливалась к обстоятельствам. Отмечая гомогенность республиканского войска, историк акцентирует, что многофункциональная армия Империи сражалась скорее за идеологию, чем за конкретный город-государство (p. 1-3). Несколько существенных особенностей сделали римскую армию великой. Организационная гибкость показывала способность римлян реструктурировать военную машину под тактику того или иного врага. Несгибаемая воля не позволяла римлянам останавливаться перед фактом временного поражения. Железная дисциплина дала Риму победы, к которым он стремился (p. 4).

Исходные материалы для исследования римской армии обширны и разнообразны. П. Саузерн последовательно характеризует археологические источники, надписи на папирусе, эпиграфические памятники, скульптурные

[243] Мы пользуемся вторым изданием. Первое было выпущено в 2006 г. издательством «ABC-KLIO». См. также другие труды автора: Southern P. Domitian: Tragic Tyrant. New York, 1998; idem. Kleopatra: Ein Lebensbild. Essen, 2000; idem. Empress Zenobia: Palmyras Rebel Queen. London, 2009.

портреты, военные дипломы, нумизматические находки. Из античных авторов, отличавшихся специальными военными познаниями, она выделяет Полибия, Цезаря, Иосифа Флавия, Фронтина, Арриана и Аммиана Марцеллина. Нарративные источники по римской армии представлены также трудами Светония, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Тацита, Аппиана, Диона Кассия. Теоретические военные руководства дошли до нас от Псевдо-Гигина, Вегеция и Маврикия. Отдельно освещены законодательные кодексы (Кодекс Феодосия и Дигесты Юстиниана), а также карты и итинерарии (p. 5-36).

Вторая глава «Исторический фон» состоит из шести параграфов. Первый затрагивает геополитическое и экономико-географическое положение Рима и его соседей в течение тысячи лет (p. 37-48). Второй связан с вопросами демографии и численности армии (p. 48-49). Третий параграф раскрывает основные вехи внутренней и внешней политики, начиная с периода царей. П. Саузерн останавливается на компонентах римской политической организации: сенате, комициях и магистратурах (p. 50-67). По ее мнению, военные потребности всегда играли для римлян ключевую роль при заключении международных соглашений и союзов (p. 67). Четвертый параграф посвящен экономике и финансам. Автор уверена в том, что в Риме не было регулярной чеканки монеты, а когда она действительно имела место, то это было чаще всего связано с потребностями армии. Так, чеканка, предпринятая Помпеем, Цезарем, Марком Антонием и Октавианом, предназначалась для солдат, участвовавших в гражданских войнах (p. 70-71)[244]. Август вводил косвенные налоги для содержания вооруженных сил и ветеранов (p. 73). Не менее половины доходов Империи шли на удовлетворение возраставших аппетитов армии (p. 76).

О взаимоотношениях гражданского населения и солдатской массы повествуется в пятом параграфе. Со времен Республики войско являлось как бы продолжением политической и социальной системы. Но это было характерно для самого Рима, – отмечает автор рецензируемой работы. В отношении провинций, по мнению П. Саузерн, наблюдается глубокий эффект от присутствия армии в чужеродной гражданской среде. И здесь дело не только в установлении внутреннего общественного порядка и защиты от внешней опасности, – отмечается в исследовании. Солдаты, выполняя невоенные функции полицейских, таможенников, сборщиков налогов, судей, строителей, способствовали процессу романизации (p. 77-79). Однако была и «обратная сторона медали»: злоупотребления при расквартировании, реквизиция провианта и средств для транспортировки, неприкрытое насилие. Литературные источники единодушны в освещении трудностей, перед которыми оказывалось любое гражданское лицо при предъявлении обвинения против солдата (p. 80-81).

Шестой параграф освещает систему ценностей. Римлян никогда не оставляло стремление к военной славе и почестям. Virtus и pietas были унаследованы ими от республиканских идеалов. Культ божественных

[244] См.: Southern P. Augustus. New York, 1998; idem. Mark Antony. Stroud, 1998; idem. Julius Caesar. Stroud, 2001; idem. Pompey the Great. London, 2002.

императоров стал цементирующим элементом в деле закрепления завоеваний и насаждения лояльности к Риму (p. 82-84).

Третья глава «Римская армия» также состоит из шести параграфов. Вначале П. Саузерн обращается к традиционным аспектам происхождения и становления республиканской военной системы: реформам Сервия Туллия, переходу от фаланги к манипулярному строю. Затем исследовательница характеризует эволюцию римской армии в IV в. до н.э. на основе сочинения Ливия и в III в. до н.э. на основе труда Полибия (p. 87-93). Далее следуют сюжеты о союзнических контингентах, реформах Мария и военных последствиях Союзнической войны (p. 93-96). Эпоха принципата начинается с преобразований Августа, после которого организация армии оставалась практически неизменной в течение следующих двух столетий (p. 96-97).

Второй параграф посвящен структуре легиона, которая очерчена довольно подробно. П. Саузерн останавливается на изменениях в численности легионов, на сроках службы легионеров, на легионной коннице[245], на профессионалах узкого профиля – инженерах и артиллеристах (p. 98-105). Ученый проанализировала динамику роста военного жалования, влияние на нее инфляции, налоговые льготы для ветеранов (p. 105-111). Она не обошла вниманием систему поставок в армию, вопросы материального обеспечения легионеров. При рассмотрении рациона питания П. Саузерн предположила, что римская армия сама выращивала часть нужного провианта (p. 113).

В третьем параграфе рассматриваются элитные и специальные подразделения: cohors praetoria, equites singulares Augusti, cohortes Urbanae, vigiles (p. 115-120). В четвертом – вспомогательные единицы: alae, turmae, numeri, dromedarii (p. 120-124). Офицерский состав проанализирован в пятом параграфе (трибуны, префекты, центурионы). При этом отмечается два момента. Во-первых, в римской армии почти всегда существовала возможность карьерного роста в зависимости от личных связей и, что самое главное, способностей. Во-вторых, между постами, которые занимали представители сенаторского сословия и всадники, было разделение, но «это не была та граница, которая никогда не пересекалась» (p. 125). Шестой параграф – изложение стадий, через которые гражданское лицо следовало к статусу военного: вербовка, обучение, «идеологическая обработка», продвижение по службе (p. 131-138).

Четвертая глава «Культура римской армии» членится на четыре параграфа. В первом – рассматривается этнический состав римских вооруженных сил, а также затрагивается такой сюжет, как семейное право легионеров (p. 144). В параграфе «Мораль и дисциплина» анализируются юридическое положение воинов, виды проступков (в первую очередь, дезертирство), наказания, порядок отпусков (p. 145-149). Тема третьего параграфа – воинские традиции – очень популярна последнее время. Правда, автор несколько ограниченно представляет их круг: идея корпоративности, система наград, военный костюм, использование

[245] См.: Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry. New York, 2000.

музыкальных инструментов, обряды и праздники (p. 149-162)[246]. Четвертый параграф обрисовывает виды отставки и положение ветеранов (p. 162-168).

Пятая глава названа «Римская армия в состоянии войны». П. Саузерн исходит из того, что в фундаменте римской военной доктрины лежал принцип «законной войны» (bellum iustum), и несомненным преимуществом римлян в ходе ведения продолжительных военных кампаний она считает потенциальную неограниченность людских ресурсов (p. 171). При этом важную роль играла пропаганда, посредством которой сенат и принцепсы облекали любой вооруженный конфликт в форму законности (p. 172-173). Автору видится маловероятным наличие целостного стратегического планирования в условиях древнего Рима. Она считает, что государство и армия реагировали на внешние угрозы скорее реактивно, чем превентивно. Стратегия римлян осуществлялась через «моральное доминирование», комбинацию военных ударов и дипломатической игры (p. 174-175). Причем, пользовались поддержкой и популярностью чаще те политические силы, которые стремились к постоянному расширению pax Romana и осуществляли это на практике, чем сторонники взвешенных решений и мирного существования (p. 176-177). В рамках проблемы изучения римской стратегии получили освещение также вопросы становления границ Империи и организации приграничного охранения (p. 178-186).

Рассмотрение основ римской тактики П. Саузерн начала с описания армии в походном порядке. Очевидный интерес может представлять таблица, где сопоставляется последовательность войсковых частей на марше, представленная Полибием, Иосифом Флавием и Аррианом (p. 188-189). Логичным продолжением является изображение римского военного лагеря (p. 190-194) и хода классического сражения (p. 194-197). Далее следуют аспекты теоретического планирования, в процессе которого, по мысли Саузерн, участвовали люди из личного окружения военачальника и штабные офицеры (p. 198-199). В параграфе о командовании и руководстве войсками на поле боя автор высказывает ряд собственных наблюдений:

1. Полководцы периода Принципата часто действовали в рамках императорских инструкций. Но при выборе оптимальных тактических решений опирались на собственные умозаключения (p. 200).

2. Компетентность римских военачальников не вызывает сомнений. В ее основе опыт старших и примеры прошлого (p. 200).

3. Римские стратеги должны были быть профессионалами, так как на них лежала ответственность за ход военной операции (p. 201).

4. Вероятно, командующий имел в своем распоряжении несколько служащих, призванных доставлять письменные приказы и тем самым контролировать воинские части во время боя (p. 203).

5. Система передачи сигналов во время сражения, видимо, не ограничивалась использованием рожков и труб. Во всяком случае, она должна

[246] Подробнее см.: Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.

была быть стандартизирована, ибо любой беспорядок или колебания могли привести к поражению (p. 204).

Завершает пятую главу оригинальный материал об особенностях использования римского военного флота в совместных операциях различных родов войск (p. 204-207).

Шестая глава носит несколько абстрактное название *«Инструменты войны»*, но имеет конкретное содержание. В ней мы находим виды римского наступательного и оборонительного вооружения (p. 209-217). Более пристальное внимание уделено вопросам логистики и функционирования транспортной системы в военных целях (p. 217-225). Похвальным представляется наличие хотя и краткого, но освещения разведывательной службы римской армии[247]. Здесь историк помимо традиционного вывода о слабости республиканской разведки вплотную подходит к проблеме поиска координирующего органа разведывательной деятельности в Римской империи. Саузерн пишет о beneficiarii consularis, как о служащих, ответственных за агентурную сеть в отдельных провинциях и на участках границы. На вторую ступень она ставит императорского секретаря ab epistulis, который контролировал отчеты бенефициариев. Относительно периода Домината, Саузерн видит носителей должностей magister militum и magister officiorum наиболее вероятными кандидатурами на роль ключевых фигур в деле сбора сведений военного и гражданского характера (p. 225-229).

В параграфе о римских коммуникациях, исследовательница вновь затрагивает проблему сигнальных систем, останавливается на дорожной сети и почтовой службе (cursus publicus)[248]. Но в данной части ее мысли не оригинальны и основаны на разработках других специалистов (p. 229-233), как, впрочем, и в параграфах о медицинском обслуживании (p. 233-237), технологических достижениях (p. 237-239) и картографии (p. 239-242).

Седьмая глава «Поздняя римская армия» представляет собой беглый обзор состояния вооруженных сил в период Домината[249]. Этот обзор состоит из шести параграфов, содержащих информацию о политических событиях в указанный период, реформах Диоклетиана и Константина Великого, изменениях в командном составе армии, взаимопроникновении военных и гражданских структур, эволюции военной экипировки и фортификационных сооружений (p. 245-264).

---

[247] Подробнее см.: Austin N.J.E., Rankov N. B. Exploratio. Military and political Intelligence in The Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. London, 1995. 292 p; Sheldon R. M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. London, 2005. 317 p.

[248] Автор игнорирует некоторые современные работы, в том числе труды Анны Кольб. См.: Kolb A. Transport und Nachrichtentransfer im Römischen Reich. Zürich, 2000. 380 s; idem. Transport and communication in the Roman state: the cursus publicus // Travel and Geography in the Roman Empire. London; New York, 2001. P. 95 – 105; idem. Army and transport // The Roman Army and the Economy. Amsterdam, 2002. P. 161-166.

[249] См.: Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. New Haven and London, 1996; Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. London, New York, 2001.

Глава восьмая «Великие солдаты и сражения» (p. 267-320) построена как перечень фактических данных об известных римских полководцах (Гай Марий, Гней Помпей, Гай Юлий Цезарь, Тиберий, Германик, Корбулон) и знаменитых битвах (Фарсал, Филиппы, кампании Светония Паулина и Агриколы в Британии, Траяна в Дакии и Септимия Севера против Парфии).

Девятая глава «Текущая оценка» носит историографический характер. П. Саузерн указывает на главные проблемы, стоящие перед исследователями при изучении римской армии.

1. Состояние источников: собранные свидетельства относятся в основном к имперской эпохе.
2. Численный состав легионов.
3. Военное жалование вспомогательных частей.
4. Задачи армии в мирное время.
5. Социальное взаимодействие легионеров и гражданского населения.
6. Управление войском во время сражения.
7. Реальные цели военных кампаний.
8. Учреждение и обслуживание границ.

Автор рекомендует сконцентрироваться на следующих задачах: поиск и перевод новых инскрипций, публикация оригинальных текстов параллельно с переводом, расширение масштабов археологических раскопок, практические эксперименты по проверке эффективности оружия и брони, проведение международных конгрессов по проблемам римской армии (p. 326-329). В приложении дается структура офицерского состава римской армии (p. 331-334) и глоссарий (p. 335-341).

Рассматриваемая монография П. Саузерн, несомненно, может считаться лучшим пособием – из опубликованных за рубежом в последнее десятилетие – по изучению социальных основ и институциональной организации римской армии. Эта работа намечает важные проблемы и подходы к их решению, поэтому, хотя теоретические результаты высокого уровня обобщения относятся не ко всем поставленным вопросам, она, безусловно, привлечет внимание специалистов.

Строгецкий В.М.,
Нижний Новгород, НГЛУ

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу И.Е. Суриков «Геродот», изданную в серии «Жизнь замечательных людей». М., 2009

Серия «Жизнь замечательных людей» интересна и важна не только тем, что она касается характеристики жизни и творчества выдающихся личностей. Весьма важно и то, что сочинения, посвященные этим личностям, появляются из-под пера ученых, уже сказавших свое слово в науке. К таким исследователям принадлежит И.Е.Суриков, автор книги о Геродоте. Симптоматично, что он

избрал для себя тот же путь, который достаточно хорошо просматривается в сочинении Геродота. Главную свою тему Историю Греко-персидских войн и причины их возникновения он раскрывает на широком фоне истории эллинских и варварских народов и государств или «деяний эллинов и варваров», как эту мысль сформулировал сам великий историк. И.Е. Суриков также свою главную тему жизни и творчества Геродота рассматривает в широком контексте, показывая, как формировались греческие полисы, в каких взаимоотношениях они находились как между собой, так и с соседними народами и государствами. Также как Геродот время своих странствований скрупулезно собирал информацию, так и И.Е. Суриков, внимательно вчитываясь в текст геродотовской Истории, привлекая другие источники и опираясь на новейшие достижения и выводы западноевропейских исследователей конца XX – нач. XXI вв., показывает объективную картину становления Геродота как историка с широким кругозором, которого интересовали не только и не столько военные и политические события, но также повседневная жизнь и культура эллинских и варварских народов. Геродот в изображении И.Е. Сурикова предстает перед читателем не только как правдивый и добросовестный автор и исследователь со всеми достоинствами и недостатками, которые успешно раскрыл и объяснил английский историк Дж. Майрс[250], но и как величайший античный писатель и мыслитель, информацию которого можно интерпретировать с историко-философской и этно-культурной точки зрения.

Книга И.Е. Сурикова состоит из небольшого предисловия (от автора, с. 5-10), в котором ученый намечает главные вехи своего исследования, подчеркивая, что его книга не только о Геродоте как писателе и исследователе, художнике слова и мысли, но и о его «Истории», а также и о его времени, и о том мире, в котором он жил и творил. Поскольку зрелость Геродота приходилась на время так называемого «греческого просвещения», то есть 479-431 гг. – время расцвета философской мысли, постановки бессмертных трагедий Эсхила и Софокла; время формирования риторики и политической мысли, поэтому И.Е. Суриков пытается понять то место, которое занимал Геродот в этом политическом и интеллектуальном горении.

Основная структура книги включает Пролог (С. 11-42), пять глав (С. 43-360) и Эпилог (С. 361-397). В Прологе, получившем название «Эллины и варвары», И.Е. Суриков характеризует их жизнь в сравнении. Рассматривая греков, которые изначально формировались как городская культура и цивилизация, автор совершенно справедливо указывает на такие важнейшие их особенности как наличие полисов, являвшихся гражданскими общинами и городскими центрами. Для них были характерны самоуправление или прямое народоправство, реализующееся в народном собрании граждан, в совете, а также в выборности и сменяемости должностных лиц; дух соревновательности, о котором рассказывает Гесиод, рассуждая о доброй и злой Ириде.

В данном случае мне представляется, следовало бы дополнить мнение автора, отметив, что процесс развития греческих полисов был далеко

[250] Myres J.L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953. P. 31.

неоднородным. Ко времени Геродота в Греции существовали два могущественных полиса дорийская Спарта и ионийские Афины, различающиеся между собой особенностями дорийского и ионийского менталитета. Для Спарты характерным было тоталитарное устройство, в котором государство в лице двух царей, геронтов и эфоров держало в повиновении всех спартиатов, неполноправных периэков и рабов – илотов. Законы в Спарте приравнивались скорее к суровым обычаям.

Афины были демократическим полисом, в котором граждане являлись свободными в выражении своих мыслей и в своих действиях. Правда, свобода ограничивалась, прежде всего, самими гражданами мужского пола, которые осознавали недопустимость таких действий и высказываний, которые могли навредить как отдельным лицам, так и всему гражданскому коллективу. В Афинах также важнейшую роль играл закон, но в отличие от Спарты он являлся нормативным актом, имевшим юридическую силу.

И.Е. Суриков отмечает, что Геродот в силу уже сложившегося представления выделяет эллинов и варваров. Хотя последние являлись для него врагами, тем не менее, он не проводил между ними различия антагонистического характера. Именно по этой причине Плутарх назвал его «филобарбарос» (любитель варваров). И.Е. Суриков совершенно прав, отмечая, что эллины первоначально варварами называли тех, кто говорил на чужом непонятном для них языке. Более близко эллины познакомились с варварами в процессе колонизации.

Однако интерпретация результатов этого знакомства побуждает к возражениям. Автор утверждает, что в архаическую эпоху не существовало принципиальной враждебности между эллинами и варварами, и Греция в это время еще не отделяла себя от грандиозного мира Древнего востока (С. 24сл.)[251]. Выделив и в целом правильно охарактеризовав важнейшие особенности мира эллинов, И.Е. Суриков нечетко и расплывчато изображает мир варваров, т.е. Восток. Судя по описанию Геродотом Египта, Вавилонии, Персии и Индии, можно считать, что культура и цивилизация этих народов была изначально аграрной. Этим и объяснялось существенное различие между эллинами и народами Древнего востока в религиозном, социальном, общественно-политическом и правовом отношениях. По крайней мере, греки не могли не обратить внимания на то, что царская власть в эллинских полисах имела тенденцию к ослаблению и к VII в. до Р.Х. она исчезла в большинстве из них, в то время как в древневосточных государствах она напротив усиливалась и

[251] В отечественной историографии эта идея была уже высказана К.К.Зельиным (см. его Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964) и В.П. Яйленко (см. его Архаическая Греция //Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128-193), поддержавшими концепции современного скептического направления в западноевропейской историографии второй половины XX в. Об этом более подробно см. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 18сл., особ. С. 141 сл.

приобретала характер деспотической[252]. Геродот, несомненно, видел эти различия и, собирая материал о жизни этих народов, пытался понять и объяснить их. Также и вся совокупность источников о греко-варварских отношениях в период эллинской колонизации свидетельствует о том, что в большинстве районов Средиземноморья и Понта они были далеко не мирными[253].

В заключительной части Пролога И.Е.Суриков возвращается к идее сравнения эллинов с варварами и совершенно правильно отмечает, что в представлении Геродота варвары являлись полной противоположностью грекам, для которых основой их жизни были свобода и закон, в жизни же варварских народов господствовали рабство и произвол.

Недостаточно четко в Прологе объяснены и причины Греко-персидских войн, как их понимал Геродот (см. С. 28). «Отец истории», стремясь сохранить для потомков ценный человеческий опыт, подразумевал прагматическое понимание сущности истории как науки, то есть считал, что она способна учить людей извлекать уроки из ошибок прошлого. Но поскольку Геродот жил и творил в эпоху, когда религиозно-мифологическое мировоззрение сосуществовало с рационалистически-философским, это не могло не сказаться на взглядах историка. Он сочетал элементы религиозности (учение о роке, завистливости божества, провиденциализме; веру в чудеса, оракулы и предсказания) с рационалистическими суждениями о причинно-следственных связях. Это особенно заметно на примере его интерпретации причин и поводов Греко-персидских войн. Руководствуясь традиционным представлением, связанным с религиозно-мифологической идеей божественного воздаяния, о том, что исторические события – это цепь взаимных обид (ἀδικίαι) и возмездий (τίσιες), Геродот перечисляет обиды, нанесенные друг другу эллинами и варварами, начиная с глубокой древности. Но особенно историк придавал большое значение Ионийскому восстанию и действиям Аристагора, которые, по его мнению, рассматривались персами как серия обид, требующих возмездия (Hdt. V. 28сл).

Собранный Геродотом материал позволяет признать, что он различал общие и специфические причины войны. Общей причиной в представлении Геродота, по-видимому, была совокупность всех ἀδικίαι и τίσιες. Конкретной же причиной или поводом (πρόφασις) Геродот считал участие афинян и эретрийцев в Ионийском восстании (Hdt. V. 97; 105-106). Оценивая значение Ионийского восстания и его место в цепи исторических событий, Геродот полагал, что оно открывало новую главу в борьбе между эллинами и варварами, истоки которой он относил ко времени Креза. Эта борьба должна была вовлечь в конфликт с варварами всех греков, а не только тех, которые жили в Азии.

Наряду с религиозно-мифологической идеей о взаимных обидах и возмездиях у Геродота обнаруживается и рациональное объяснение возникновения Греко-персидских войн. Согласно этому объяснению, он считал,

---

[252] К этому см. «Зарождение древнейших классов обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации». Часть 1 и 2 / Под ред. И.М.Дьяконова. М., 1983-1988; История древнего мира. Кн. 1-3 / Под ред. И.М.Дьяконова и др. М., 1983-1989.

[253] См. Фролов Э.Д. Ук. Соч. С. 157.

что эти войны являлись результатом роста персидского могущества, обусловленного военной и политической активностью первых персидских царей из династии Ахменидов. Этот взгляд Геродота наиболее ярко отразился в знаменитом диалоге Ксеркса и Артабана (Hdt. VII. 50)[254].

В первой главе в соответствии с ее названием «Родина, большая и малая» (С.43-82) И.Е Суриков описывает появление греков в южной части Балканского полуострова и на островах Эгеиды, рассказывает о районах расселения греков в процессе Великой греческой колонизации VIII- VI вв. до .Х. Особенно он выделяет территорию М. Азии, образно назвав ее «Перекресток культур», и завершает главу описанием малой родины Геродота Галикарнасса. И.Е Суриков очень кратко касается первой волны переселения греков-ахейцев, появившихся на юге Балканского полуострова в III-II тыс. до Р.Х., с которыми связано изобретение древнейшего письменного греческого языка (слоговое письмо «Б») и возникновение ахейской или микенской цивилизации. Он отмечает, что государственной структурой этой цивилизации были дворцовые царства, опиравшиеся на бюрократический аппарат, что сближало их с государствами Древнего Востока (С. 43сл)[255].

Новая волна грекоязычных племен появилась в конце II тыс. до Р.Х. «Пришельцы, – как отмечает автор, – сокрушили ахейскую цивилизацию, разрушили и сожгли дворцы. На их пепелищах несколько столетий спустя зародился полисный мир» (С. 44). Мне кажется, нецелесообразно противопоставлять две волны индоевропейского грекоязычного переселения. Материальная и духовная культура Микенской цивилизации оказала серьезное влияние на формирование полисной структуры Древней Греции. И.Е Суриков приводит устоявшееся мнение о том, что предки греков были степными кочевниками (С. 44) и, оказавшись в новых географических условиях, им пришлось приспосабливаться к новому образу жизни. Не совсем понятно из текста, каких предков имеет в виду автор. Если же это были ахейцы, а скорее всего речь может идти о них, то они также были народом индоевропейского происхождения. Но считать, что они до прибытия на Балканский полуостров жили где-то в степях и были кочевниками маловероятно. В столь глубокой

---

[254] К вопросу об интерпретации Геродотом причин возникновения Греко-персидских войн см. Доватур А.И. Ук. Соч. С. 113сл.; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1961. С. 104сл.; Строгецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции / на материале изучения Исторической библиотеки Доодора Сицилийского. Учеб. Пособие. Горький 1985. С. 9-12; Он же. Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ, 1973. №3. С. 134-144.

[255] Безусловно, дворцовые комплексы являлись важным фактором государственной структуры ахейской цивилизации. Но археологические данные свидетельствуют о том, что в XIV-XIII вв. уже сложились два типа ахейских городов. Первый – это крупные города (Микены, Тиринф, Пилос), центры политической власти и разнообразного ремесленного производства; другой тип – это небольшие города или городские поселения с развитой ремесленной деятельностью. Особое внимание привлекает Милет, основанный еще критянами, а с XV в. ставший ахейским городом (Блаватская Т.В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 115сл; Она же. Греческое общество II тыс. до н.э. и его культура. М., 1976. С. 60сл; Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 150сл.

древности в период господства примитивных традиционных культур кочевники оставались бы кочевниками и искали места поселения, соответствующие их образу жизни. Сегодня, к сожалению, ни одна из версий решения проблемы прародины индоевропейцев (степи Северного Причерноморья, Центральная Европа, Анатолия) не получила общего признания, тем не менее анатолийская теория, предложенная Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым[256] мне кажется ближе всего к истине. И если предки греков были выходцами из М.Азии, то для ахейцев и для их потомков эллинов море, а не степи было их родной стихией. Поэтому морское дело для ахейцев и эллинов было важнейшим видом занятий.

Особое место, как уже отмечалось, автор уделяет малоазийскому побережью Эллады, в частности Ионии и Дориде. Первая стала местом рождения эллинской науки, философии и литературы, а вторая родиной Геродота. Описывая родной город Геродота Галикарнас, Суриков отмечает, что историк очень мало говорит о своей малой родине. Он считает, что именно это характеризует «отца истории» как объективного ученого, лишенного «местечкового патриотизма». Но можно это объяснить и по-другому. М.Азия действительно была «перекрестком культур». И здесь людей со смешанным происхождением было гораздо больше, чем где-либо в Элладе. Геродот, как это подчеркивает автор в следующей главе, имел корни как эллинские, так и карийские. Литературная традиция сохранила много примеров того, как творчество человека развертывается не на его родине, а в том полисе, куда он переселился, либо гонимый внешними обстоятельствами, либо уехавший по своей воле. Нередко становились творцами люди или не имеющие эллинского происхождения, или родившиеся от смешанных браков[257]. К таким людям как раз и относится Геродот, поэтому для него не был свойственным полисный патриотизм.

Во второй главе книги «Поиски пути» (С. 82-183) И.Е.Суриков исследует родственные узы Геродота и их влияние на интеллектуальное творчество и мировоззренческие позиции будущего историка; рассматривает пребывание Геродота на Самосе, и объясняет, почему именно здесь он начал писать свою Историю (С. 96-117). Особенное значение И.Е.Суриков придает поездке Геродота в Дельфы (С. 117-152) и в Афины (С. 152-177). Смешанное происхождение Геродота могло послужить важным психологическим фактором, способствовавшим формированию творческого потенциала Геродота. Главной же причиной, безусловно, был его талант, раскрыться которому способствовал как его дядя или двоюродный брат Паниасид, выдающийся эпический поэт, так и то прекрасное образование, которое Геродот получил, как выходец из аристократической семьи. Паниасид, как считает автор книги, вовлек его в политическую деятельность. Паниасид и Геродот участвовали в заговоре против тирана Лигдамида. Это произошло, по мнению автора, в 468/467 г. до Р.Х. Заговор не удался, Паниасид погиб, а Геродоту удалось бежать на Самос. Здесь

[256] Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1-2. Тбилиси, 1984. Особ. Т II. С. 859 сл.
[257] Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С. 39сл.

он, прежде всего, изучил ионийский диалект и затем обратился к написанию Истории. Геродот, своим воспитанием подготовленный к интеллектуальной деятельности, сознательно выбрал для себя путь историка-исследователя. Он решил, опираясь на сформулированную ионийской философией способность осмысленно воспринимать и понимать события и поступки людей с помощью наблюдений (ὄψις), расспросов (ἱστορία), выслушиваний (ἀκή) выделить прямую и косвенную информацию, проверить ее достоверность и прийти к собственным умозаключениям (σύνεσις или γνώμη). Эти способы, позаимствовав из эпической поэзии и ионийской философии, Геродот впервые решил применить к исследованию в области истории[258]. Таким образом, именно на Самосе Геродот нашел свой путь и поэтому в своей Истории он уделил этому острову значительное внимание.

Геродот был человеком религиозным, и для него паломничество в Дельфы имело не меньшее значение, чем для сегодняшнего мусульманина поездка в Мекку, а для православного – на Афон. Однако его пребывание в Дельфах было связано не только с религиозными, но и с познавательными целями. Он близко сошелся с дельфийским жречеством и, возможно, был допущен к знакомству со священными книгами (ὑπομνήματα ἱερατικά). Во всяком случае оракулярная традиция, идея провиденциализма и вера в высшую божественную истину заняли весьма важное место в его концепции историописания.

Геродот, образованный интеллектуал с философским складом ума, не мог не побывать в Афинах, которые ко времени его зрелости действительно превратились в школу всей Эллады. Правда, традиционная дата появления Геродота в Афинах в 445 г. вызывает целый ряд трудностей, которые отмечает И.Е.Суриков (С. 164сл). Поэтому его гипотеза о том, что историк установил тесные контакты с Афинами еще в 60-е гг. V в. и был связан скорее с кружком видных деятелей, группировавшихся вокруг Кимона, чем вокруг Перикла, вполне убеждает. Во всяком случае, эта гипотеза подтверждается тем, что отношение Геродота к Периклу было весьма сдержанным, если не сказать недружелюбным. Как аристократ Геродот тяготел к демократии клисфеновского типа. Имперская политика Перикла как по отношению к Спарте и Пелопоннесскому союзу, так и в отношении к собственным союзникам в Афинском морском союзе вызывала враждебные чувства к Афинам, а у друзей Афин недоверие к Периклу.

В этой обстановке Геродот, оценивая роль Афин в Греко-персидских войнах, смело и объективно объявил Афины спасительницей Эллады. Так что вполне возможно, как считает И.Е.Суриков (С. 176), предложение о почестях, оказанных «отцу истории» в Афинах, исходило от группировки Филаидов, аристократического рода, враждебного Алкмеонидам. Но в 444 г. Фукидид, сын Мелесия – лидер Филаидов, подвергся остракизму, а Перикл одержал

[258] В современной историографии это мнение нашло отражение в работах следующих исследователей: Bakker E.J. The Making of History: Herodotus' Histories apodexis // Bakker E.J.; Jong I.J. F. De; Wees H. Van (ed) Brill's Companion to Herodotus. Leiden, Boston. P. 3-32, besond. 15-19; Schepens G. History and Historia: Inquiry in the Greek Historians // A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. I / ed. By J. Marincola. Blackwell, 2007. P. 39ff.

окончательную победу. Поэтому Геродот покинул Афины, приняв участие в основании колонии Фурии.

В третьей главе своей книги (С. 184-230) И.Е.Суриков показывает, что коренное отличие Древней Греции от стран Древнего Востока заключалось в том, что в Элладе достаточно рано возникли развитые формы исторической памяти, имевшие тенденцию к постоянному совершенствованию от мифологии, которую уже Эвгемер рассматривал как отражение реальности, через эпическую и лирическую поэзию к логографам - ранним представителям античного историописания. Грекам также была чужда хронографически-летописная фиксация событий, присущая Древнему Востоку. К сожалению, И.Е.Суриков не дает этому четкого объяснения. Но оно вытекает из общего сравнения эллинского и варварского миров. Главной особенностью мышления эллинов были, прежде всего, его светский характер, рационализм и приоритет разума.

Важнейшим содержанием эллинского рационализма была секуляризация сознания и возникновение науки и философии, противостоящих религии,а также утверждение представления о космическом порядке, определяемом не волей бога – властителя, а властью закона. Эта мысль была впервые выражена древнегреческим философом Гераклитом Эфесским (VI в. до н.э.), который утверждал, что «мир (космос) един, не создан никем из богов и никем из людей; он есть огонь; закономерно воскресающий и закономерно потухающий». Поэтому эллинский историк, как справедливо замечает И.Е. Суриков, «не сродни своему древневосточному, византийскому и древнерусскому коллеге», которые были хронистами, а эллинский историк являлся исследователем, каковым и был Геродот (С. 204).

Завершая эту главу, автор сравнивает Геродота и Фукидида (С. 225сл), но не со всеми его выводами можно согласиться. Так, И.Е. Суриков считает Геродота «смеющимся» оптимистически настроенным историком. Фукидид в его понимании напротив» плачущий историк, историк-пессимист». В действительности же мировоззрение Геродота проникнуто значительным пессимизмом. В его рассуждениях чаще всего звучит грустная нота. Пессимистический взгляд на жизнь как на зло широко распространен у Геродота (Hdt I.31; II.108; V.9; VII.146).

Четвертая глава книги посвящена странствованиям и путешествиям Геродота (С. 231-323). В современной научной литературе творчество Геродота оценивается с историко-философской и этно-культурной точки зрения. Эта вторая точка зрения находит свое подтверждение в описании Геродотом стран и народов варварского мира. Геродот, прежде всего, обращал внимание на обычаи и образ жизни.

Особый интерес у отечественных исследователей вызывает рассказ Геродота о его путешествии к берегам Черного моря и в Северное Причерноморье. Наиболее ценным для читателей нашей страны является материал Геродота об истории Скифии. И.Е. Суриков дает краткую характеристику описания путешествия Геродота «К Северным пределам ойкумены» (С. 290-299), к сожалению не привлекая, несомненно, важный и

ценный материал, прокомментированный Б.А. Рыбаковым, А.И. Доватуром, Д.П. Каллистовым и И.А. Шишовой[259].

Неразрешенной загадкой, как справедливо отмечает И.Е.Суриков, является то, что Геродот совершенно не упоминает о Фуриях – его новом отечестве, ставшем важной вехой в его биографии (С. 299-310). Как уже отмечалось, Геродоту не свойственно было чувство полисного патриотизма, а учитывая, что он за свою жизнь поменял много городов и, путешествуя, подолгу жил в разных местах, то оно у него не могло и сформироваться. Вместе с тем проживание в Фуриях и знакомство с Великой Грецией позволило Геродоту собрать и сохранить для современной науки ценную информацию, в частности о переговорах афинян и спартанцев с сиракузским тираном Гелоном о предоставлении помощи грекам и его возможном участии в Греко-персидских войнах.

Последнюю пятую главу книги автор неслучайно назвал «Наследник Одиссея» (С. 324-360). Во-первых, Геродот был воспитан на прекрасном знании эпической поэзии. Он и в своей Истории постоянно обращается к Гомеру и цитирует его. Во-вторых, Одиссей предстает перед читателем как хитроумный и весьма любознательный гомеровский персонаж. Своим любопытством и рассудительностью Геродот нисколько не уступает Одиссею. Любопытство побуждает человека к удивлению, а вместе они заставляет его задумываться, задаваться разными вопросами и поисками возможных вариантов ответа. Именно это имел в виду Гераклит, призывавший «подвергать все сомнению и доискиваться до истины». Геродот успешно применил это ионийское философское наследие в своей Истории.

Проблема религиозности Геродота является важной темой в науке. И.Е. Суриков рассматривает ее, пытаясь найти место Геродоту в мире людей и богов (С. 336сл). Геродот, безусловно, религиозный человек, но будучи исследователем, он таковым, как справедливо отмечает автор, предстает и по отношению к религии. Вместе с тем И.Е. Суриков правильно подчеркивает, что Геродота нельзя сближать с Протагором. В том, что касается религии и богов, Геродот не был скептиком. Однако я бы не согласился с утверждением автора книги, что Геродота следует назвать консервативным религиозным мыслителем (С. 344). В противном случае пришлось бы Фукидида считать прогрессивным мыслителем, так как боги в его картине мира практически отсутствуют и тогда создалось бы впечатление, что мировоззрение Геродота было более отсталым и примитивным, чем у Фукидида. Такой подход сегодня уже не может считаться правильным. Ведь невозможно же утверждать, что мировоззрение академика Гинзбурга более прогрессивно, чем мировоззрение доктора А. Швейцера только потому, что первый – атеист, а второй – человек верующий, хотя они оба

[259] Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия / Историко-географический анализ. М., 1979; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в истории Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1982. Правда, названия данной работы уже давно не соответствует реальности. После распада СССР Украина, Грузия, Армения и республики Средней Азии стали самостоятельными, независимыми государствами.

лауреаты Нобелевской премии. Просто мировоззрение у них разное. Столько же разными были Геродот и Фукидид.

Наиболее известные античные историки были также и политическими мыслителями. С этим соглашается И.Е. Суриков и поэтому называет Геродота самым ранним политическим мыслителем. В связи с этим, завершая свою последнюю главу книги, автор задается вопросом какое же, с точки зрения Геродота, государство лучше. Автор обращается к рассмотрению наиболее дискуссионного сообщения Геродота, передающего рассуждения персов о трех формах правления после свержения в 522 г. узурпатора мага Гауматы. И.Е. Суриков утверждает, что исследователи единодушны в том, что персидские вельможи не могли вести такие споры и что дискуссия – плод вымысла самого Геродота. Конечно, манера изложения и терминология, используемая Геродотом, являются типично греческими. Тем не менее, ряд отечественных и зарубежных исследователей считают, что рассказ Геродота основан на подлинной персидской традиции[260], да и комментарий, которым Геродот снабжает свое сообщение, высказан в такой форме, что побуждает считать его слова искренними (Hdt. III.80).

Отвечая на вопрос какое государство, согласно Геродоту, лучше, можно согласиться с автором книги, что для Геродота таким государством должен быть полис. Но И.Е. Суриков неправ, когда утверждает, что для Геродота безразлично каким должен быть полис: олигархическим, монархическим или демократическим. Рассуждения Геродота склоняют меня к мысли, что Геродот считал лучшим тот полис, в котором демократическое устройство соответствовало бы эпохе Клисфена или Кимона.

Что же касается тирании, то, безусловно, И.Е.Суриков прав, отношение Геродота к ней было неоднозначным. Но, безусловно, к жестокости тиранов он относился отрицательно. Однако замечание, которое высказывает автор, о том, что «тираны были жестокими потому, что жестоким было само время, породившее их (С. 358), я считаю недопустимым, ни по отношению к древним, ни по отношению к современным тиранам. Жестокими жизнь и время становятся не сами по себе. Такими их делают жестокие и кровожадные тираны или диктаторы. Подобные высказывания, которыми оправдывается древняя тирания, сегодня можно услышать и из уст тех, кто стремится обелить преступления Ленина, Сталина и их соратников, по вине которых погибли миллионы невинных людей.

Свою книгу И.Е. Суриков завершает эпилогом, назвав его «Геродот в веках» (С. 361-397). Отмечая, как оценивали Геродота в древности, автор подчеркивает, что он рано стал восприниматься как «отец истории», но также рано – если не раньше – в нем стали видеть «отца лжи», выдававшего сказочные выдумки за истину (С. 378). Одним из первых критиков Геродота, по мнению

[260] М.А. Дандамаев (Политическая история ахеменидской державы. М., 1985, С. 80) отмечает, что отечественные исследователи В.В.Струве, А.И.Доватур, И.М.Дьяконов и некоторые западные ученые считают, что рассказ Геродота основан на подлинной персидской традиции и вовсе не является вымыслом историка.

И.Е. Сурикова, был Фукидид. Противопоставляя свой труд сочинениям логографов, Фукидид, как считает автор, под видом абстрактных логографов имеет в виду конкретного писателя, каковым был именно Геродот (С. 374).

С этим утверждением никак нельзя согласиться. Как известно, о логографах сообщает Дионисий Галикарнасский в трактате «О Фукидиде» (гл. 5). Это сообщение Дионисия И.Е. Суриков цитирует, но также как и его предшественник В.Г. Борухович, он приводит этот текст не полностью, опуская весьма важную заключительную его часть, где Дионисий указывает на коренное отличие Геродота от логографов. Для большей убедительности целесообразно привести здесь полный перевод этой заключительной части пятой главы. Дионисий пишет: «Но Геродот Галикарнасский, который родился незадолго перед Персидскими войнами и дожил до Пелопоннесской войны, предложил разумный и более ясный план (…τήν τε πραγματικὴν προαίρεσιν ἐπὶ τὸ μεῖζονν ἐξήνεγκε καὶ λαμπρότερον,…). Он решил не писать историю одного города или одного народа, но собрать вместе мнения о многих и различных событиях, которые произошли в Европе и Азии и объединить их в едином всеобъемлющем сочинении. Отправной точкой в своей работе он делал повествование о Лидийском господстве и довел свой рассказ до Персидских войн, включив в единое изложение все важные события, которые произошли в Греции и варварском мире, он добавил к своему стилю качества, которыми прежние историки пренебрегли (καὶ τῇ λέξει προσαπέδωκε τὰs παραλειφθείσαs ὑπὸ τῶν πρὸ αὐτοῦ συγραφέων ἀρετάs).

Итак, если бы Фукидид причислял Геродота к логографам, то, учитывая характеристику, данную Дионисием Геродоту, я полагаю, что он обязательно использовал бы это в своих критических замечаниях по отношению к Фукидиду. Поэтому, негативно оценивая творчество логографов, Фукидид, скорее всего, имел в виду только этих ранних историков. Не называет же их он по имени только потому, что их действительно было много. Главная причина, почему Фукидид совершенно не упоминает Геродота, прежде всего, заключается в том, что он ставил перед собой совершенно другие цели, а также выдвинул свою собственную историческую концепцию, отличную как от Геродота, так и тем более от логографов. Это подтверждает и Дионисий, отмечая, что Фукидид придумал свой собственный язык и стиль, чтобы таким образом отделить себя от всех предшествующих историков (De Thucydid. 50-51).

Что же касается эллинистических авторов, то парадокс заключался в том, что они, находясь под влиянием Геродота, читали его и смотрели на мир его глазами. Критикуя «отца истории» и обвиняя его во лжи, они стремились таким образом утвердить свою сомнительную независимость от геродотовского повествования и убедить читателей в том, что их информация, их способ изложения лучше, чем у Геродота. Но на поверку оказывалось, что их критика чаще всего была субъективной, а сведения далеко не всегда являлись надежными и достоверными.

В Римский период, особенно начиная с эпохи Августа, несмотря на критическое отношение к Фукидиду Дионисия Галикарнасского его История стала образцом для подражания историков этого времени вплоть до А. Марцеллина.

В средние века как древнегреческие авторы и Геродот были забыты, так и древнегреческий язык вышел из употребления. Только с эпохи Ренессанса и возвращения древнегреческого языка в Европу стал возрождаться интерес к древнегреческой литературной традиции. С этого времени и до сегодняшнего дня имя Геродота не сходит со страниц книг и статей западноевропейских ученых.

В отечественной историографии Геродот и его История становились не столь часто объектом глубокого и серьезного исследования. И.Е. Суриков отдает дань уважения и высоко оценивает труды своих предшественников Ф.Г. Мищенко, С.Я. Лурье, А.И. Доватура и др. Но приходится с сожалением признать, что с момента их написания прошло достаточно много времени. Так последняя из упомянутых работ, книга А.И. Доватура («Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957) была издана 53 года тому назад. Поэтому книга И.Е. Сурикова является весьма своеобразной, необходимой и востребованной, прежде всего для российского читателя.

Заключительный раздел своей книги И.Е. Суриков неслучайно назвал «Геродот – наш современник». «Современность» Геродота, которого волновали, так называемые «структуры повседневности», открыли ученые XX в. и прежде всего французские исследователи школы Анналов. Они обнаружили, что концепция историописания Геродота вполне отвечала тем целям и задачам, которые они ставили перед собой. «Их влекло к себе понимание истории того или иного социума как целостной системы, для постижения которой нельзя выпячивать одни стороны бытия за счет других (например, экономики, политики или идеологии – В.С.), а нужно стремиться увидеть в ней некое единство, уловить внутренние имманентные связи» (С. 394).

В конце XX – в нач. XXI вв. «История» Геродота стала импульсом для появления новых интереснейших исследований, авторы которых обнаружили у Геродота важные наблюдения, связанные с возникновением исследовательского подхода в области истории, а также его попытку восприятия и понимания окружающего мира через призму межкультурных контактов и коммуникаций.

Итак, И.Е. Суриков одним из первых отечественных исследователей отметил важность и значимость новых подходов в оценке античной историографии, сложившихся в европейской науке к началу XXI в. Исследователи стали рассматривать творчество Геродота с историко-философской и этно-культурной точек зрения.

Ю.А.Шичалин[261]

СНЕГ НЕ СКРИПЕЛ…

Снег не скрипел, — был мороз слишком мал: минус пять или даже
меньше. И с веток берез снег спадал, но опушкой лебяжьей
снег по дубовым ветвям, и на стыках стволов, и на крыльях
елей лепился и там был готов, несмотря на усилья
хвои его отрясти, меж иголок зеленых остаться
вплоть до весны. По пути утомленных к нему наклоняться
так и тянуло. Но он был повсюду — и сверху, и снизу:
на поле — по горизонт, и грудою или карнизом —
там, где за рощей простор опускался в долину; а в небе
он же сплошные простер пелены.

***

Половину в пробеге
рвавшихся снегом дойти до излучины речки в долине
вымотал морок пути, и измученной той половине —
лучшей — казались смешны усилия тех, кто пытался
вычертить ровно лыжни: беспричинный их смех раздавался
чаще и чаще, — они запросили привала. Поляну
в смешанной чаще за миг до того покрывала стеклянным
куполом зимняя тишь, а теперь снег сметен был с упавшей
ели, и сели без лыж утомленные, и, запыхавшись,
всё не могли совладать ни с дыханьем, ни с приступом смеха.
Но тишины благодать в сочетании с гулкостью эха
скоро приелась. Тогда стали хворост сносить, расчищали
место костра, и еда появилась, и скоро пылали
сучья, коптя котелок запотевший с водой снеговою.

***

Я отошел: я не мог налетевшей тоски успокоить.
«Полно, да что за беда? Ну, останемся здесь!», — но бежали
лыжи (и знали куда) неустанно. Прогалин скрижали

[261] Юрий Анатольевич Шичалин – доктор философских наук, профессор Свято-Тихоновского университета, директор Греко-Латинского кабинета, Москва.

жалили взор, — для меня были явственны их указанья:
чаща, за ней косогор; влево взяв, удлиню расстоянье,
но обойду бурелом и справа по кромке оврага
выберусь к дубу; потом — за кустами канава, но — шагом,
медленней, не торопись: наст не выдаст и выдержит; ближе
к соснам держаться и — вниз: вот он, выезд, — и замерли лыжи,
и онемела душа. Задохнусь. Опереться на палки.
Я ведь тут не был. И пусть. Та ведь — в детстве. Другая. А жалко.
Та. Или кажется? Нет: несомненно она, та долина.
Таяли наледи лет. И сквозь годы ко мне беспричинно
радость вернулась. Размяв рукавицы, крепленья поправив,
вниз устремляюсь стремглав, и крупицы сомненья — не вправе
их отмести без суда — отметаю взмывающим строем
сосен, — и пусть никогда, снег взрывая, я этой горою
прежде не мчался, она — и куда хороша, и знакома.

***

Тут я увидел его... — Как его не приметил я сразу? —
И на снегу до того был он светел, что краешком глаза
я, не косясь, за взгляд и лицо зацепился, — смятенье
сблизило нас; я назад не спешил, но, оцепененье
преодолев, повернулся, — а тот все стоял неподвижно
я осмелел и шагнул, и вперед зашагал, и на лыжный
след ступил, оставленный мной, — все равно возвращаться
я уж решил — да и время — домой: начинало смеркаться.
Вдруг я узнал — не его, а себя, вдруг вспышкою вспомнил:
я опоздал, я отстал от ребят, но меня вдруг наполнил
странный покой, я остался один, я господствовал в мире;
я над рекой, я реки господин во всей ее шири
белой и снежной; за нею — леса, и — ширью безбрежной —
поле, а между стогов полоса дороги, проезжей
только зимою — в мороз, а летом — луга и болота...
В этот покой я как врос, но следом заметил, что кто-то
темною тенью скользнул меж сосен в долину по склону:
стал, назад повернул, взор бросил, вдали удивленно
замер…

***

Но мне уже время домой: начинало смеркаться,
я уж решил своей же лыжней дотемна возвращаться.
Сумерки — словно черта короткого дня светового,
сыпаться снег перестал, и цвета обнаружились снова:

рдяный и чуть синевы, и лазурь с позолотой закатной,
серая муть и лиловая хмурь в неподвижности ватной.
Стало морозить сильней. Я люблю состязание с тьмою!
Розовый снег все синей, шаги тороплю, а зимою —
это особенный ток в мороз пламенеющей крови,
иней вкруг рдеющих щек, белесые волосы, брови,
шарф, воротник, и шапка, и всё, куда, вылетая,
выдоха жар проник... Пересек без труда я по краю
длинную тень перед самым уже поселком — тут в рыжем
зареве кончился день, но солнца осколком над крышей
дыма ствол догорал.

***

Сквозь шелк абажура мерцала
лампа, и ужин уже призывал за стол, дав жар, догорала
печь. Я вошел: блаженство тепла, уюта, покоя... —
как хорошо прогулка прошла, но что-то такое
произошло, чем был я смущен, а впрочем, пустое...
Ах, как тепло... — тот лыжник, но он... — нет, право, не стоит
думать о нем... После ужина — чай и бабушкин хворост,
тьма за окном... «Отогрелся, я чай? Уж спишь, или хворость
одолевает?» — «Ничуть, просто я разомлел...». «Что ж, бывает.
Хочешь соснуть?» — «Я б хотел рассказать...». — «Эк, щеки пылают...».
Я б не спеша рассказал по порядку, но, споря с рассказом,
сон, смежавший глаза, растворял согревшийся разум
негой нахлынувших грез, я дремал, и в сонном мираже —
снег не скрипел, был мороз слишком мал, минус пять или даже
меньше...

Николай Зайцев[262]

Фрагменты книги поэм «Негромный свет»

ПАРАФРАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

1. Пророк

За сорок дней все тело обгорело,
пока в пустыне шел, просил дождя.

[262] В память о Николае Ивановиче Зайцеве – кандидате филологических наук, доценте филологического факультета ННГУ, близком друге, журналисте, писателе, поэте и публицисте, безвременно ушедшем от нас.

Но рядом не было небесного вождя:
он улетел тогда на остров Мелос
(там школа проповедников имелась;
и чтобы ей придать необходимый вектор,
на время нужен был толковый ректор!..).

Так не за что был брошен я в пески,
а для чего! И кто был выбран словом,
тот днями взят был в жаркие тиски
живогвореньем, ради правил новых.

Как здесь они давались нелегко:
ненониманье, зависть, пустозвонство,
тупое чванство, - сколько их всего
вилось вокруг из немузейных монстров!

А я лежал в те дни тогда один,
опутан немотою, словно стропами,
мою покуда грудь тот Серафим
вскрывал перстами шестистопными.

Тогда-то... струи алые крови
он на все стороны направил,
и там, где струны падали во рвы,
твердели камни в грозовой оправе.
С тех пустырей страдания людей
тревожат душу, не пускают в рай...
И ставит голос посох у дверей:
глаголом жги - но камни собирай!
4 июня 1995 г.

Сергей Муратов[263]

Фрагменты из сборника стихов «Ты хотел поговорить…»

О России (песня)

О России много говорить не надо.
Что о ней, России, говорить?

[263] Сергей Дмитриевич Муратов – православный священник, педагог, музыкант. В 1991 г. был призван к служению в Русской православной церкви. В 2005 году окончил Нижегородскую духовную семинарию, защитил дипломную работу по православной педагогике.

Вот дожить бы, брат, до листопада,
Чтоб по жёлтым листьям походить.
Может, скажет кто: «Нашёл забаву...
Вон в Китае лист ещё желтей».
Нет. Ты подавай-ка мне: дубраву,
Белые берёзки; пескарей –
В речке Вязовке, что помню с детства, -
Чтоб забросить удочку с моста;
В церковку зайти, что по соседству –
Приложиться к образу Христа...
Подавай не подавай, нескоро
Окажусь я у родных ворот,
Только вот я вряд ли слёзы скрою
На пороге дома, где живёт
Дух отеческой любви и нежность мамы,
Братьев смех и детская возня,
Дедом сделанные окон рамы...
Сколько ж лет всё было без меня?
Господи, дай время и возможность
Прикоснуться к ангелам в саду.
К ним неслышно, очень осторожно,
С умиленным сердцем подойду –
Чтоб калитки скрип их не встревожил,
Я её тихонько отворю.
Только дай, Всемилостивый Боже,
Вновь увидеть Родины Зарю.
О России много говорить не надо.
Что о ней, России, говорить?
Кто-то ищет земли Эльдорадо,
Нам же, брат, в России надо жить.

Благословение

Как-то в детстве заглянул я в сундучок,
Где хранились вещи, сердцу дорогие. –
Смотрит на меня с дощечки старичок,
А глаза живые, грустные такие.
На главе как будто - царская корона,
Звёздочки по краю, книга на руке,
Буковки видны какие-то в сторонке,
А на обороте - дырочка в доске.
И спросил я маму о своей находке:
Что это такое? Что за старичок?
Отвечала мама:
Николай Угодник,

Прижимая крепко к сердцу образок.
Он такой хороший, нам он помогает...
Видишь, он десницей всех благословляет?
И тебя, сыночек, я благословлю
Этой вот иконкой на всю жизнь твою.
Скоро полстолетний встречу день рожденья –
Николай Угодник и сейчас со мной.
Мамина иконка, как благословенье.
Чувствую касанье я руки родной

Сочельник (песня)
Я - перед иконой
Древней, намоленной.
Огонёк лампады,
От свечи зажжённый,
Будто капля света –
В золото одета.
На душе так тихо,
Словно песня спета.
Так же тихо в храме,
А в оконной раме
Показались звёзды.
Говорю я маме,
Что прошёл Сочельник,
Сладко пахнет ельник,
И кружит снежинки
Ветерок-затейник.
Лица просветились –
И сердца забились.
Фейерверком звёзды
Будто преклонились.
И явилось Слово,
И встречаем снова
Вечный праздник Жизни –
Рождество Христово.

***

Как горько и обидно мне за тех,
Кто по крещенью как бы православен.
Но, словно яд, течёт их сатанинский смех
С поганых уст, - из-под рубахи камень
Готовы бросить Церкви в огород
Не иноверцы - нашенский народ.

А с виду все они благообразные
И любят рассуждать о гуманизме.
Конечно, темы их бесед бывают разные:
О милосердье, хлебе, терроризме...
Как мир спасать, решают круглый год
Не иноверцы - нашенский народ.

И всё вокруг своим аршином мерят,
В чужом глазу малу соринку видят,
Спроси у них о Боге - все в душе, мол, верят,
Попов же, как известно, ненавидят.
Муть разглядят и среди чистых вод
Не иноверцы - нашенский народ.

Не думают, что время истекает.
Живут как все: не пьют и не воруют. –
Грехи?! Так как без них?
Они у всех бывают.
Вон дети - эти тоже озоруют.
И как бы невзначай лягнут Синод
Не иноверцы - нашенский народ.

Одним мы миром мазаны, собратья.
Безумство Хама - скорбное событие.
Друг друга сколько ж будем грязью обливать-то?
По вере нашей будет наше житие.
Пока печальный ждёт нас всех исход,
Не иноверцев - нашенский народ.

Подходим все под общий знаменатель –
Не каемся, а только согрешаем.
Но всё же к благу волен обратить

Создатель
Те мерзости, что люди совершают,
Когда, собравшись вместе, наш народ
Начнёт свой покаянный Крестный ход

Молитва (песня)

Господи!
Отчего ж мы душою ветшаем?
На вопрос этот нет мне ответа.
Мы и Книгу Твою не читаем,
И не ждём за ночами рассвета.

Ты пришёл и принёс нам надежду,
Но ведь мы не стоим пред Распятьем –
Ни о «брачной», ни «ветхой» одежде
Нет у нас никакого понятья.

Всё равно - Ты прости нас, мой Боже,
Наши души, как мрачные тени...
А Распятье Голгофы, быть может,
Призовёт нас упасть на колени.

Ты прими нас, как Блудного сына,
Как смоковницу, нас не отвергни.
Чтобы с брачного пира нас в спину
Не погнали - и в тьму нас не ввергли.

Ты прости нас, детей окаянных,
Хоть того мы, конечно, не стоим.
Костенеем в грехах постоянных,
Маршируем к погибели строем.

Дерзко, дерзко просить снисхожденья,
Когда в лености бьём мы баклуши...
Пусть же Свет Твоего Воскресенья
Просветит наши тёмные души!

5 августа 2010 года исполнилось 70 лет одному из создателей кафедры культурологи, истории и древних языков НГЛУ им. Добролюбова, заведовавшему ею с 1996г., ныне профессору кафедры, доктору исторических наук, заместителю директора СГЛК ПФО РФ, **Владимиру Михайловичу Строгецкому**. Ректорат, Ученый совет, сотрудники и преподаватели, аспиранты и студенты НГЛУ поздравили в этот день авторитетного ученого-антиковеда, талантливого организатора, мудрого руководителя, педагога по призванию с замечательным юбилеем! Владимир Михайлович - автор более 200 научных публикаций, в том числе 10 монографий, научный редактор сборников научных статей, авторитетный знаток истории образования, традиций отечественной педагогики, известный ученый, специалист в области античной истории, культурологии и Римского частного права.

К этой дате Владимир Михайлович издал автобиографическую исповедь «Путь сквозь тернии», фрагменты которой публикуются в этом выпуске Альманаха.

***

«Я родился 5 августа 1940 года в г. Черкассы под Киевом. Здесь же учился в средней школе. В городе была хорошая библиотека и прекрасные библиотекари. Я учился в 8 классе, когда одна из сотрудниц библиотеки собрала ребят, которые часто наведывались в библиотеку и начала с нами заниматься. Она учила нас правильно читать книги и стихи. Объясняла, как правильно писать эссе, рефераты, доклады. Как собирать необходимый материал. Мой первый доклад, который я подготовил под ее руководством, был о возникновении Донецкого угольного бассейна. Благодаря этой женщине я уже к 10 классу знал, что обязательно буду историком.

Окончил я школу в 1958 году. Отец устроил меня на почту радиомонтером. Но работая радиомонтёром, затем помощником турбиниста на местной электростанции, я не оставил своего желания поступить на исторический факультет Ленинградского университета.

Поступив в 1960 г. на исторический факультет ЛГУ, я стал специализироваться по кафедре истории Древней Греции и Рима. Когда мы стали слушать лекции, наступил настоящий духовный пир. Читая книги по истории, готовясь к вступительным экзаменам, я встречал имена многих ученых, которых теперь я увидел воочию. Нам читали лекции В.В. Мавродин, К.М. Колобова, Н.Н. Залесский, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, М.А. Гуковский, Н.А. Корнатовский и многие др. Был 1960 год – расцвет хрущевской «оттепели». Многие преподаватели только недавно вернулись из сталинских лагерей. Они хотели с лихвой восполнить то время, которое у них отобрали сталинские палачи

Ежов, Берия и их приспешники. У меня до сих пор хранятся записи лекций К.М. Колобовой, Н.А. Корнатовского, М.А. Гуковского.

Помня свою городскую библиотеку в Черкассах, в которой, мне казалось, было так много книг, я поразился богатством литературы, которую хранила и хранит научная библиотека ЛГУ. Привыкший к запаху книг и тишине читального зала, я после занятий пропадал в библиотеке. Благо она тогда работала до 10 часов вечера. Жили мы рядом с историческим факультетом и Пушкинским домом. Нужно было только перейти мост Строителей и дальше начиналась Мытнинская набережная, где и стояло наше общежитие. До 1917 года это была знаменитая на весь Питер Зоологическая гостиница. С общежития открывался прекрасный вид на Неву, на Зимний дворец, Дворцовый мост. Жизнь студенческая была великолепной и прекрасной. Но беда в том, что все, что прекрасно, часто недолговечно. Незаметно подошёл 4-й курс. Нужно было задумываться, как жить после окончания университета. Прежде всего, нужно было подумать о личной жизни. В 1964 году я женился. Моей избранницей стала Светлана Яковлевна в девичестве Томашевская.

После окончания университета я должен был бы отправиться учительствовать по государственному распределению в Ленинградскую область. Но я, поступая в университет, не хотел быть учителем в школе. В результате переписки с вузами мне пришли два приглашения на работу в Хабаровский и Уссурийский пединституты. Я выбрал Уссурийск. В Уссурийске я был приписан к кафедре философии, так как в то время в Уссурийском пединституте исторического факультета не было, и я, работая на кафедре философии, читал и философию и историю. Кроме того, на факультете французского языка преподавал латинский язык. Воспользовавшись случаем, я попросил у руководства института направление в целевую аспирантуру в ЛГУ.

Приехав в Ленинград, я с радостным волнением отправился на родную кафедру. Меня встретили на кафедре, как родного человека. Здесь я сдал главный кандидатский экзамен, и моим научным руководителем стала К.М. Колобова доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима. И вот в сентябре 1967г. я снова вернулся на родную кафедру уже в качестве аспиранта. Тема диссертации определилась: «Внешняя политика Спарты в VI в. до н.э.». Я стал собирать материал и читать литературу, я снова окунулся в творческую ауру читальных залов ленинградских библиотек. Но теперь у меня появились и серьёзные семейные обязанности.

Жизнь казалось, наладилась, но трудности возникли с моим научным руководителем. К.М. Колобова серьёзно заболела. Конечно, без научного руководителя писать диссертацию труднее, но мне никто не отказывал в помощи. Это дало возможность познакомиться поближе с такими выдающимися учеными, как Э.Д. Фролов, Ю.В. Андреев, А.И. Доватур, А.И. Зайцев, Д.П. Каллистов, М.А. Дандамаев, и др.

Три года аспирантуры пролетели тоже быстро. Я собрал материал, прочитал много книг и статей. До сих пор у меня хранятся конспекты моих штудий. Подготовил текст диссертации, но до защиты диссертации было еще далеко.

Аспирантура у меня была целевая, и я должен был вернуться в Уссурийск, где я продолжал работать над диссертацией и даже послал первые несколько статей в центральный журнал Вестник Древней Истории (ВДИ).

Случилось так, что, расставшись с Уссурийском после трёх лет работы, я избрал город Горький, где я стал работать в ГГУ им. Н.И. Лобачевского с 1971г. Кафедра оказалась достаточно интересной по своему составу. Здесь были представители московской школы, например, М.С. Садовская, к сожалению, ныне покойная. Она была ученицей московского проф. Дьякова. Представителями еще петербургской школы были Н.П.Соколов и Т.М. Червонная - выпускница кафедры средних веков ЛГУ, ныне покойные. Были также выпускники историко-филологического факультета Горьковского госуниверситета - ученики проф. С.И. Архангельского и Н.П. Соколова: Е.В. Кузнецов, Е.Д. Воробьева, В.М. Меженин, В.С. Павлов и другие.

Я близко сошелся с Н.П. Соколовым и попросил его организовать семинар, подобный тем, которые были и в старой Петербургской школе и в то время, когда я учился на кафедре Истории Древней Греции и Древнего Рима. Речь идет о семинарах, в которых под руководством научного руководителя читали, переводили и комментировали произведения античных авторов. В 1971 – 1973 гг. у меня вышла целая серия статей в журнале «Вестник древней истории». К этому времени я уже полностью закончил свою кандидатскую диссертацию, и в 1973 г. успешно ее защитил в Совете Исторического факультета ЛГУ.

Работа на кафедре всеобщей истории ГГУ меня вдохновила. Со времени окончания ЛГУ в 1965 г. я впервые стал читать курсы по античной истории, вёл семинары и специальные курсы. После защиты кандидатской диссертации мое положение на кафедре изменилось. Уже в 1974 г. я стал старшим преподавателем. Затем встал вопрос о создании кафедры истории Древнего мира и Средних веков и кафедры Новой и Новейшей истории. Кафедру истории Древнего мира и Средних веков возглавила Е.Д. Воробьева, специалист по истории Средних веков, а кафедру Новой и Новейшей истории возглавил сначала приезжий профессор, Мерцалов. Но он недолго проработал и уехал, а кафедру стал возглавлять В.М. Марченко, мой очень близкий друг, с которым мы вместе учились на истфаке ЛГУ, к соэжалению очень рано ушедший из жизни. 1977 г., после того как Е.Д. Воробьева по болезни ушла с заведывания кафедрой, я возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков.

Я впервые возглавил коллектив преподавателей и сотрудников. Хотя и небольшой, но люди там были разные, они формировались как преподаватели и ученые под влиянием разных научных школ и традиций. Поэтому необходимо было выработать правила руководства таким коллективом. Жизненный опыт, пусть и небольшой, подсказывал, что главные гуманистические принципы должны быть в следующем: не мешать, помогать и заботиться о преподавателях и сотрудниках кафедры. Большую помощь мне оказывала старший лаборант кафедры В.А. Новожилова, которая и сейчас успешно трудится в деканате исторического факультета ННГУ. Я установил дружественные отношения сотрудничества не только с ленинградской кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима, где я и так чувствовал себя родным, но и с кафедрой Древнего

мира МГУ, где тогда кафедрой руководил профессор В.И Кузищин. В ЛГУ кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима после смерти К.М. Колобовой стал руководить профессор Э.Д. Фролов. В.И. Кузищина и Э.Д. Фролова я приглашал на историко-филологический факультет университета им. Н.А. Лобачевского читать лекции, выступать перед преподавателями, аспирантами и студентами.

Итак, я, будучи воспитанником ленинградской школы, смог найти общий язык со всеми коллегами нашей кафедры. Со своими первыми студентами в Горьком я познакомился в 1971 г. на «картошке», то есть сельхозработах, куда посылали преподавателей и студентов местные партийные и государственные власти. Я узнал их во время лекций и семинаров. Поэтому, когда С.К. Сизов, В.А. Блонин, Г.В.Воронкова окончили университет, я принял участие в том, чтобы они остались на кафедре и поступили в аспирантуру. С.К. Сизова я рекомендовал в аспирантуру к Э.Д. Фролову в Ленинград. Благодаря моим стараниям окончила аспирантуру у Э.Д. Фролова и Н.А. Касаткина. Я предложил начать издавать кафедральный сборник «Из истории античного общества», первый выпуск которого вышел в 1975 г. Этот сборник и сейчас кафедра истории Древнего мира и Средних веков успешно издает.

Казалось, в моей жизни все стало складываться вполне благополучно. Я возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков. Стал заниматься деятельностью, непосредственно связанной с моим образованием и квалификацией. Мои научные интересы тоже определились. Занимаясь переводом и комментарием книг Диодора Сицилийского его «Исторической библиотеки», я избрал важный период в истории Древней Греции классического времени: так называемый период Пентеконтаэтии, т.е. пятидесятилетия между Греко-персидскими и Пелопонесской войнами (480-430 гг. до Р.Х.). Меня интересовали межполисные отношения этого периода, особенно отношения Спарты и Афин и возникновение различных форм их имперской политики.

Этим я и стал серьезно заниматься. Появилось довольно много моих статей во ВДИ, в сборниках кафедры истории Древней Греции и Древнего Рима ЛГУ в изданиях Ассоциации антиковедов СССР, публикуемых Институтом Всеобщей истории, и в сборнике «Из истории античного общества». Поэтому я мог просить деканат факультета и ректорат университета перевести меня на должность старшего научного сотрудника для подготовки докторской диссертации. Но к концу 70-х гг. историко-филологический факультет ГГУ охватили кризисные явления. С одной стороны, они явились результатом той политики и тех принципов руководства коллективом, которых придерживался Е.В. Кузнецов. С другой – фактически отражали общий нравственный экономический и политический кризис в стране, который предвещал конец созданного Лениным и Сталиным изначально нежизнеспособного государства Советский Союз.

Подошел 1982 год. Я получил возможность перейти на должность старшего научного сотрудника, уехал в Ленинград и там стал заниматься подготовкой докторской диссертации. К 1985 году текст диссертации был готов.

Докторскую диссертацию я защитил на Историческом факультете ЛГУ. Я проработал в ГГУ им. Н.И. Лобачевского с 1971 г по 1987 г. При всех трудностях

и перипетиях это были интересные годы. Я здесь вырос от ассистента до доцента. Работая на историко-филологическом факультете, я защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую. У меня сложились твёрдые мировоззренческие и научные взгляды. Хорошие отношения сложились с профессором И.Е. Куровым, проректором по учебной работе ГГУ.

И в этом же 1987 году я ушел из ГГУ. Начался новый этап в моей жизни. Я пришел работать в пединститут, где ректором в это время как раз стал И.Е. Куров. Перейдя в пединститут, я стал работать доцентом кафедры всеобщей истории под руководством В.М. Марченко. Деканом был В.М. Меженин. В это время И.Е. Куров стал формировать команду, целью которой была разработка комплекта документов и программ, необходимых для перехода пединститута в статус педагогического университета. В эту команду вошли педагоги, психологи, преподаватели естественнонаучных и гуманитарных кафедр. В эту команду включили меня и В.М. Марченко. Работа предстояла весьма кропотливая, но интересная. В вузе было немало сопротивляющихся и сомневающихся. Но время показало, что проделанная нашей командой во главе с И.Е. Куровым работа себя оправдала. В 1991г. Нижегородский пединститут получил статус педагогического университета.

Работа в составе команды во главе с И.Е. Куровым оказалась весьма интересной, поучительной и полезной для моей будущей деятельности, когда я стал работать в НГЛУ. Я узнал, что такое учебный план вуза, какова его структура, как он составляется. Не все было гладко на этом пути. Далеко не все преподаватели пединститута поддерживали идею превращения пединститута в университет. Их можно было понять. Они привыкли работать в обычном ритме и в тех традициях, которые сложились в пединституте со времени его основания. Мы же хотели сделать вуз соответствующим современным требованиям и условиям. Приходилось многих убеждать, выступать на различных собраниях и совещаниях, доказывая, как важно укреплять роль кафедры, превращения ее в alma mater для студентов, развивать научную и научно-педагогическую деятельность.

Будучи выпускником Ленинградского университета и специалистом в области античной истории и культуры, глубоко вникая в вопросы образования, я понял, сколь велика роль классического образования, которое сложилось в России во времена Александра I и получило свое дальнейшее развитие во время проведения Великих реформ Александром II. Я стал заниматься проблемами классического образования как раз в то время, когда в 1987–1990 гг. менялась система образования в стране. Наметился отказ от единой общеобразовательной политехнической школы, которая начала складываться с конца 50-х гг. при Хрущеве. Возникло многообразие форм образования и образовательных учреждений. Появились гимназии, лицеи, которые и должны были стать главными звеньями в системе образования. Только одни школы стали называться гимназиями и лицеями (хотя с подлинными гимназиями и лицеями исторической России они не имели ничего общего), другие же учебные заведения остались просто школами.

В это время в городе по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая возродилась Нижегородская духовная семинария, существовавшая в Н. Новгороде с XVIII века. Одним из первых ректоров ее был епископ Дамаскин (Семенов-Руднев). Он окончил Геттингенский университет. Тогда, в XVIII в. этот университет был одним из ведущих в Европе, где утверждалась система классического образования. Семенов-Руднев, став ректором семинарии, развивал в ней принципы этого образования. Семинария просуществовала до установления в 1917 г. диктатуры большевиков и утверждения в стране господства воинствующего атеизма. И только в 1993 году она вновь была открыта. Ректором семинарии стал бывший в то время настоятелем Благовещенского монастыря Игумен Кирилл (Покровский). В ней, естественно, преподавались церковно-славянский, греческий, латинский, русский и иностранные языки, составляющие основной элемент классического образования. Сегодня ректором Нижегородской духовной семинарии является Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий. По его благословению коллектив преподавателей семинарии во главе с проректором доцентом протоиереем Александром Мякининым продолжает и умножает традиции классического образования, заложенные ректором Архиепископом Дамаскиным и его последователями. Церковно-славянский язык стала преподавать в гимназии доктор филологических наук профессор истории русского языка НГГУ Л.П. Клименко. Она и предложила отцу Кириллу пригласить меня работать в Нижегородскую духовную семинарию.

В Нижегородском пединституте мои идеи возрождения классической системы образования разделяли далеко не все. Дух вульгарного рационализма, реализма и атеизма, пропитанный догматической марксистко-ленинской идеологией, еще был господствующим в обществе. Горьковский, а с 1991года, Нижегородский пединститут получил статус университета. Команда во главе с И.Е. Куровым была настроена возродить классическую гуманитарную систему в созданном университете. Она предполагала объединение исторического и филологического факультетов в единый историко-филологический департамент. Я был избран руководителем этого департамента. В это же время возникла кафедра теории культуры, которую возглавил В.М. Марченко, а я, будучи руководителем историко-филологического департамента НГПУ, стал заведовать также кафедрой Всеобщей истории.

В составе департамента возник ряд направлений и специализаций, которые студенты выбирали, начиная со второго курса. Одно из таких направлений, предполагающее объединить интересующихся студентов, как историков, так и филологов, и называлось «Древние языки, античная история и культура». О жизнеспособности этих идей говорит и тот факт, что и в настоящее время это направление сохраняется при кафедре Всеобщей истории.

Итак, началась кропотливая и серьезная работа по возрождению в системе историко-филологического департамента классического образования. Сопротивление, конечно, продолжалось. Многие хотели возвращения к традиционной структуре исторического и филологического факультетов, сложившейся в советский период.

В 1992 г. умер мой близкий друг, с которым мы дружили, начиная со второго курса ЛГУ, В.М. Марченко. Его смерть для меня была тяжелым ударом. За год до этого я был утвержден ВАК в должности профессора. Мы с В.М. Марченко планировали выпустить ряд работ в серии «Человек и общество». Две первых части мы подготовили. Свой материал он успел написать, но книги были опубликованы только через два года после его смерти.

После смерти И.Е. Курова В.К.Глуздов стал исполнять должность ректора. Он отказался от многих начинаний, которые были осуществлены командой под руководством И.Е. Курова. Я уже не мог оставаться в университете, тем более, что и другие представители нашей команды покинули НГПУ.

Я попрощался со своей кафедрой, которую возглавлял с 1992 г. и в составе которой начал работать с 1987 г. На кафедре Всеобщей истории оставались мои ученики. А.В. Хазина, под моим руководством защитившая диссертацию и являющаяся сейчас заведующей кафедрой Всеобщей истории НГПУ, готовит к защите докторскую диссертацию, Г.В. Воронкова-доцент этой кафедры. Она в свое время тоже ушла из ННГУ. Л.В. Софронова кандидат исторических наук, доцент сейчас готовится к защите своей докторской диссертации. С.А. Доманина, доцент, кандидат исторических наук, которая писала кандидатскую диссертацию у М.С. Садовской на кафедре истории Древнего мира и средних веков, но завершала диссертацию и защитилась под моим руководством.

С 1995 года я перешел в НГЛУ им.Н.А.добролюбова. Сначала я работал профессором на кафедре латинского языка и античной культуры, а с 1997 года стал возглавлять кафедру теории культуры, возникшую еще в 1994 году. Бывший в тот период ректором НГЛУ Г.П. Рябов знал, понимал и в большинстве случаев поддерживал мои идеи по развитию и укреплению классического образования в университете. По крайней мере, по моей инициативе возникла в НГЛУ кафедра культурологии, истории и древних языков. У нас преподается годовой курс латинского языка для всех лингвистических специальностей, а также нелингвистических специальностей (экономика и право) для студентов, занимающихся по программе Российско–французского университета. Эта программа, согласно которой студенты получают подготовку в ННГУ по специальным предметам экономики и права, а у нас в НГЛУ по иностранным языкам и латыни, функционирует на переводческом факультете.

Преподавание латинского языка и античной культуры было поставлено на хороший научно-методический уровень кандидатом филологических наук доцентом В.К. Кочетковой, в настоящее время, к сожалению, уже ушедшей из жизни. Её традиции продолжают и развивают на нашей кафедре доцент Е.В. Соболева и доцент кандидат исторических наук А.М. Брагова, а также аспирантка кафедры Н.В. Костенюк. Кафедра наша обеспечивает преподавание общеобразовательных дисциплин культурологи и истории на всех факультетах университета, в том числе на заочном и вечернем отделениях. Преподают эти дисциплины учёные высшей квалификации доктор исторических наук профессор О.Н. Сенюткина, доцент кандидат философских наук О.К. Шиманская, доцент кандидат исторических наук М.П. Самойлова, ныне заведующая кафедрой,

доцент кандидат философских наук Д.А.Скопин, доцент кандидат исторических наук Б.А. Ночвина.

За время работы в качестве заведующего кафедрой культурологии, истории и древних языков под моим руководством защитили кандидатские диссертации М.П.Самойлова и А.М. Брагова. Когда я возглавил кафедру,в её составе кроме меня больше не было докторов наук. Я убеждал членов кафедры, прежде всего доцентов среднего возраста, писать статьи и собирать материал, чтобы можно было получить должность старшего научного сотрудника для подготовки докторских диссертаций, доказывал, как важно и для кафедры и для университета иметь высококвалифицированных специалистов – докторов наук. Мне удалось добиться выделения 5 ставок старших научных сотрудников для О.Н.Сенюткиной, А.Н. Донина, Е.В. Курбаковой, Г.Л. Гуменной и О.К.Шиманской. Первые три сотрудника уже защитились, двое из них О.Н. Сенюткина и А.Н. Донин утверждены в ученой степени доктора наук, а Е.В. Курбакова защитилась в январе 2010 года. Успешно готовит докторскую диссертацию М.П. Самойлова

Итак, на кафедре у нас сейчас три штатных доктора наук вместе со мной. О.К. Шиманская ждет 7 работ в журналах, курируемых ВАК.

За время работы в НГЛУ по моей инициативе и при активном участии были лицензированы и развиваются три специальности «Журналистика», «Теория и история изобразительного искусства» и «Культурология». Специальность «Журналистика» функционирует на дневном, вечернем и заочном отделениях НГЛУ. Всего у нас обучается по этой специальности более 200 студентов. При этом в отличие от ННГУ, где также есть эта специальность, наши студенты-журналисты специализируются по проблемам международной журналистики, овладевают двумя и более иностранными языками и могут получить второй диплом о высшем образовании с квалификацией «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации по специальности «Журналистика». Эту специальность курирует доцент кафедры Е.В. Курбакова, недавно защитившая докторскую диссертацию. Журналисты издают учебную газету «Лингвист» под редакцией доцента кафедры В.Н. Романовой, там печатают свои материалы студенты, начиная с 1 курса. Уже в течение нескольких лет работает студенческое радио «Радио-лингва». Редактором является доцент кафедры А.А. Якименко.

Специальность, а теперь направление бакалавриата, «Теория и история изобразительного искусства» функционирует пока только на вечернем отделении. По этой специальности, где обучается более 40 студентов, уже было два выпуска. Курирует эту специальность член Союза художников России, в прошлом директор Нижегородского художественного музея, специалист высокого уровня по русскому искусству XIX – XX вв., В.Н. Кривова. Преподавание основных дисциплин обеспечивают преподаватели высокого класса искусствоведы кандидат педагогических наук, член Союза художников России Н.В. Квач, преподаватели Н.В. Свирина, Т.В. Зуйкова, А.В. Творогова, С.С. Акимов и другие. Ректорат университета выделил помещение для изостудии, где под руководством известных нижегородских художников П.К.Рыбакова и Т.В. Быковой, преподавателей Нижегородского художественного училища,

студенты изучают рисунок и живопись, и делают свои первые шаги в этой области искусства.

Кафедра тесно сотрудничает с музеем истории университета, который был создан В.К. Романовой, ныне, к сожалению, покойной. В.К. Романова – выпускница нашего университета, участница Великой Отечественной войны, преподавала в университете и до последнего времени возглавляла музей. Виктория Константиновна была человеком очень коммуникабельным, она пользовалась большим авторитетом. Вокруг неё всегда собирались студенты и преподаватели. Она была организатором так называемых «Салонов», где собирались представители городской интеллигенции, студенты, преподаватели не только нашего вуза. Различные проблемы обсуждались на этих «салонах», но главная тема, которая волновала В.К. Романову – это сохранение исторического облика нашего города, его памятников. В настоящее время музей переоборудован, расширился, приобрёл современный вид. Большое внимание музею сегодня уделяет О.Н. Сенюткина, по совместительству являющаяся научным руководителем музея.

Кафедра сотрудничает также с Российским культурным центром, созданным в своё время М.А. Горелик, в настоящее время возглавляющей Совет ветеранов университета. Традиции, начало которым положила М.А. Горелик, продолжила Е.В. Тихомирова – организатор и художественный руководитель молодежного народного ансамбля «Синий лен», а в настоящее время руководителем Российского культурного центра преподаватель искусствовед Т.В.Зуйкова. Кафедра совместно с Российским культурным центром при активной поддержке П.К. Рыбакова и Т.В. Быковой проводит выставки нижегородских художников в специально оборудованной выставочной галерее. Кафедра гордится тем, что в её дружном и прекрасном коллективе работает доцент, заслуженный деятель искусств, художественный руководитель и дирижёр студенческого академического хора НГЛУ, лауреата многих зарубежных и отечественных конкурсов В.И. Сладченко. Прекрасно развивает студенческую театральную студию, которую курирует также наша кафедра талантливый актёр Нижегородского театра комедии и режиссер В.П.Еруков.

С 1961г. наш университет, тогда Горьковский государственный пединститут иностранных языков, стал носить почетное имя Н.А. Добролюбова. С этого времени установились тесные дружественные и научно-практические отношения с Нижегородским литературно-мемориальным музеем Н.А. Добролюбова. С середины 70-х гг. стали издаваться сборники научных трудов, посвященные исследованию Н.А. Добролюбова и его окружения. До 2003 года было выпущено 27 выпусков сборников. Возрождение ежегодных тематических конференций, посвященных памяти Н.А. Добролюбова, началось с момента установления дружественных и научных связей кафедры культурологии, истории и древних языков с руководством музея Н.А. Добролюбова и, прежде всего, с заместителем директора музея по науке Г.А. Дмитриевской и нынешним директором музея Л.Ю.Моториной. Эти конференции отличаются от предшествующих более широкой географией участников, в том числе представителей из зарубежных государств. Разнообразной стала и тематика

докладов, что позволило в программах конференций создавать секции: музееведения и краеведения, философии, культурологии, русской и зарубежной литературы, истории отечественной и всеобщей, античной истории и культуры, теории изобразительного искусства.

Мне иногда кажется, что идеи, направленные на внедрение классического образования в средней и высшей школе, Господь открыл Владыке Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию. И пока я без особого успеха пытался реализовать свои мысли в светских школах, Владыка Георгий открыл уже 10 православных гимназий в городе и области, из которых несколько, приближаются к статусу классических.

И, наконец, в 2007 году произошло событие, которое я не могу не назвать чудом. По инициативе бывшего в то время полномочного представителя президента в ПФО А.В. Коновалова, ныне Министра юстиции РФ, и при поддержке Владыки Георгия и ректора НГЛУ Г.П. Рябова ныне Президента НГЛУ при кафедре культурологии, истории и древних языков открылся Славяно-греко-латинский Кабинет (СГЛК) ПФО РФ. Кабинет призван осуществлять повышение квалификации учителей православных классических гимназий по церковно-славянскому, латинскому, греческому, русскому и иностранным языкам, а также по отечественной истории и русской литературе. Руководителем Кабинета стал Президент НГЛУ Г.П. Рябов, я являюсь заместителем Г.П. Рябова и организатором работы Кабинета. У истоков создания Кабинета стали доценты Е.В. Соболева, Т.Д. Маркова, М.П. Самойлова, Д.А. Скопин, а также директор Ресурсного центра истории и древним языкам Е.Ю. Борисова и библиотекарь – лаборант И.Г. Мещанинова.

За три года функционирования СГЛК ПФО РФ были изданы два выпуска Альманаха, ставшего печатным органом Кабинета. Содержание Альманаха состоит из трех составных частей. Прежде всего, в нём отражаются проблемы педагогического менеджмента, а также вопросы методики и практики преподавания в православных гимназиях дисциплин классического цикла. Следующей частью содержания Альманаха является публикация научных статей и материалов, составляющих сущность классической филологии в широком смысле слова, то есть так, как она понималась в науке до начала XX в. Поэтому в Альманахе публикуются статьи по проблемам языка, литературы, истории, философии, культурологии и права. В третьей части публикуются рецензии, переводы и образцы творчества: стихи, проза и прочее.

В 2010 г. СГЛК выиграл конкурс, объявленный Фондом Преподобного Серафима Саровского, и получил грант. Средства пойдут на организацию и проведение занятий по курсам повышения квалификации учителей православных классических гимназий ПФО РФ, проведение семинаров и консультаций. В перспективе планируется создание сайта СГЛК ПФО РФ, а также проведение научно-практических конференций, конкурсов гимназистов по языкам, литературе и истории. В 2012 г. СГЛК выиграл в третий раз грант Фонда Серафима Саровского и мы сейчас готовимся к очередному туру курсов повышения квалификации учителей православных гимназий и школ и к изданию третьего и четвёртого выпуска Альманаха.

Главная цель, которую я вижу в развитии классического образования в православных гимназиях, заключается в том, чтобы выпускники их отличались высоким уровнем нравственности, чувством сознательного понимания важности служения отечеству в различных сферах жизни общества, также обладали хорошими знаниями и умением их самостоятельно применять и совершенствовать там, где им придется трудиться или продолжать дальнейшую учебу. Православные классические гимназии должны составить здоровую конкуренцию средней светской школе. Такие гимназии должны открываться по всей стране, и тогда эта конкуренция или соревнование помогут вывести современную систему среднего образования, а затем и высшего, из того состояния кризиса, в котором они сейчас находятся.

Завершая свою автобиографическую исповедь, хочу сказать и о своей семье. Выдающийся древнегреческий философ Аристотель считал семью важнейшим институтом общества, основой государства. Семья должна быть самостоятельной социально-экономической ячейкой общества. Это возможно только тогда, когда в обществе существует законодательно защищенная частная собственность и господствует приоритет частного права над публичным. Поэтому в исторической России до 1917г. не только сельская, но и городская семья была такой ячейкой, и в российских семьях было до 3-5 детей. После захвата власти большевиками и установления коммунистической диктатуры частная собственность была отменена, в стране повсеместно установилось господство государственного публичного права, семья утратила свою естественную роль социально- экономической ячейки общества.

Но по традиции до конца 50-х гг. в стране ещё были семьи, где растили и воспитывали до трёх детей. Правда, нужно иметь в виду фактор войны. В 1945-1946 гг. в семьи вернулись выжившие в войне мужчины от 25 до 45 лет. Поэтому на 50-е гг. пришелся период роста рождаемости. Но затем в силу ухудшающихся материальных и социальных условий жизни рождаемость стала сокращаться, и число детей в семьях стало уменьшаться. Поэтому моя семья в количественном отношении оказалась меньше, чем семья моих родителей. Они вырастили троих детей. У меня есть еще младшие родные брат и сестра. Мы же со Светой вырастили только одну дочь Оксану. Сейчас она работает в НИРО, защитила кандидатскую диссертацию и продолжает работать над докторской диссертацией. Она стала активной верующей и в православном духе воспитывает дочь Ксению, нашу внучку. Таким образом, мы со Светланой Яковлевной можем гордиться, что воспитали прекрасную дочь. Оксана выбрала нелегкий путь женщины, занимающейся науко стране. Она вышла замуж. У нее двое детей, наших внуков: Денис успешно закончил наш лингвистический университет по специальности «Финансы и кредит и работает в Санкт-Петербурге и готовится к поступлению в магистратуру. Внучка Ксюша – школьница, учится в девятом классе . Теперь и Оксана Владимировна убеждается, что семьи как самостоятельной социально-экономической ячейки по-прежнему нет в нашей стране. Без помощи родителей она не смогла бы успешно заниматься наукой и воспитывать двоих детей.

Наконец, подошла очередь рассказать и о том значении, которое имеет в моей судьбе Светлана Яковлевна Томашевская, ставшая моей женой. Как я уже

говорил, мы познакомились вскоре после окончания школы. До женитьбы мы дружили около 6 лет большей частью заочно, так как в то время как я учился в Ленинграде, Света окончила фармацевтический техникум в Курске и, став фармацевтом, работала в городе Павлово Горьковской области. Мы стали мужем и женой в 1964г. Свадебный обряд состоялся в Ленинградском дворце бракосочетания. Рождение нашей семьи мы скромно отметили в общежитии, где я тогда жил, в кругу моих студенческих друзей. После этого мы опять расстались. Света уехала в Павлово, а я завершал учебу в университете. И когда затем я сообщил ей, что нам придется ехать на Дальний Восток и работать в Уссурийске, она без колебаний поехала со мной. И с этого времени все тяготы нашей жизни она безропотно переносила. Ей пришлось многим пожертвовать фактически ради моей карьеры. Начав учиться заочно в Ленинградском химико-фармацевтическом институте, она вынуждена была оставить его. Я всегда помню и ценю самоотверженность и преданность Светланы Яковлевны нашей семье, мне, дочери и нашим внукам. Так же как когда-то Сократ сказал: «Если бы у меня не было моей Ксантиппы, я не стал бы философом», я могу утверждать, что, если бы у меня не было моей Светы, я не стал бы историком, доктором исторических наук, профессором. Когда же наша дочь стала заниматься научной деятельностью, Света стала также помогать ей, как она помогала мне. Ей пришлось раньше времени оставить работу в аптеке, где ее очень ценили как очень хорошего и ответственного специалиста. Она стала домохозяйкой и взяла на себя главную ношу: воспитание и обучение внуков, так как сегодняшние гимназии таковыми являются только по названию.

Светлана Яковлевна тщательно хранит очаг семьи нашей и, если я нахожусь где-либо вдали от нее, хочется скорее возвратиться домой. Поэтому драгоценные слова ветхозаветного Библейского текста лучше всего отражают то неизмеримое значение, которое занимает Светлана Яковлевна в моей жизни, в жизни нашей дочери и наших внуков. Вот эти золотые слова: «Кто найдет добродетельную жену, цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа. Она воздает ему добром, а не злом во все дни жизни своей… Она делает ковры и покрывала, виссон и пурпур одежда ее. Уста свои она открывает с мудростью и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Муж ее известен. Встают дети и ублажают ее, муж хвалит ее: много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

Вот я и перелистал страницы моей жизни. В ней было немало радостей и горестей. Но такова жизнь любого человека, который живет не ради получения одних только удовольствий и наслаждений. А выбирает путь подобно Гераклу, отказавшемуся от заманчивых посул некой дамы по имени Гедоне (удовольствие), но сознательно, вступив на трудный путь, указанный другой женщиной по имени Эвдемония, что значит Счастье.

В заключение хочу также сказать, как постепенно менялось моё мировоззрение, и чем это было обусловлено. Я, как и любой человек, родившийся в советской стране, где господствовала коммунистическая идеология, и воинствующий атеизм, в детстве был пионером, в юности комсомольцем и некоторое время состоял в КПСС. Пионером я стал сознательно. И до сих пор

помню клятву пионера, где есть слова: «Как повяжешь галстук, береги его и т.д.». Помню также, когда за какой-то проступок меня хотели публично наказать и снять галстук, я очень плакал и просил прощения. В комсомол я вступал уже в соответствии со стадным чувством. В пионерском отряде и комсомольской организации я особой активностью не отличался.

Никаких должностей типа председателя пионерского отряда или дружины, комсорга или члена комитета комсомола ни в школе, ни в университете я не исполнял. Запомнилась мне линейка в школе в связи со смертью Сталина. В то время смерть Сталина воспринималась как ужасная утрата, вызывавшая у советских людей страх перед будущим. Эти чувства взрослых передавались и детям. Но странным мне сегодня кажется, что я этих чувств не испытывал. Поэтому, когда на линейке вся школа – учителя и дети плакали навзрыд – у меня это вызывало удивление и непонимание. Но я рос в семье, где отец был коммунистом, он вступил в партию еще в годы войны. Мама, хотя и ходила иногда в церковь, но меня никогда к религии не привлекала. Тем не менее, в раннем возрасте она меня привела в церковь, где я был крещен и долго помнил своих крестных отца и мать. Отец никогда не высказывал своего отношения к религии: ни положительного, ни отрицательного. О своем отце, моем дедушке Гасоне, который был диаконом, он говорил мало, но иногда, когда в гостях пел, а голос у него был неплохой, он мог вспомнить, что дедушка обладал хорошим для диакона голосом.

В ЛГУ сомнения, и критическое отношение к действительности у меня возникли под влиянием лекций профессоров и чтения античной литературы. И уже к IV курсу я вполне сложился как пассивный и скрытый скептик и антикоммунист. Как и большинство думающих тогда людей я не афишировал свои взгляды. В отношении религии я оставался атеистом. Однако со второго курса, когда я уже более-менее узнал Ленинград, я любил после весенних экзаменов пройтись пешком по Невскому и Староневскому проспекту и гулять в Александро-Невской Лавре.

И вот, через много лет, когда я начал работать в Горьковском пединституте, я был приглашен на работу в семинарию. Не сразу, но много лет спустя, когда стал задумываться, как я попал в Нижегородскую семинарию, я вспоминал свои попытки проникнуть в семинарию в Александро - Невской Лавре и уже объяснение моё не носило рационалистического характера. Я нередко заходил и в храм в Лавре, смотрел и слушал службу. Запах ладана в храме мне нравился. Он успокаивающе действует на сознание и создает в храме особый психологический настрой. Запомнилась мне и женщина, которая, заметив моё частое появление в храме, заговорила со мной, посоветовала принять участие в обряде елеопомазания, и слова её я запомнил. Она сказала, что в молодости своей она «грех как мёд пила, а придя к Господу, стала совершенно другим человеком». Но тогда меня эта иррациональная сторона жизни не очень затронула. Я руководствовался, прежде всего, чувством любопытства.

Тем не менее, когда я снова оказался в Ленинграде, я вспомнил о своих посещениях Лавры и снова стал туда приходить. Иногда я заходил и в другие храмы города. И вот, уже работая в пединституте, занимаясь проблемами

классического образования, я стал задумываться о некоторых событиях в моей жизни. Искал я объяснения, например, тому, каким образом в моей ранней юности встретилась мне прекрасная женщина, специалист – библиотекарь, которая помогла пробудить во мне интерес к истории, и этой наукой я стал заниматься всю жизнь. И, когда я был приглашен работать в Нижегородскую Духовную семинарию, которая располагается в Благовещенском монастыре, я окончательно понял, что вся моя, да и не только моя жизнь – это путь, предначертанный Господом. И уж совсем я в этом убедился, когда начал работать в Нижегородском государственном лингвистическом университете. Г.П. Рябова, тогдашнего ректора, нынешнего Президента нашего университета, я не знал, но слышал о нем. Он оказался человеком высокой культуры и гуманистических убеждений, т.е. человеком, близким мне по духу. Он также, как и я, тяготеет к православной вере. Поэтому неслучайно А.В. Коновалов, тогдашний Полномочный представитель президента в ПФО РФ и Владыка Георгий, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский, предложили Г.П. Рябову открыть при кафедре культурологи, истории и древних языков Славяно-греко-латинский кабинет ПФО РФ.

* *

Перед Вами автобиографическая исповедь. Жанр исповеди подразумевает эмоциональность, некоторый субъективизм и предельную искренность.
Это мое отношение к людям, с которыми столкнула меня судьба, и моё отношение к жизни».

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории
КЕЭ – Краткая Еврейская Энциклопедия
УЗЛГУ – Учёные записки Ленинградского государственного университета
HSCPh – Harvard Studies in Classical Philology

АЛЬМАНАХ

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО КАБИНЕТА ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

“Thesaurus scientiarum et virtutum.
Сокровищница знаний и добродетелей”

ВЫПУСКИ 3-4

Печатается в авторской редакции
Редакторы: Л.П. Шахрова
А.О. Кузнецова
Лицензия ПД № 18-0062 от 01.02.12

Подписано в печать **Формат 60х90 1/9**

ПЕЧ. Л. **ЗАКАЗ**
ТИРАЖ 300 экз.

Цена договорная